

Во времена Холодной войны советское влияние и ленинская идеология были неразделимы. Коллапс обеих систем отбросил российское влияние к точке неопределенности. В этой книге Джеймс Шерр, на основе своих глубоких и многолетних исследований, объясняет и анализирует факторы, возродившие влияние России. Сегодня искусно и противоречиво объединились подходы царской, советской и современной России. Результатом стала политика, основанная на смеси стратегии, импровизации и традиции. Новизна и успешность этой политики несут в себе потенциальную опасность – как для соседей России и Запада, так и для самой России.

“Эта небольшая по объему книга должна быть в списке обязательной литературы для дипломатов и тех, кто влияет на политические решения, в качестве пособия, необходимого для понимания внутренних механизмов международных отношений вообще и стратегической культуры России в частности. Шерр возвращается к темам своих предыдущих исследований влияния истории России на формирование ее внешнеполитических целей и выбора стратегии их достижения. Его глубокая проницательность ставит эту книгу в один ряд с другим кратким классическим произведением – работой Дж.Кеннана “Россия и Запад при Ленине и Сталине” (George Kennan, *Russia and the West under Lenin and Stalin*, 1961). Рекомендации Шерра западным стратегам достаточно сильны для того, чтобы дать возможность России ощутить последствия ее собственных решений. Это – уникальная работа одного из немногих лучших специалистов по России нашего поколения”.

Эндэрс Вимбуш, Исполнительный директор по вопросам стратегии и развития Национального бюро исследований Азии, США (National Bureau of Asian Research, NBR)

“Эта лаконичная книга богата оригинальными интерпретациями способности России обращать свои слабости в преимущества. Логика изложения, избегающего стандартных оценок намерений и возможностей, намного проще большинства политических анализов, подготовленных под определенные требования. Главное преимущество Дж.Шерра перед любым традиционным реалистом или рациональным экономистом состоит в силе его аргументов, а элегантная убедительность его прозы существенно отличает эту работу от большинства академических трудов”.

Павел Баев, Профессор Института исследования мира, Норвегия (Peace Research Institute, PRIO)

“Дж.Шерр умело излагает подходы России к мировым проблемам и внешней политике. Каждый, кто хочет понять, как формируется и чем мотивируется российская политика по отношению к Соединенным Штатам, НАТО, Европе, соседям России, должен прочесть эту книгу”.

Фиона Хилл, директор Центра Соединенных Штатов и Европы, старший научный сотрудник Программ внешней политики Брукингского института, США (Brookings Institution)

“Новая книга Дж.Шерра предлагает глубокий и рассудительный анализ российского влияния в мире. Мягкое принуждение, представленное Шерром как инструмент российской политики, лежит посередине между жесткой и мягкой силой. Он объясняет и дополняет определения силы и влияния, изложенные в основополагающем произведении Ная “Мягкая сила: достижение успеха в мировой политике” (Joseph S. Nye, *Soft Power: The Means to Success in World Politics*). Проницательная и остроумная “Жесткая дипломатия и мягкое принуждение: российское влияние за рубежом” – обязательна к прочтению для каждого, кто стремится лучше понять методы работы России, мотивы и причины ее действий – и каким образом Запад должен реагировать на них. В духе лучших традиций оксфордских дискуссий Шерр привлекает и убеждает читателя принять его образ мысли. Этой книгой Дж.Шерр еще раз подтвердил право называться одним из лучших экспертов по России”.

Радослав Сикорский, Министр иностранных дел Польши

“Среди американских и европейских исследователей российской внешней политики я бы особо выделил троих – З.Бжезинского, Дж.Шерра и А.Рара. Новая работа Дж.Шерра “Жесткая дипломатия и мягкое принуждение: российское влияние за рубежом” только подтверждает законное право автора на место среди лучших. Объективность изложения соседствует в ней с глубиной понимания, а развернутая историческая ретроспектива – с детальным анализом современной ситуации. Книга заслуживает не только прочтения, но и глубокого осмысления”.

Владимир Горбулин, Секретарь Совета национальной безопасности и обороны Украины в 1994-1999 и 2006 годах, академик

Джеймс Шерр – внештатный научный сотрудник, бывший директор Программы России и Евразии Королевского института международных отношений Великобритании (Chatham House)

CHATHAM HOUSE

CHATHAM HOUSE

ЦЕНТР РАЗУМКОВА

ЖЕСТКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И МЯГКОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ ЗА РУБЕЖОМ ДЖЕЙМС ШЕРР

ДЖЕЙМС ШЕРР

ЖЕСТКАЯ

ДИПЛОМАТИЯ

И

МЯГКОЕ

ПРИНУЖДЕНИЕ

РОССИЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

Жесткая дипломатия и мягкое принуждение

Королевский институт международных отношений *Chatham House* (*the Royal Institute of International Affairs*) — независимая организация, которая оказывает поддержку глубоким исследованиям международных вопросов, но не представляет позиций от своего имени. Ответственность за взгляды, изложенные в этой публикации, лежит на ее авторе.

Жесткая дипломатия и мягкое принуждение: российское влияние за рубежом

Джеймс Шерр

Перевод с английского

Издание на русском языке подготовлено совместно
Королевским институтом международных отношений *Chatham House*
и

Украинским центром экономических и политических исследований
имени Александра Разумкова (Центр Разумкова)

Киев 2013

Редакционная коллегия русскоязычного издания:

Алексей Мельник (руководитель проекта),

Людмила Шангина (главный редактор),

редакторы: Николай Сунгуровский, Алла Чернова

Макет:

Александр Шаптала

Джеймс Шерр, Жесткая дипломатия и мягкое принуждение:
российское влияние за рубежом. Пер. с английского/
Королевский институт международных отношений *Chatham House*,
Центр Разумкова. — К.: Заповіт, 2013, — 152 с.
ISBN 978-966-2050-01-1

Hard Diplomacy and Soft Coercion

Russia's Influence Abroad

James Sherr

© Royal Institute of International Affairs, 2013

First published in Great Britain in 2013 by
Royal Institute of International Affairs,
10 St James's Square,
London SW1Y 4LE
www.chathamhouse.org
(Charity Registration No. 208223)

Distributed worldwide by
The Brookings Institution,
1775 Massachusetts Avenue NW,
Washington DC 20036-2188, USA

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical including photocopying, recording or any information storage or retrieval system, without prior permission in writing from the publishers.

The right of James Sherr to be identified as the author of this book has been asserted by the author in accordance with the Copyright, Designs and Patents Act 1988.

British Library Cataloguing in Publication Data

A CIP catalogue record for this book is available from the British Library.
ISBN 978 1 86203 266 8

Typeset in Berling Nova by Koinonia
Printed and bound in Great Britain by Latimer Trend and Co. Ltd

The material selected for the printing of this book is Elemental Chlorine Free and has been sourced from well-managed forests. It has been manufactured by an ISO 14001 certified mill under EMAS.

Посвящается Кристоферу Веннеру,
научившему меня быть самим собой

Об авторе

Джеймс Шерр — внештатный научный сотрудник (бывший руководитель) Программы России и Евразии Королевского института международных отношений Великобритании (*Chatham House*). В 1993-2012 гг. работал на кафедре социальных наук Оксфордского университета (*Social Studies Faculty of Oxford University*), 1995-2008 гг. — научный сотрудник Центра исследования конфликтов Министерства обороны Великобритании (*Conflict Studies Research Centre of the UK Ministry of Defence*), 1983-1985 гг. — научный директор Института объединенных королевских сил (*Royal United Services Institute*). На протяжении многих лет Дж.Шерр был советником по Украине, тесно сотрудничая с рядом официальных и экспертных организаций как на Западе, так и на территории бывшего Советского Союза. Джеймс Шерр является внештатным научным консультантом Центра Разумкова. Его многочисленные публикации посвящены вопросам советской и российской внешней, военной политики и политики безопасности, а также энергетической безопасности, Черноморскому региону и усилиям Украины по налаживанию отношений с Россией, Западом и решению внутренних проблем.

Содержание

Об авторе	vi
От редакции русскоязычного издания	ix
Благодарности	xi
1. Основополагающие принципы	1
<i>Уточняя определения</i>	10
<i>Границы и цели исследования</i>	15
2. Генезис идей	19
<i>Имперское наследие</i>	21
<i>Тигель ленинизма</i>	26
<i>Сталинский кодекс</i>	32
<i>Момент Горбачева</i>	36
<i>Заключение</i>	40
3. Интересы России в постсоветскую эпоху	42
<i>Разрыв в восприятии</i>	44
<i>Вторая русская революция</i>	45
<i>Общеввропейская безопасность</i>	47
<i>“Нормальная” великая держава</i>	49
<i>Особая ответственность в “ближнем зарубежье”</i>	51
<i>Восхождение Путина</i>	54
<i>Кризис и восстановление</i>	57
<i>Тональность и суть политики</i>	59
<i>“Ближнее зарубежье”</i>	59
<i>Посткоммунистическая Европа</i>	60
<i>“Старая” Европа</i>	60
НАТО	61
США	61
Выводы	61

4. Методы влияния	65
Государственная и публичная дипломатия	69
Инструменты влияния	72
Бизнес	73
Энергетика	78
Гуманитарный аспект	87
Русский мир	87
Русская православная церковь	89
Высокая культура, массовая культура и средства массовой информации	90
5. Возможности приобретенные и утраченные	92
Стратегический игрок?	94
Стратегические факторы	99
Политика, экономика и общество	99
Энергетика	103
Мягкая сила культуры?	110
“Оперативный” аспект	112
Тактика или привычка?	115
6. Выводы	117
Список использованной литературы	130

От редакции русскоязычного издания

Центр Разумкова с огромным удовольствием представляет читателю книгу Джеймса Шерра “Жесткая дипломатия и мягкое принуждение: российское влияние за рубежом”. Эта книга является завершающим этапом многолетнего проекта *Chatham House*, посвященного вопросам российского внешнего влияния. Оригинал книги на английском языке увидел свет в июне 2013г. и уже получил высокие оценки.

Ознакомившись с содержанием книги, экспертный совет Центра Разумкова принял решение о целесообразности перевода этой книги, значительно расширив тем самым аудиторию читателей. Выбор русского языка был также сделан не случайно, поскольку предмет исследования автора — “мягкая сила” России, объектом применения которой является, прежде всего, русскоговорящая часть украинского общества. Тема исследования особенно актуальна для Украины сегодня, когда “жесткая дипломатия и мягкое принуждение” стали главными характеристиками российского влияния на внутреннюю и внешнюю политику Украины.

Книга написана западным автором и рассчитана, прежде всего, на западного читателя. Но для читателя из “ближнего зарубежья” она представляет двойной интерес, поскольку дает возможность глубже понять не только суть современной российской политики, но и ее восприятие Западом — отличное как от собственно российского, так и зачастую — от нашего. В некоторой степени, она позволяет лучше понять причины наших проблем как в отношениях с Россией, так и в отношениях с Западом, — которые часто имеют те же исторические корни.

Претендующая на роль супердержавы Россия, страдает от постоянного ощущения опасности, незащищенности и чрезмерных амбиций. Претензии на особенность и право на собственные правила игры даже на чужой территории далеко не всегда принимаются Западом.

Странам же, находящимся в объявленной Россией зоне “привилегированных” интересов, эти претензии и правила навязываются в куда более жесткой и безапелляционной форме.

Российская концепция “мягкой силы” имеет очень мало общего с классическим западным определением этого понятия. Российская политика, по мнению автора, построена на противоречиях и даже “мягкая сила” России преследует иные цели, нежели “мягкая сила” либерального Запада, а ее применение приносит объекту применения и самой России чаще ущерб, чем пользу. Выводы автора по поводу различий между Россией и Западом в восприятии современной ситуации, отличий в культуре бизнеса, подходов к поиску компромиссов, а также предостережения и рекомендации западным политикам не менее актуальны и для нас.

Методы и инструменты “мягкой силы”, применяемые Россией для укрепления своего внешнего влияния, имеют более высокие шансы на успех на постсоветском пространстве по причине слабого “иммунитета”, сходства традиций и проблем. Шерр обращает особое внимание на отличия российской внешней политики по отношению к Европе, Америке и постсоветскому пространству.

Имя Джеймса Шерра, как и его работы, достаточно хорошо известны не только в экспертных кругах Украины. Он — частый гость международных дискуссий по вопросам внутренней и внешней политики России и других стран постсоветского пространства. Каждая его статья и каждое его выступление производят глубокое впечатление на читателя. Он часто говорит не совсем то, что многим хотелось бы услышать о своей стране или о других. Его работы не только дают ответы на многие вопросы, но и ставят новые, а главное — стимулируют дискуссию и переосмысление. Многие выводы спорны, не каждому нравится ирония и сарказм автора. С ним можно не соглашаться, но объективность и беспристрастность постороннего наблюдателя в органичном сочетании с глубиной понимания и искреннего участия, заслуживают внимания и уважения.

Редакция издания

Благодарности

Любая книга, которую пишешь от сердца, не закончена. Погрешности в ней проявляются, как только высыхают чернила, и со временем становятся лишь очевиднее. Само собой разумеется, что все погрешности на последующих страницах целиком принадлежат мне. Чего не скажешь об истоках моих идей. Многие люди — слишком многие, чтобы назвать здесь всех — шлифовали мои суждения, а иногда — корректировали их. Другие поддерживали мою решимость и радушно приветствовали возвращение из пустоты, куда уводило меня настроение. Кого-то не стоит упоминать: старых друзей, которые ценят свою частную жизнь, и политиков, нынешних и бывших, углублявших мои знания, питавших мою интуицию и позволявших себе, при необходимости, отступать от правил во имя достижения высшей цели.

Другие заслуживают упоминания и смирятся с ним. Первый среди них — Джеймс Никси, сейчас — руководитель Программы России и Евразии, с которым я работал плечом к плечу последние четыре года. Его энергия, помощь и жизнерадостность столь известны, что могли бы стать притчей во языцех. Березовые прутья русской бани — мед в сравнении с пером редактора, но благодаря его тяжкому труду, текст стал значительно лучше. Невозможно пожелать себе более достойного, выносливого и работоспособного коллегу. Алекс Найс, привносящий интеллект, принципиальность и проницательность во все начинания, ушел из *Chatham House*, но успел здорово поддержать весь проект и отредактировать ряд его публикаций. Любица Поллакова заслуживает моей благодарности за своевременную и невероятно ободряющую поддержку проекта — при всей её занятости другими ответственными обязанностями. Я также должен поблагодарить за кропотливую работу и добросердечность наших стажеров, оказывавших неустанную помощь в нелегком труде проверки ссылок и придания книге презентабельного вида: Йоханнеса Ольшнера, Ричарда Колса, Катерину Тертычную, Ксению Шведову, Анни Кеннингтон. Николя Буше помог, обратив внимание на пассажи, нуждающиеся в разъяснениях и перефразировании. Редактор публикаций *Chatham House* Маргарет Мэй обеспечила превращение рукописи в готовый проект благодаря своему

зоркому взгляду, сохранившему всё ценное и ничего не упустившему. Она — образец для каждого, кто верит, что редактирование должно быть одновременно и искусством и ремеслом.

Огромная благодарность Джону Лафу — моему коллеге в трех организациях на протяжении 25 лет — за персональное всепрощение и неумолимость мыслителя. Его интеллектуальная строгость в равной мере была рапирой и образцом. Я столь же благодарен Эндрю Вуду за его моральную и интеллектуальную поддержку. Его мудрость не только оставляет послевкусие, но и проступает на этих страницах. В ходе этого проекта Эндрю Монаган, Николас Редмэн и Крейг Олифант много сделали, чтобы поддержать мою мотивацию и уберечь от ошибок. Все они внимательно и с глубоким пониманием комментировали разные разделы рукописи, как и Алекс Правда — на ранней стадии проекта. Мой бывший коллега по Центру исследования конфликтов (CSRC) Марк Смит тоже помог упорядочить мои мысли и память относительно фактов.

И, напоследок, издатель этой русскоязычной публикации “Жесткая дипломатия и мягкое принуждение” заслуживает гораздо большей благодарности, чем может показаться обычному читателю. Украинский центр экономических и политических исследований имени Александра Разумкова не только любезно взялся за этот сложный проект. Именно от экспертов Центра Разумкова исходила инициатива. Тяжело представить более приятное ознаменование 18 лет совместной работы, взаимного интеллектуального обогащения и дружбы, чем подобная идея с их стороны. Инициатива была одновременно смелой и благородной, поскольку Алексею Мельнику и его коллегам хорошо известны приверженность автора к довольно специфичным идиомам. Последующие страницы не просто излагают слова и идеи, но и передают интонации и тонкости на уровне, демонстрирующем понимание автора и почтительное отношение как к английскому, так и к русскому языкам. При этом, должен заметить, что прочитав этот текст и утвердив его, ответственность за возможные неумышленные несоответствия и ошибки лежит на мне, а не на Центре Разумкова.

J.G.S.

1. Основополагающие принципы

Но государство не бесплотно (Лев Троцкий)¹

Определения влияния, так же как и определения агрессии, содержат ловушку для непосвященных. И то, и другое пытается объективно описать нечто, являющееся предметом суждения. Государства, подобно людям, могут не осознавать своего влияния, или могут быть непоколебимо и чрезмерно уверены в нем. Подобно людям, государства могут с негодованием отрицать чужое влияние, или же могут, защищаясь, перекладывать на других свою вину и свои неудачи. Определения власти, по идее, должны избегать подобной неопределенности, но этого не происходит. Ресурсы материальны. Власть — использование ресурсов и возможностей для достижения определенных или неопределенных целей — это относительное, неупорядоченное сочетание воли, способности и результатов — видимых и скрытых, текущих и конечных, ближайших и отдаленных.

Джозеф Най в своей ключевой работе *“Soft Power: The Means to Success in World Politics”* определяет власть (или силу, могущество) как “способность влиять на поведение других для получения желаемого результата”. Но затем он добавляет, что “когда мы измеряем власть через изменения в поведении других, то сначала нам нужно знать их предпочтения... Власть всегда зависит от контекста, в котором существуют отношения”². Эту истину, которую так часто игнорируют, особенно полезно помнить, когда речь идет о мягкой силе: “способности получить то, что вам нужно, благодаря [вашей] привлекательности”³.

¹ Троцкий Л. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? — www.magister.msk.ru/library/trotsky/trot1001.htm.

² Joseph S. Nye Jr, *Soft Power: The Means to Success in World Politics* [New York: Public Affairs, 2004], p.2.

³ Там же, p.x.

Сегодня распространено мнение, что Россия не имеет мягкой силы. Но мало кто возьмется утверждать, что она не имеет влияния. При этом, однако, есть основания сомневаться, что мягкая сила в нем занимает значительное место. История подтверждает этот взгляд. Создание Советского Союза было кровавым предприятием. Крупнейшее покушение на него — операция “Барбаросса” — было не менее кровавым, а его апофеоз — Великая отечественная война — дал уроки, которые легко повторить и трудно забыть. Суровым уроком тем, кто сегодня правит Россией, послужил опыт 1990-х. Немаловажно, что в периоды слабости СССР предпочитал более мягкие и опосредованные формы влияния. В отличие от западных либералов, которые не доверяют любым договоренностям, не подкрепленным согласием, российские “державники” — идеологи великой державы — не доверяют никакому согласию, не подкрепленному “жесткими” гарантиями⁴.

Поэтому нынешнее влияние России в значительной степени основано на том, что в этой книге именуется “мягким принуждением”: влияние, где принуждение опосредовано, основано на скрытых методах (проникновении, подкупе, шантаже) и на новых формах могущества — таких, как поставки энергоносителей — которые трудно классифицировать как жесткие или мягкие. При этом российское военное присутствие в Закавказье и Приднестровье — и российско-грузинская война 2008г. — яркое свидетельство преждевременности выводов об ее отказе от применения военной мощи. Способность Российской Федерации использовать мягкую силу произвела настолько слабое впечатление на Джозефа Ная, что он не смог ничего сказать о ней в своей книге, написанной через 13 лет после распада СССР⁵.

Но сказать есть что. Существуют четыре серьезные причины для пересмотра расхожего мнения о мягкой силе России. Во-первых, по меньшей мере, однажды после распада СССР в 1991г. изменился “контекст существующих отношений”. Президентство Джорджа Буша не только навредило имиджу Соединенных Штатов в Европе. Оно воскресило сложные вопросы об универсальности определенных ценностей и праве какого-либо государства или группы государств выступать от имени этих ценностей. Неудачи

⁴ Держава — власть, государство или правильное, “государственная власть”.

⁵ В главе о “мягкой силе других” он уделяет внимание Советскому Союзу, который “во времена Холодной войны” был “главным соперником Америки в ресурсах мягкой силы”, но ничего не говорит о Российской Федерации (pp.73-75ff).

Америки не добавили России привлекательности. Но они отте-нили ее претензии на роль самостоятельного “законодателя цен-ностей”, а также на “право” на равных участвовать в решении всех вопросов общеевропейского значения. Барак Обама, изменив тон и во многом — направление политики, частично восстановил пострадав-ший имидж США. Отчасти он достиг этого, приведя действия Америки в большее соответствие с американскими ценностями. Но одновременно он выхолостил роль ценностей во внешней поли-тике, а в части “перезагрузки” отношений с Россией, по мнению некоторых комментаторов, — еще и приуменьшил их значение⁶.

Во-вторых, еще до кризиса в Еврозоне Европейский Союз не вос-становил западное влияние настолько, насколько ожидали многие. Причина — не в пресловутом отсутствии единства и не в кризисе Еврозоны. Несмотря на все разногласия, ЕС был главной движущей силой интеграции на европейском континенте. Он же был на перед-нем крае дискуссий о ценностях, по крайней мере, наравне с Соеди-ненными Штатами. Его стремление к интеграции влияет практиче-ски на все его внешние связи и на все подписанные им документы. ЕС не скрывает, что ключом к интеграции является гармонизация *внутренней* политики стран-претендентов и, соответственно, транс-формация работы институтов и экономик. Эти качества сделали ЕС маяком надежды для многих желающих выбраться из посткомму-нистического болота. Кризис Еврозоны несколько убавил яркость этого маяка, но он по-прежнему указывает путь шести уже опреде-ленным кандидатам на вступление, трем официально признанным “потенциальным кандидатам” и ряду других государств, провозгла-сившим цель обретения членства.

Впрочем, существуют естественные пределы влияния ЕС. Европейская интеграция, по определению, — это отход от тра-диционных вестфальских норм, при помощи которых уже более 350 лет пытаются строить международные отношения на основе уважения государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Европейский проект “выходит за пределы” этих норм. Это процесс жесткой интеграции, основанный на законе и механизмах принуждения. Жесткость и цели этого проекта вызы-вали возражения не только России, но и ряда устойчивых групп по интересам в соседних странах. Даже у многих желающих оказаться

⁶ ‘An Open Letter to the Obama Administration from Central and Eastern Europe’, Gazeta Wyborcza, 15 July 2009, http://wyborcza.pl/1,76842,6825987,An_Open_Letter_to_the_Obama_Administration_from_Central.html.

в этом клубе, жесткость условий ЕС может вызвать апатию или обиду — особенно если в них видят применение двойных стандартов. Когда эти условия не дополняются перспективами членства, чувство фатализма и горечи гораздо сильнее. Такая ситуация дает России основания утверждать — с определенной долей справедливости — что ее собственные требования “добрососедства” и конкурирующие интеграционные проекты, такие, как евразийский Таможенный союз — более гибки, менее навязчивы и более уважительны к национальным особенностям, чем проекты ЕС.

Базовый посыл проекта “единой и свободной Европы”, состоящий в том, что все европейцы разделяют общие базовые устремления и ценности, в последние годы подвергся серьезным испытаниям. Европейские процессы расширения и интеграции способствовали продвижению свободы и процветания. Но еще до кризиса Еврозоны они же в определенной степени обусловили подрыв свободы и процветания, дезориентацию и недовольство. Не все слои общества выиграли от введения общих норм, власть и благополучие многих местных элит оказались под угрозой. Расширение ЕС обнажило различия культур как на уровне ведения бизнеса и управления, так и на национальных уровнях. В более глубоком смысле оно выявило линии разлома между постмодернистской культурой единой Европы, “выходящей за рамки” наций и государств, и подчеркнуто актуальными проблемами бывших советских республик, стремящихся возродить национальное сознание и восстановить государственность. С ростом дискуссионности вопросов ценностей возросло значение проблем самосознания.

Кризис Еврозоны умножил и углубил эти разломы. Если ранее они проходили в основном с востока на запад (и между новыми и старыми членами), то сегодня — подняли на поверхность существенные различия экономических культур некоторых из старейших членов Союза. В силу этой и ряда других причин, кризис подрывал моральный авторитет ЕС среди стран-членов и не-членов, включая тех, чья ориентация является предметом приоритетного интереса России.

Третья причина возвращения к рассмотрению мягкой силы России вытекает из второй: возрождение России после неудач 1990-х — восстановление порядка, повышение благосостояния и возрождение коллективного самоуважения. В окружающих Россию странах эти изменения были восприняты по-разному: одни воспринимали “управляемую демократию” как образец для подражания, другие — как пугающий пример. Часто полная энтузиазма поддержка

Западом проводимых Борисом Ельциным изменений, оставляла в России горькие плоды, не впервые убеждая многих, что западные модели для особых условий России неприемлемы или вредны. Отождествление демократии и хаоса, искусно внедрявшееся Владимиром Путиным, не осталось без внимания других постсоветских демократий, страдающих от хищнического капитализма и некомпетентной государственной власти, озабоченной, прежде всего, собственной выгодой.

В начале де-юре третьего президентского срока Путина изъяны российской системы оказывают все большее влияние на привлекательность России. Однако эти болезни не всегда очевидны с позиций постсоветского “ближнего зарубежья”, где условия жизни могут быть куда хуже, чем в РФ. В странах, где русский язык сохраняет значимые позиции, засилье контролируемых государством российских СМИ является мощным источником искаженных представлений о России и о внешнем мире. В странах, где местным элитам не хватает уверенности в себе, российские политики часто олицетворяют собою волю и решимость. Представители российского бизнеса, поощряемые своими политическими руководителями и обеспеченные ресурсами, могут быть и грозными конкурентами, и привлекательными партнерами. Во всех этих сферах представители и выразители интересов России создают одновременно как притягательный, так и отпугивающий эффект.

Наконец, последняя причина возвращения к рассмотрению мягкой силы России — это отводимая ей роль в российской официальной политике. Катализатором усиления этой роли послужили “цветные революции” 2003-2004гг. в Грузии и Украине, однако еще до их начала Россия вложила существенные “гуманитарные” ресурсы в то, что Концепция внешней политики (июнь 2000г.) называет “формированием пояса добрососедства по периметру российских границ”. В последние годы географический охват этой деятельности расширился, и ее интенсивность на бывшем советском пространстве существенно возросла. Сегодня инструменты мягкой силы включают PR и публичную дипломатию, печатные и эфирные СМИ, Русскую православную церковь, комиссии по исправлению “искажений” истории и множество поддерживаемых государством фондов по объединению “соотечественников”, продвижению русского языка и повышению престижа русской культуры за рубежом.

Вторая, более широкая цель исследования — изучить, как эволюционировали взгляды на власть и влияние России и как они отличаются от взглядов на Западе. В Главе 2 изложены исторические и

институциональные факторы, обусловившие нынешние российские методы достижения национальных политических и экономических интересов, а также групповых или отраслевых интересов, не всегда служащих интересам государства. Все эти интересы менялись и продолжают оставаться неустойчивыми. Подобно Британии, Россия подтверждает мысль о том, что история есть продукт человеческих воли и решений. Но в то же время она подтверждает мудрость аксиомы Жозефа де Местра: “не мы себя изобретаем”. В СССР идеологическое пресыщение порождало идеологический цинизм. Идеологический подтекст политики Запада 1990-х годов (которую руководитель Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству и спецпредставитель Президента России по связям с государствами-участниками СНГ Константин Косачев назвал “демократическим мессианизмом”⁷) вызывал в России обиду, усиленную бесцеремонностью эпохи Буша. Этот новый опыт оживил уважение к советскому прошлому, а также к досоветским национальным и государственным традициям и символам. Прошедшие 20 лет напоминают, что легче расстаться с идеологиями, чем со сформированным ими образом мысли. Тот факт, что мы перекраиваем нашу историю сообразно нашим нынешним потребностям, лишь подтверждает значимость истории.

Глава 3 увязывает обсуждение этого вопроса с целями российского влияния на территории бывшего СССР и в ослабленном, но, безусловно, живом евроатлантическом сообществе. Многие из этих целей противоречат друг другу. С самого начала Владимир Путин выражал надежду, что “все те, кто хотят работать, сотрудничать с Россией, либо жить здесь” будут чувствовать себя комфортно⁸. Но обычно политика России разрушает это ощущение комфорта, “используя слабости”, “усиливая элемент принуждения” в отношениях с соседними странами, а также требуя от других изменения их поведения с учетом российских интересов⁹. Медведев и Путин, как и их предшественники, утверждают, что Россия является частью Европы. И одновременно — что Россия слишком специфична, чтобы, словами бывшего пресс-секретаря Ельцина, “просто раствориться в

⁷ Косачев К. Россия и Запад: наши разногласия. — Россия в глобальной политике, июль-август 2007, №4, http://www.globalaffairs.ru/number/n_9204.

⁸ Путин: Год во власти. Интервью программе Би-би-си “Завтрак с Форстом” [5 марта 2000г.], http://www.bbc.co.uk/russian/specials/putin_year/frost.shtml.

⁹ Oleksandr Potekhin, ‘Russian Foreign Policy Trends under President Putin’, *Monitoring* (Kyiv: Centre for Peace, Conversion and Foreign Policy of Ukraine), 30 May 2000.

схеме европейской дипломатии”¹⁰. Прикрываясь мантрой о том, что “без России безопасность в Европе невозможна”, Россия настаивает на развитии отношений с НАТО и ЕС на основе “равенства”. Но оставаться равным внешним партнером она не согласна. Она хочет институциональных изменений, права устанавливать правила и (что особенно касается НАТО) де-юре влиять на отношения с другими внешними партнерами, в частности — входящими в заявленную ею “сферу привилегированных интересов”. Не приняв обязательств, ограничений и рисков, не говоря уже о ценностях, дающих членам НАТО и ЕС равные права по отношению друг к другу, она требует права голоса в принятии решений¹¹. Столь же “принципиально” Россия выступает против “возврата к Холодной войне” — и одновременно требует пересмотра договоренностей, положивших ей конец.

Такая позиция высвечивает ряд факторов: историческую и геополитическую асимметрию, двойственность подходов, страх, манипуляции и амбиции. Для российских политиков изменение представлений о России и ее роли в мире в глазах внешних партнеров во всех отношениях не менее важно, чем изменение их мнений по конкретным вопросам, осложняющим отношения, а именно: условия инвестиций и торговли, энергетическая безопасность, соблюдение договоров и соглашений, политика “общего соседства”, визовый режим, охрана границ и соблюдение европейских стандартов (и обязательств ОБСЕ) в отношении прав человека. Намерения стран Запада устранить препятствия и укрепить доверие упираются в понимание того, что без “переформатирования” отношений трудно достичь чего-либо существенного¹².

Предмет Главы 4 — средства распространения влияния, созданные Россией, характерные для России и часто неприемлемые для других. В этой части исследования рассмотрены три источника влияния — бизнес, энергетика и культура — и методы их превращения в

¹⁰ Костиков В. — “Труд”, 22 февраля 1994.

¹¹ Как утверждает Председатель думского Комитета по международным делам Константин Косачев, “равное” участие предполагает, что мы будем приняты без изъятий в “евроатлантический клуб” и станем реально влиять на принимаемые решения”. Но в отличие от министра иностранных дел России, он считает, что для этого Россия должна “войти не на словах, а на деле в общую систему демократических ценностей и решений”. Косачев К. За тремя зайцами? — Россия в глобальной политике, 14 февраля 2011г., <http://www.globalaffairs.ru/number/Za-tremya-zaitcami-15105>.

¹² По словам Косачева: “Европа совершенно не мотивирована к реформам. Россия, которой, в отличие от Германии, США, Швейцарии или Китая, некомфортно в нынешней ситуации, ставит задачу переформатировать коллективную систему безопасности”. — Там же.

инструменты политики. В центре внимания — два вопроса. Во-первых, даже культуру, которую Най считает главным источником мягкой силы, можно продвигать жесткими методами. Считать ли поэтому культурную дипломатию мягкой или жесткой силой? Во-вторых, позитивное влияние не всегда способствует продвижению политики. Так, “Microsoft”, “Apple” и “Facebook” являются примерами американских достоинств — открытости, изобретательности и предприимчивости, однако они не принесли Джорджу Бушу никаких политических дивидендов. Во время Олимпийских и Паралимпийских игр 2012г. Британия показала себя страна, находящаяся в гармонии как с устоявшимися традициями, так и с новыми веяниями, а главное — с самой собой. Но это вряд ли изменит представления о войне в Афганистане или поможет Дэвиду Камерону в переговорах с Еврозоной. Подобным образом, влияние русского языка на территории бывшего Советского Союза не обязательно укрепляет доверие к государству России. Влияние является политическим инструментом лишь тогда, когда оно побуждает объект действовать желаемым образом. Но если характер и потребности объекта не поняты, шансы на это невелики.

В Главе 5 предпринимается попытка подвести стратегический итог. Позволяют ли методы влияния России достичь ее целей? Считают ли мягкую силу России действительно мягкой те, кто испытал ее на себе? Результаты анализа на трех уровнях — стратегическом, оперативном и тактическом, дают основания для некоторых выводов о том, где влияние России эффективно, а где — контрпродуктивно, и почему.

В исследовании подчеркиваются различия между российским и западным мышлением — не потому, что Россия “уникальна”, а потому, что именно различия Запада с Россией определяют сложности в отношениях с ней. Многие из этих различий коренятся в системе власти. В ельцинские времена независимая клептократия угрожала приватизировать государство. Сегодня государственная клептократия по своему усмотрению распределяет ренту, прибыль и собственность. Прогрессирующее слияние денег и власти в России, возникновение заказного судопроизводства и приход в штаб-квартиры корпораций любителей жесткой силы ведут к последствиям, которые понимают не все западные компании и политики. Западный бизнес — в своем дарвинистском виде — стремится уничтожить конкурентов. В России такой же нормой считается уничтожение и пожирание партнера по бизнесу, к чему готов не каждый западный участник совместных с россиянами предприятий. Отсутствие четких границ между государственным и частным, политикой и

экономикой, законным и преступным свойственно, по определению Вадима Кононенко и Аркадия Мошеса, “сетевому государству”¹³. Как писал Владислав Иноземцев: “Россия построила систему, в которой осуществление государственной власти стало монопольным бизнесом... Политические проблемы решаются, как коммерческие, а коммерческие — как политические”¹⁴.

В этом исследовании предполагается, что российская практика политики или бизнеса существенно не отличается от “повсеместной”. Если бы речь шла о Китае, Саудовской Аравии или Индии, подход был бы аналогичным. Вместе с тем, сочетание традиций и опыта породило в России не только иронические вопросы вроде “против кого дружите?”, но и специфический образ действий, вызывающий уважение врагов, притягивающий непосвященных и отталкивающий друзей. Такое сочетание породило и не отягощенный моралью взгляд на власть и ее использование, пренебрежение к разногласиям и стремление запугать других и не уважать их правила. Иными словами — “циничную и прагматичную” политику, неприемлемую для стремящихся избежать риска элит западных демократий, но позволяющую достичь целей, которых ни жесткая, ни мягкая сила сами по себе не достигли бы¹⁵. Различие методов и дискурса влияния усугубляют проблемы, обусловленные различием интересов, которое не следует недооценивать.

Последняя цель исследования, поставленная в Главе 6 — ответ на вопрос, как можно было бы скорректировать политику Запада. Наличие у Запада более серьезных, чем у России проблем воспринимается как аксиома. Однако, значимость этой аксиомы — сомнительна. От проблем Афганистана, Ирана и Сирии и до будущего Арктики — не говоря уже о вопросах, требующих санкции Совета безопасности ООН, — Россия является важным фактором реализации “искусства возможного” и знает, как напомнить Западу об этом. В других областях — будущее ядерного оружия и режим

¹³ Vadim Kononenko and Arkady Moshes, *Russia as a Network State: What Works in Russia When State Institutions Do Not* (Palgrave, 2011).

¹⁴ Vladislav Inozemtsev, ‘Neo-Feudalism Explained’, February 2011, <http://postindustrial.net/2011/02/neo-feudalism-explained/#more-2160>.

¹⁵ Даже среди таких умеренных и уважаемых политологов, как Сергей Караганов, эти различия часто являются источником гордости. Например: “...Шла жесткая и в целом последовательная ревизия правил игры, которые были навязаны России в годы ее революционного развала. Кульминацией этой ревизии стала мюнхенская речь Владимира Путина 2007г. и жесткий ответ Дмитрия Медведева в августе 2008г. Но уже до них дипломатия стала не ревизионистской, а цинично-прагматичной. Какой и остается по сей день”. Караганов С. России везет. — Россия в глобальной политике, 7 марта 2011г., <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Rossii-vezet-15132>.

нераспространения, энергетическая безопасность, Южный Кавказ, Каспий и “общее европейское соседство” — это важный игрок, ключ ко многим решениям и источник многих проблем. Кроме этого, упомянутая аксиома является ложной. Россия не претендует на роль главной угрозы безопасности Запада. Она — не всегда партнер, но и не враг. В отличие от Талибана, Ирана, Северной Кореи или Аль-Каиды, более успешная политика по отношению к России не требует прямого вмешательства, инвестиций в инфраструктуру безопасности или сложной противоракетной обороны (забудем о российской паранойе). Такая политика требует мер интеллектуально и институционально тонких и — часто — политически сложных.

Политика по отношению к России требует также стратегического подхода — не потому, что “русские мыслят стратегически”, хотя иногда это так. Российские лидеры на практике чаще демонстрировали, что они знают, чего хотят и как этого достичь (например, на Южном Кавказе летом 2008г.). Однако и в советский период (например, в ходе вторжения в 1979г. в Афганистан), и позже (во время волнений 2007г. в Таллинне), они столь же часто действовали с бессмысленным и беспощадным авантюризмом. Они не раз демонстрировали непоследовательность, сомнения и замешательство. Стратегический подход нужен по трем причинам: во-первых, после определения российским государством своих целей и противников, оно действует с обезоруживающей концентрацией и напором; во-вторых, России свойственно сочетать средства и методы, которые западные умы предпочитают различать, а западные бюрократии — отделять друг от друга. В-третьих, он нужен как антидот против пагубной привычки ставить во главу угла “процесс”, веры в то, что общие институты согласуют конфликтующие интересы, и склонности некоторых руководителей смешивать принципы с политикой.

Уточняя определения

Как признает Джозеф Най, взаимозависимость жесткой и мягкой силы не является идеальной¹⁶. В случае России это мягко сказано — скорее потому, что “между руководством и вовлечением имеется целый спектр типов поведения”, а не потому, что русские склонны на практике и в образе действий в целом сочетать жесткий и мягкий подходы. Выражение “*принудить к дружбе*” ароматизирует

¹⁶ Nye, *Soft Power*, p.7.

эту тошнотворную реальность. Сэр Исайя Берлин имел этому историческое объяснение: существовавшая до эпохи Просвещения убежденность России в том, что “человек один, а не много”¹⁷.

Поэтому легче и, возможно, правильнее обсудить взгляды России на влияние вообще, а не на использовании какого-то одного вида силы. Однако без аккуратности в размышлениях невозможно будет найти недостатки в определениях “силы”, “жесткой силы”, “влияния” и “мягкой силы” — обманчиво точных и небеспристрастных по отношению к предмету. При рассмотрении российского понимания этих концептов следует избегать двух ловушек: откровенно российскоцентричных (и невольно самооправдывающих) определений, а также определений, основанных на культурных посылах, затеняющих особые черты российского мышления и практики. Чтобы пройти “тест Россией”, определения должны позволять изучение российской практики, не лишая возможности ее оценивать и подвергать сомнению.

Преимущество определения силы, сформулированного Джозефом Наем — “способность влиять на поведение других для получения желаемого результата” — состоит в том, что оно относительно. Как отмечает Най, второе, более старомодное определение — “наличие возможностей или ресурсов, способных повлиять на результат” — таковым не является¹⁸. Определение Ная грамотно еще и потому, что оно предполагает достижение позитивного результата. Однако, российская концепция силы и (в еще большей степени) ее применение, часто не проходят этот тест. По российскому обычаю, сила с одинаковой вероятностью может быть применена с целью взять верх или нанести кому-то вред, или “нейтрализовать” оппонентов — независимо от того, достигается ли в результате позитивная цель. При этом, по умолчанию, считается, что эти достижения ценны сами по себе.

Стоит отметить присущую российской и советской традиции недостаточность дискуссий о силе как таковой. В СССР такие вопросы почти исключительно были прерогативой военных исследователей, в чьих работах скучно и обстоятельно измерялись и классифицировались географические, материальные, социальные и “моральные” факторы национальной “мощи”. Анализ силы как относительной категории ставился в зависимость от обсуждения

¹⁷ Sir Isaiah Berlin lecture on Russia and the Enlightenment (January 1975) in the lecture series on the 18th Century Enlightenment, held under his chairmanship at Wolfson College, Oxford, in Hilary term (January to March) 1975.

¹⁸ Nye, *Soft Power*, p.3.

более широких связей между войной, революцией и политикой, и Советский Союз дал целый ряд “военно-теоретических” работ на эту тему. Удивительно, но наиболее близкой к концепции Ная является советская концепция Ленина, который, взяв на вооружение теорию Клаузевица, не устал напоминать оппонентам, что война является “инструментом политики”. Как отмечено в Главе 2, Ленин и его последователи также стремились выявить “классовую основу”, т.е. горизонтальный и международный аспекты этих вопросов.

Наиболее весомое дополнение к этому заделу в постсоветское время дали, несмотря на горбачевскую интерлюдия, старые, а не “новые мыслители”. Импульс и направление возрождению геополитики — дисциплины конца XIX - начала XX века — ее переориентации на “мировой рынок” и “активизацию борьбы за расширение пределов” влияния в “расколотом мире” дали работы ряда российских исследователей, прежде всего, — К.С.Гаджиева, издавшего в 1994г. авторитетный университетский учебник по этому предмету¹⁹. Возрождение идеи государства как суверенного “пространственно-географического явления”, борющегося за доминирование в “пространстве”, можно увидеть, в частности, в последних российских военных доктринах, определяющих в качестве “опасностей” и “угроз” “присутствие” (а не цели) иностранных вооруженных сил в сопредельных с Россией регионах. Российская геополитика — это строгий и несокрушимый реализм, отшлифованный в интеллектуальном пространстве, в котором голоса либеральных мыслителей стихают — или слышны более отчетливо за пределами, чем в пределах России.

Такие принципы дают хорошую базу для понимания, почему применение силы Россией часто вредило достижению ее целей. Не пытаясь принять российские взгляды, сила тут определяется просто как *использование ресурсов и возможностей для достижения своих целей с учетом интересов других*. Жесткая сила — как *способность принудить других подчиняться нашим желаниям посредством силы или других прямых форм принуждения*.

Влияние — главный предмет этого исследования — в российском контексте определить проще, чем некоторые предполагают, отчасти потому, что влияние играло важную роль в традиции ленинизма. Оно же лежало у истоков “нового мышления” Горбачева и — на пользу или во вред — в более скрытых и тонких формах, было главной функцией советских и российских разведслужб после создания

¹⁹ Гаджиев К.С. Введение в геополитику. — Москва, 1994. Второе издание, дополненное: Москва, 1998, с.9 и др.

ЧК в 1917г. В этом исследовании влияние определяется как *способность убедить или побудить других считаться или уступать нашим желаниям, не прибегая к силе или прямым угрозам*. В том, как это делается, проявляются некоторые существенные различия между российской и западной практиками, но это определение одинаково применимо к обоим.

В этом исследовании как форма влияния рассматривается также дипломатия. В отношении многих определений дипломатии справедлива критика определений силы у Ная: они статичны и не относительны. Оксфордский словарь английского языка определяет ее как “профессию, деятельность или навык руководства международными отношениями” — так, будто это вид административной деятельности²⁰. Гарольд Николсон считает более полным определение, в котором описывает дипломатию как “целенаправленное выстраивание отношений между одной группой людей и другой группой — чужой по отношению к первой”²¹. В этом исследовании дипломатия определяется как *искусство подачи своей собственной политики способом, рассчитанным на оказание влияния на политику других*. В соответствии с практикой России и многих других стран, методы дипломатии могут включать информирование, убеждение, предупреждение, утаивание и ложь.

Понятие мягкой силы представляет собой наибольшую проблему. Ее концепцию определить легче, чем понять. Определение Ная — “способность получить то, что вам нужно, благодаря [вашей] привлекательности” — раскрывает суть предмета. Но его разъяснение этой концепции требует тщательного изучения. “Мягкая сила”, по его словам, “это основной продукт повседневной демократической политики”²². В трех аспектах он смещает баланс в пользу либеральных демократий.

Во-первых, в 2004г., он писал, что “те страны, чья доминирующая культура и идеи ближе к преобладающим мировым нормам (сейчас это либерализм, плюрализм и независимость) станут более привлекательны и обретут мягкую силу”²³. Сегодня утверждение Ная кажется ностальгическим. Лавров не ошибся, сказав,

²⁰ Подобное определение дает Берридж: “официальные каналы связи, используемые участниками межгосударственной системы отношений”. См.: G.R. Berridge, *Diplomacy Theory from Machiavelli to Kissinger* (London: Palgrave Macmillan, 2001).

²¹ Harold Nickolson, (1963), *Diplomacy* (London, Oxford University Press), pp.17, 26. Он добавляет, что дипломатия возникает из “необходимости знать об амбициях, слабостях и ресурсах тех, с кем планируется иметь дело”.

²² Nye, *Soft Power*, p.6.

²³ Там же, pp.31-32.

что “Запад теряет монополию на процессы глобализации”²⁴. А ведь это было еще до начала финансового кризиса.

Во-вторых, Най утверждал: “Когда культура страны включает универсальные ценности, а ее политика защищает ценности и интересы, разделяемые другими, это повышает вероятность достижения желаемых результатов...Узкие ценности и ограниченные культуры менее способны к созданию мягкой силы”²⁵. Но обращение России к странам, не доверяющим США, в значительной степени строится на том, что она выступает против “универсальных ценностей” — и тем не менее улучшила жизнь своих граждан. Тот факт, что российская “суверенная демократия” не пытается притворяться, многим облегчает отношения с ней. Когда Россия пыталась апеллировать к “цивилизационным связям” и “общей истории” — особенно славянских регионов бывшего СССР — это часто вызывало неприятие.

В-третьих, упор собственно на ценности — это особенность Запада. Россия апеллирует не к ценностям, а к идентичности. Политика идентичности отлична от политики ценностей, и поскольку идентичность в большей степени основана на родстве, чем на привлекательности, ее притягательная сила часто более глубока. Кое-кто в “ближнем зарубежье” не в восторге от происходящего в России, но все же чувствует себя культурно связанным с ней и ее образом жизни; восхищаясь уровнем жизни в ЕС, они находят там стороны жизни, непривычные и даже чуждые их собственным нормам и опыту.

В двух других аспектах Най ставит больше вопросов, чем дает ответов. Во-первых, сила привлекательности — по отношению к кому? Хотя Най утверждает, что “мягкая сила не принадлежит правительству в той же мере, что и жесткая сила”, его точка зрения остается заметно государственно-центричной. Постсоветский мир — это разделенный мир, состоящий не только из государств, но и из различных сообществ, отраслевых интересов и транснациональных связей — и, как и другие части света, из неравенства богатства и власти. Не поняв, словами Ленина, “кто кого” и “расстановки сил” внутри государств, а также того, что Лавров назвал “сетевой дипломатией” — оценить притягательность России невозможно.

Во-вторых, Най утверждает, что мягкая сила — это сила, основанная на привлекательности, “а не принуждении или платежах”²⁶.

²⁴ Лавров С. Настоящее и будущее глобальной политики: взгляд из Москвы. — Россия в глобальной политике, март-апрель 2007, №2, http://www.globalaffairs.ru/number/n_8385.

²⁵ Nye, *Soft Power*, p.11.

²⁶ Там же, р.х.

Но что имеется в виду под “платежами”? Процветание Соединенных Штатов, имеющее ключевое значение для мягкой силы США, было бы невозможным без платежей. Имеет ли Най в виду *неправильные* платежи? По каким стандартам оценивать правильность? Если засилье ищущих ренту посредников в постсоветском бизнесе неправильно, то является ли правильным высокое положение других жаждущих ренты посредников в западном бизнесе (например, адвокатов, аудиторов и консультантов)? Как относиться к платежам — коррупции — если они являются не одноразовым явлением, а частью экономической культуры? Иноземцев метко заметил: “То, что на Западе называли бы коррупцией — не бич системы, а базовый принцип ее функционирования”²⁷. Эта “система” также является моделью бизнеса, основанной на связях, а не на рыночных отношениях; на покровительстве, а не конкуренции; протекционизме, а не открытости; и на “понятиях”, а не на правилах. Для многих “групп влияния” в бывшем СССР и Центральной Европе эта модель если не привычна, то привлекательна, а западная модель, основанная на правилах, воспринимается как ограничение. Следует ли исключить посткоммунистическую модель бизнеса из анализа мягкой силы — вследствие ее “корруптированности”, или, наоборот, включить — вследствие привлекательности? Этот вопрос не допускает догматического ответа.

Таким образом, определение мягкой силы, используемое в этой работе, более конкретизировано, но одновременно и более расплывчато, чем у Найа: *способность влиять на предпочтения и поведение других посредством родства или привлекательности*.

Границы и цели исследования

Содержание этой книги — и уже, и шире, чем ее название. Ее подзаголовок — “Влияние России за рубежом” — вызывает вопрос: кто в России и на кого собирается влиять? Ответ на него, однако, не предполагает исследования элит или процесса принятия решений. Это самостоятельные темы, сложные и требующие осторожного подхода. Способ принятия решений в России, как и способ управления, не только непрозрачен, но и иерархичен, персонализирован и часто деспотичен. С ведомствами, которые должны бы быть в центре событий, такими, как Министерство иностранных дел, по конкретным важным вопросам могут даже не проконсультироваться. Смена ельцинского “многоголосия” путинской “вертикалью” не упростила,

²⁷ Inozemtsev, ‘Neo-Feudalism Explained’.

а усложнила картину. Еще более усложняет ее роль денег и финансовых интересов. Решения здесь есть, но касаться процесса принятия решений не стоит. Тут не место для поиска справедливости в этих вопросах.

На страницах книги термин “Россия” определяется контекстом. Он означает людей, которым принадлежит власть в России, или которые принимают решения; при необходимости и возможности применяются более конкретные определения. Принятие этих условий не означает, что Россия является “унитарным рациональный игроком” — эта позиция наверняка заслужит “фетву” в учебном мире. Соединенные Штаты — тоже не унитарный рациональный игрок, но это не делает термин “политика США” некорректным. В отношении любого государства важно понимать, где начинаются и где заканчиваются споры. В российской армии и спецслужбах нет единства по поводу прерогатив, приоритетов и ресурсов, но это не значит, что там есть разногласия по отношению к расширению НАТО, глобальной политике США или их политики противоракетной обороны. Сегодня российские либералы и диссиденты едины в оппозиции к Владимиру Путину, но это не означает, что все они были против войны с Грузией или не согласны, что Украина — “искусственное государство”. По вопросам, являющимся предметом данного исследования, единства, как правило, больше, чем во многих других областях, о которых пишут исследователи России.

Другое ограничение состоит в том, что в этой книге Западу уверенно отводятся центральные позиции. Уже поэтому кто-то еще до прочтения сочтет ее устаревшей. Ведь для многих является аксиомой, что “на смену миру после Холодной войны приходит пост-западный мир, в котором Китай и Россия играют все более важную роль”²⁸. Нетрудно предугадать и рост влияния синофилов — прагматичных и идеологических — в политическом дискурсе России. Общая приверженность идеям государственного суверенитета и многополярности, оппозиция американской гегемонии, торговые и военные связи и сотрудничество в вопросах региональной безопасности формируют важные для обеих сторон отношения.

Однако, российско-китайские отношения еще не приобрели стратегического и тем более глобального значения, и сомнительно, что они его приобретут в ближайшем будущем. Россияне далеко не едины в оценке перспектив и последствий этих отношений. В 2011г.

²⁸ Andrey Tsygankov, *What is China to Us? Westernizers and Sinophiles in Russian Foreign Policy* (*Russie.Nei.Visions* No 45, IFRI, Paris, December 2009), p.5.

влиятельный в России Совет по внешней и оборонной политике пришел к выводу, что “рост мощи Китая объективно толкает Россию к сближению с Европой, с США”, и — с нотками безнадежности — рассуждал о динамике “финляндизации” отношений²⁹. Более того, амбиции российских синофилов не разделяют в Китае, который смотрит на Россию сквозь призму благоразумного прагматизма и, при всей его оппозиции гегемонии США, считает свои отношения с Соединенными Штатами куда более важными.

Что более важно, так это то, что собственный исторический опыт России, ментальность сверхдержавы и стремление оставаться “маятником” между Азией и Западом создают когнитивные и культурные препятствия для типа отношений, желательного для наиболее амбициозных синофилов. Как заметил Бобо Ло: “Внешняя политика России вытекает из национальной имперской традиции, европейского культурно-исторического наследия и американоцентричной геополитической культуры. Запад продолжает предлагать основные внешние ориентиры, даже если многие из них воспринимаются негативно”³⁰. Эти ингредиенты не обещают какого-либо прорыва в интересах России, способного изменить ключевые места, принадлежащие США и Европе.

В-третьих, эта книга — не сравнительное и не эмпирическое исследование. Нет смысла искать в ней сравнения российского влияния в Грузии и в Украине, или оценки усиления или ослабления этого влияния в Молдове после прихода к власти Путина. Читатели будут еще больше разочарованы, ожидая найти методологию, план исследований или теоретическую критику. Это исследование имеет целью расширить понимание российского мышления, а не теории международных отношений. Оно относится к категории скорее гуманитарных, а не социальных наук.

Цель этой книги — проанализировать подход России к влиянию на других. В ней делается попытка объяснить причины появления такого подхода, процесс его развития, его воздействие на окружение как России, так и Запада. Оценка касается как российской внешней политики, так и ее методов. В то же время эти методы нельзя отделить от интересов, которым они призваны служить.

²⁹ Россия: не упустить удачу. Сценарии развития: Аналитический доклад международного дискуссионного клуба “Валдай”. — РИА-Новости, Совет по внешней и оборонной политике, Москва, ноябрь 2011, с.32, 34, http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Scenarios%202011_RUS.pdf.

³⁰ Bobo Lo, *Axis of Convenience: Moscow, Beijing and the New Geopolitics* (London: Chatham House, 2008), p.4.

Взгляды России на влияние составляют важную часть того, что Витольд Родкевич назвал культурой ее внешней политики³¹. Экстраполируя определение стратегической культуры Джека Снайдера, Родкевич определяет ее как “сумму идей, обусловленных эмоциональной реакцией и схемами привычного поведения, приобретенных деятелями национальной внешней политики путем обучения, имитации или взаимного обмена”³².

Как сказал Стивен Бланк, такие идеи “не возникают в стратосфере, чтобы затем опуститься на землю”³³. Они появляются в ответ на конкретные условия, исторический опыт и почерпнутые из него уроки. Нынешние лидеры России дают понять, что именно этот исторический опыт они считают источником легитимности и вдохновения для государства.

На основании сказанного, выдвигается три тезиса. Во-первых, современное российское государство унаследовало культуру влияния от советского прошлого и наследия царизма. Оно несет на себе отпечаток доктрин, порядков и традиций, приобретенных в течение длительного периода времени в отношениях с субъектами, клиенталистскими и независимыми государствами. Поэтому проблемы, осложняющие нынешние отношения с Россией, являются не просто продуктом “ментальности Холодной войны”. Во-вторых, внутренний фактор является главным для понимания международного, а государствоцентричные подходы по принципу “черного ящика” в гораздо большей степени искажают, нежели объясняют, как и почему ведет себя Россия. В-третьих, Россия ведет внешнюю политику не лучше, чем другие мощные государства, но она обладает особым метаболизмом и методологией. Поэтому игнорирование прецедентов, страхов и амбиций, питающих эту политику, приведет к плохим решениям и неприятным сюрпризам. Шаблонный подход к урегулированию разногласий способен только видоизменить их, а адаптированная к “потребностям” России схема “рационального игрока” — привести к разочарованию.

³¹ *Gruzja w kontekście rosyjskich koncepcji polityki zagranicznej po 1991 r.* [‘Georgia in the Context of Russian in the Context Russian Foreign Policy Conceptions after 1991’], paper presented at the 7th St. Grigol Peradze Annual Caucasian Conference, University of Warsaw, 5 December, 2008.

³² Jack Snyder, *The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations* (Santa Monica: Rand Corp. R-2154 AF, 1977), p.8.

³³ Stephen J Blank, ‘The Sacred Monster: Russia as a Foreign Policy Actor’ in *Perspectives of Russian Foreign Policy* (Strategic Studies Institute, US Army War College, Carlisle, Pennsylvania, July 2012), p.97.

2. Генезис идей

“Вся русская история превращается в историю переходного общества, которому никак не удастся принять какую-то законченную, устойчивую форму”.
(Владимир Пастухов)¹

Незадолго до большевистской революции Ленин писал: “Нет более ошибочной и более вредной идеи, чем отрывание внешней от внутренней политики”². Эти слова несут всю торжественность банальной истины. Если бы связи между внутренним устройством государств и их внешней политикой не было, то это исследование могло бы быть совершенно неверно понято. Но цитата из Ленина говорит и больше, и меньше, чем кажется на первый взгляд.

Вестфальское “сообщество государств”, созданное в 1648г. и во многом сохранившееся до наших дней, затрудняет проведение внешней политики любой страны как продолжение ее внутренней политики. По сей день суверенитет государств и принцип невмешательства — с определенными и спорными исключениями — составляют основу международного права и Устава ООН. Когда государства внутренне едины и способны защитить себя, их статус подкреплён властью и законом. Но когда такого единства и легитимности у них нет, отделить внутреннюю политику от международной трудно. Именно эту реальность Ленин и имел в виду.

Он был не первым, кто размышлял над объединением межгосударственной системы и транснациональной идеологии в теории и на практике. Еще после Венского конгресса 1815г. австрийский канцлер Клеменс фон Меттерних провел различие между территориальным и социальным аспектами международных отношений — подобно тому, как в начале 1920-х годов Ленин сформулировал

¹ Пастухов В. Реставрация вместо реформации: Двадцать лет, которые потрясли Россию. — Москва, 2012, с.104-105.

² Ленин В.И. Внешняя политика русской революции. — Полное собрание сочинений, т.32, с.335, Москва, Издательство политической литературы, 1974.

двойственность внешней политики, выделив в ней государственное и классовое измерения: эта политика оставалась *парадигмой действий* советского режима до середины эпохи Горбачева³. В период между 1815г. и Крымской войной Священный союз Австрии, Пруссии и России провозгласил — в консервативной и “легитимистской” [приверженцев свергнутых династий] форме — доктрину вмешательства, более чем на столетие предвосхитившую “доктрину Брежнева”⁴. С середины столетия фактором международной политики стал либерализм. Когда британский Премьер-министр лорд Палмерстон поддержал не Польшу, а Италию в ее стремлении к государственности, он показал противоречие между принципом и *Realpolitik*, наблюдаемое и сегодня.

Конец Холодной войны завершил чрезвычайно идеологизированное столетие, но идея о способности “реализма” в новых условиях удержать ценности в государственных границах, — в корне неисторична. Вестфальская система упорядочила связь между внутренней и внешней политикой, но никогда не разрывала ее. В XIX веке подъем в Европе “национального принципа” подверг этот порядок предельному испытанию, и в 1914г. он рухнул. В XXI веке внутреннюю и внешнюю политику связала совокупность новых факторов. Так, мобильность капитала и идей ослабила суверенитет. Международные организации и режимы, от МВФ и ВТО до ОБСЕ, узаконивают вмешательство во внутренние дела — пусть даже в отдельных сферах и с формального согласия правительства. Как отмечено в Главе 1, ценности ЕС являются не просто определяющей характеристикой стран-участниц, но и политической силой в Европе. Парадоксально, но после Холодной войны НАТО руководствуется ценностями даже в большей мере, чем в период ее разгара⁵. Таким образом, и через 20 лет после Холодной войны сохраняется связь между системой ценностей — как желаемой моделью жизненного пространства европейцев — и геополитикой.

³ “Они [международные отношения] имеют политическую сторону, и они же имеют другую, которую я не могу назвать иначе, как эпитетом “революционная”. *Mémoires*, v 5, p.373, цитата в Carsten Holbraad, *The Concert of Europe: A Study in German and British International Theory, 1815-1914* [London: Longman, 1970].

⁴ На ее основе Россия помогла Австрии в подавлении Венгерской революции 1848-1849гг. Хотя напряженность на Балканах после Крымской войны ослабила эту солидарность, она быстро возродилась в Союзе трех императоров в 1872-1873гг. M.S. Anderson, *The Eastern Question 1774-1923: A Study in International Relations* (London: Macmillan, 1966), pp.179ff.

⁵ Во время Холодной войны НАТО был “союзом демократий” с недемократическими исключениями: Португалия (страна-основатель) при Салазаре (1949-1968гг.), Греция при режиме “Черных полковников” (1967-1974гг.) и Турция в три периода вмешательства военных (1960-1961гг., 1971г., 1980-1983гг.). Сегодня такие страны не могли бы вступить в НАТО.

Имперское наследие

Ленинская максима была уместна в России задолго до его рождения и остается таковой через почти 90 лет после его смерти. Царская Россия была самодержавным и патримониальным государством. В начале XX века ото всех других великих держав Европы ее отличал особый правовой и институциональный характер. Имперскую власть не сдерживали ни противовесы, ни закон. Даже среди земельной аристократии права собственности, которыми пользовались де-факто, теоретически имел только царь. Масштабную попытку Александра II внедрить европейскую правовую систему оборвало его убийство. Понимание правовой культуры, сформировавшей современную Европу, демонстрировало только зарождающееся либеральное движение. Местные славянофилы и радикалы одинаково презирали европейские правовые традиции, причем последние относились к личной свободе прагматично или, в случае большевиков, цинично. Как заметил Леонард Шапиро:

В России на рубеже XVIII века предстояло создать всю структуру свободы. ... Даже в середине XIX века процесс защиты гражданских прав, практически законченный во всей Западной Европе, едва начался. Политической свободы не было и следа⁶.

Россия была еще и многонациональной империей. Но в отличие от Британии и Франции — государств, которые свои империи приобрели, — российское государство и Империя сливались почти неразличимо. Этот факт был не только экзистенциальной проблемой, но и долгосрочным стимулятором появления, по словам Джона ЛеДонна, “большой стратегии” господства на Балтийском, Черном и Каспийском морях⁷. С XVIII века до восхождения Наполеона (и по крайней мере 10 лет после его поражения) эта стратегия находилась на подъеме и до промышленной революции подкреплялась экономической и военной мощью. Многие из этого *образа действий* — создание клиенталистских обществ и государств, включение клиенталистских элит в структуру управления Империи, использование гарантий безопасности для поощрения покорности,

⁶ Leonard Schapiro, ‘Liberalism in Russia’, *Times Literary Supplement*, 10 January 1958, republished in the collection of Schapiro’s essays: Ellen Dahrendorf, ed., *Russian Studies* [London: Collins Harvill, 1986], p.47.

⁷ John LeDonne, *The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650-1831* (Oxford University Press, 2004), p.217.

опора на запугивание и “почтение”, а также расчетливая неопределенность в том, что считать внешним и что — внутренним делом⁸ — сохраняется и поныне.

Российская Федерация и ее постсоветские соседи по-прежнему отягощены наследием единовластия и империи. Большевиcтская революция и гражданская война не просто приостановили, а искоренили противостоявшие этому наслeдию гражданские и конституционные тенденции, возникшие в период правления Александра II и набравшие силу после 1905г. О пяти пережитках царизма следует упомянуть отдельно.

Первый — проблема совпадения национальных и государственных границ. До 1939-1940гг. Москва никогда не управляла никакими западно-украинскими территориями. Украинцы в Российской империи соседствовали с украинцами, живущими в Австро-Венгерской провинции Галиция, а после 1920г. — в Польше. Сегодня в Российской Федерации живут около трех миллионов украинцев. До 1772г. территория, известная ныне как Беларусь, почти полностью принадлежала Польско-Литовской унии, и по Рижскому договору 1921г. ее западные территории были переданы воссозданному Польскому государству. Длительное время после русско-персидской и русско-турецкой войн (1826-1829гг.), когда Персидская Армения и Восточная Армения отошли России, большинство армян продолжали жить в Османской империи. Азербайджанцы, узбеки и таджики, включенные в Российскую империю, тоже жили в других странах, и сегодня многие продолжают жить за пределами своих титульных государств.

Русское население было и остается особым случаем. С 1889г. (и особенно после 1904г.) миграция русских в нерусские части Империи официально поощрялась рядом экономических, политических целей и мер безопасности⁹. Эта политика предопределила советскую миграционную политику, благодаря которой к 1989г. (год последней

⁸ Таким образом, условная юрисдикция Азиатского департамента России проецировалась за пределы Империи — от Боснии до Монголии — и, по словам Карла фон Нессельроде (Министр иностранных дел России в 1816-1856гг.), “страх — единственная гарантия, святость договоров ничего не значит, и отношения с этими землями являются внутренним делом империи”.

⁹ Отток русских был значительным с конца XVIII века, но до конца XIX-го миграционная политика была непоследовательной из-за наследия крепостного права, что выражалось в нежелании землевладельцев “отпускать” крестьян, в политике депортации (миграции как вида наказания) и настороженности по отношению к любой форме самостоятельности царских подданных. Голод 1891-1892гг. ускорил миграцию на новые земли. В 1678г. в регионах, входивших в состав России до взятия Казани в 1552г., жили 90% всех русских, к 1917г. — меньше половины. Paul Kolstoe, *Russians in the Former Soviet Republics*, pp.15, 24-30 (London: Hurst, 1995).

советской переписи) 25,3 миллиона этнических русских оказались на территориях, ставших вскоре независимыми государствами.

Таким образом, задолго до того, как большевики сделали миграцию, слияние и разделение принципами государственного строительства, границы были источником опасности для России и для ее соседей. Несовпадение границ и разграничительных линий между национальными общностями всегда давало аргументы в пользу большей или меньшей России.

Второй пережиток — непризнание национальной самобытности. До революции, как и сейчас, самосознание формировали как исторические факторы, так и обманчиво простой вопрос *национальности* (этнической принадлежности)¹⁰. Белорусы и большинство украинцев были одной веры с великороссами. Но, как замечает Ричард Пайпс, они “гораздо больше, чем москвиты, были подвержены западным влияниям... [и имели] гораздо более короткий опыт жизни при трех институтах, определивших жизнь великороссов: патримониального самодержавия, крепостного права и общинного землевладения”¹¹. Польские подданные Империи не имели с великороссами ни общей веры, ни этого институционального опыта.

Реакция самодержавия на эти сложности была одновременно похвально разнообразной и предосудительно непоследовательной — то благоразумной, то жестокой. Сама идея, что восточнославянские народы представляют собой разные национальности с собственной историей и идентичностью, считалась ересью — и таковой по преимуществу осталась для нынешних правителей России. Русских, белорусов и украинцев называли, соответственно, великороссами, белоруссами и малороссами — исходя из этой практики, Путин и назвал в 2009г. Украину *Малороссией*¹². Но отношение к *инородцам* (нерусским) отличалось большей избирательностью. Так, Польша,

¹⁰ И тогда, и сейчас очень трудно установить, что означает “национальность”. При первой всероссийской переписи 1897г. вопрос о национальности не ставился — только о языке и религии. При первой советской переписи 1926г. респондентов спрашивали об их *народности* (“народе”, с которым они себя ассоциировали, с акцентом на *самосознании*). Но затем их просили указать свою *национальность* (что имело скорее этническую, чем добровольную коннотацию). Во внутренних паспортах, введенных в 1932г., указывалась *национальность* граждан. Каждый имел право заявить национальность по своему выбору, однако выбор становился обязательным для их потомков. Если они были детьми от смешанных браков, то могли выбрать национальность только одного из родителей. — Там же, 41-42ff.

¹¹ Richard Pipes, *Russia Under the Bolshevik Regime, 1919-1924*, p.142 [London: Harvill, 1994].

¹² На церемонии в память белогвардейского генерала Антона Деникина. — ‘Russian PM Quotes White General on Indivisibility of Russia and Ukraine’, SWB, 24 May 2009.

будучи субъектом Российской империи, имела одну из самых либеральных в Европе конституций, хотя Москва постоянно ее урезала. Финляндии до конца XIX века была позволена значительная автономия — в то время как Балтийскими провинциями (Ливония, Курляндия и Эстония) управляли преданные Империи балтийские немцы. По отношению к мусульманским подданным Империи, не представлявшим политической угрозы (и не предлагавшим приемлемой для русских модели), Москва была довольно терпима — но только после невероятно жестоких завоевательных войн. В то же время христианская Армения и, в меньшей степени, христианская Грузия — видели в России скорее защитника, чем угнетателя.

Третий пережиток — безразличное отношение русских либералов к нерусским народам бывшей Империи. До 1917г. и либералы, и марксисты ожидали, что экономический прогресс размочит национальные различия и облегчит ассимиляцию. Русским, озабоченным отсталостью и гнетом царизма, национальный вопрос был попросту малоинтересен. Многие считали его вредным отвлекающим фактором. Накануне революции ни одна политическая партия “не была готова даже предположить распад Империи по этническим линиям”¹³. Слова, часто приписываемые Георгию Вернадскому — “русская демократия заканчивается там, где начинается украинский вопрос”¹⁴, отсылают нас к исключению Украины, Беларуси и Литвы из реформ Александра II (и полному запрету печати на их языках). Они же напоминают о сопротивлении “новых мыслителей” Горбачева распаду СССР и чувстве превосходства ельцинских реформаторов по отношению к новым независимым государствам, чьи руководители, как они полагали, были не столь образованы и компетентны, как российские.

Четвертый пережиток, свойственный отнюдь не только России, — использование национального принципа в качестве инструмента *Realpolitik*. Заявление Владимира Путина о том, что Оранжевую революцию в Украине подстрекали западные “спецслужбы” было необоснованным, но все же апеллировало к прецеденту. Так, 10 лет до Первой мировой войны Австро-Венгрия финансировала украинских националистов на территории России, а возникновение в 1918г. Украинского Гетьманата и Белорусской Народной Республики стало возможным благодаря покровительству блока Центральных держав.

¹³ Pipes, *Russia Under the Bolshevik Regime...*, p.146.

¹⁴ Исследование источника этого выражения см.: “Російський демократ закінчується там, де починається українське питання” (спроба філологічного дослідження). — <http://narodna.pravda.com.ua/culture/4ae9ccb7daa5a>.

В свою очередь, русское славянофильство сыграло роль в разжигании русско-турецкой войны 1877-1878гг. и усилении чувства обиды от унижения России прогерманскими силами, втянувшими ее в Боснийский кризис 1909г.¹⁵

Пятый пережиток состоял в том, что внутренние порядки России мешали и ее международному влиянию, и контролю над Империей. После поражения Наполеона царский абсолютизм был внушительной силой в Центральной Европе. Николай I, сокрушив революцию Кошута в Венгрии, считал себя спасителем австрийского императора Франца Иосифа I и хотел навязать этой стране тот же статус сателита, какой его предшественник навязал Пруссии. Эта политика опиралась на устаревшую систему власти, благодаря усилиям Николая достигшую совершенства. Конец ее величию положила Крымская война. К тому времени легитимистская солидарность уже не определяла центральноевропейскую политику. После “революции сверху” Бисмарк социальные и экономические устои в Германии и России, казалось, разделили десятилетия, и ни экономические изменения в России после 1890г., ни успехи Милютина, Витте и Столыпина не смогли изменить этого факта.

Следует отметить и ряд отличий Империи от ее преемника — большевистского режима. Царская Россия не имела экзистенциальной идеи, способной зажечь воображение за ее пределами. Вера во “вселенскую миссию” России ограничивалась русскими и ассимилированными Империей национальными элитами. Панславизм, в отличие от пролетарского интернационализма, по определению имел ограниченную сферу действия. Монархия и православная церковь внутри России находились в симбиозе, повышая авторитет друг друга, но эта взаимная поддержка не выходила за пределы Империи. Славянский мир разделял “геологический разлом” между православием и католицизмом. Панславизм был идеей, а не организационной силой. Панслависты в Центральной Европе боялись русского доминирования так же, как и немецкого; южные славяне не питали прочной любви к России и тем более друг к другу, а в самой России против славянского “дела” выступали консерваторы в Министерстве иностранных дел, армии и судебной системе. Слаженность внешней политики России, а тем более политической системы, была в лучшем случае непостоянной, а организация — рудиментарной. В последние

¹⁵ Dominic Lieven, ‘Dilemmas of Empire 1850-1918. Power, Territory, Identity’, *Journal of Contemporary History*, April 1999, Vol. 34, Issue 2, pp.163-200; Norman Stone, *World War One: A Short History* (London: Penguin, 2008).

десятилетия безопасность и влияние России покоились на мощи ее армии, опыте ее дипломатии, ее географической протяженности. В этом она была похожа на другие великие державы тех времен. Но это не защищало от разрушения изнутри.

Тигель ленинизма

Именно марксистско-ленинская идеология, а не врожденные русские черты, побудили Джозефа Ная назвать СССР главным соперником США по части мягкой силы. Но основы ленинизма — столь же российские, сколь и марксистские. Как-то забылось, что Владимир Ульянов стал революционером до того, как стал марксистом¹⁶. Его мышление развилось в мощный сплав классического марксизма и революционного народничества, а когда в это уравнение вошла война, — то и взглядов Карла фон Клаузевица¹⁷. Политическое учение, ставшее синонимом ленинизма — о руководстве верхушки (партии) профессиональных революционеров, заговорах и размежевании, холодном прагматичном подходе к соотношению средств и целей и упорном стремлении к власти — впервые появилось в народнических текстах 1870-х годов¹⁸. Но в нем нет ничего собственно марксистского, и оно не импонировало руководству марксистской Российской социал-демократической партии, от которой фракция большевиков фактически откололась в 1903г.

Сведенный к таким понятиям ленинизм и мягкая сила — оксюморон. Даже его отношение к влиянию требует пояснения. Между тем, влияние — важная часть ленинской традиции. Как он писал в 1920г.: “...Буржуазия видит в большевизме почти только одну его сторону: восстание, насилие, террор; буржуазия старается поэтому приготовиться в особенности к отпору и сопротивлению на этом поприще”¹⁹.

К моменту прихода к власти Сталина Советский Союз не просто имел влияние — он превратил его в науку. Но эта наука вызревала

¹⁶ Кроме Николая Чернышевского, на него повлияли основатель русского народничества Дмитрий Писарев, народник-марксист Петр Лавров и максималист Петр Ткачев, о котором Ленин говорил, что “этот писатель, несомненно, был ближе других к нашей точке зрения”. Как отмечает Шапиро, до конца 1880-х годов “не стоял вопрос о дифференциации” революционных кружков на “марксистские” и “народнические”. L. Schapiro, *‘Liberalism in Russia’*, pp.202, 208.

¹⁷ О Ленине и Клаузевице см.: Peter Vigor, *The Soviet View of War, Peace and Neutrality* [London: Routledge & Kegan Paul, 1975].

¹⁸ Особенно в “Катехизисе революционера” 1871г. (составлен, вероятно, Сергеем Нечаевым) и последующей Программе “Народной воли”. — Schapiro, pp.195, 202-206.

¹⁹ Ленин В.И. *Детская болезнь “левизны” в коммунизме*. (Апрель-май 1920г.). — ПСС, т.41, с.86. Курсив оригинала.

в тигле неудач. Причиной этому была решимость большевиков руководить единолично и любыми возможными средствами. Цель и средства стали нераздельны. Но еще патриарх русского марксизма Георгий Плеханов предупреждал, что революционный переворот создаст в России не социализм, а лишь подобие перувианской опеки — правление “социалистической касты”²⁰. Еще до Кронштадтского восстания (февраль-март 1921г.) большевики не только объявили войну буржуазии, эсэрам и меньшевикам — они вынудили к протесту некоторых самых преданных сторонников октябрьской революции. Их правление обеспечило им победу над всеми противниками, но плодами победы стали нищета и международная вражда.

Ошибочные оценки Лениным международной ситуации не были ни уникальны, ни совсем уж некорректны. Война, говоря словами Маркса, “вынесла свой смертный приговор” не только царскому режиму, но и другим континентальным империям Европы²¹. Мнение, что земли Габсбургов созрели для революции, разделяли и буржуазные правительства. Так, в Венгрии коммунисты пришли к власти как старшие партнеры по коалиции и при поддержке большей части страны — но продержались лишь менее пяти месяцев. И во всей Центральной Европе большевистские амбиции сокрушил не империализм, а большевистские методы и порожденные ими шовинистические и националистические настроения. В 1920г. эти амбиции обернулись поражением [большевиков] на окраинах Варшавы.

Подобной судьбы едва удалось избежать на тех нерусских территориях Империи, где уже существовали революционные силы разных направлений. Проявив определенную готовность предоставить автономию и поделиться властью, новые правители в Москве могли бы обеспечить себе верховенство без дальнейшего кровопролития. Но уже задолго до прихода к власти Сталина был взят другой курс. Продолжая политику царизма, большевики проявили большую способность к кровопролитию, чем их оппоненты. В 1921г. меньшевистскую республику в Грузии сокрушила 100-тысячная армия большевиков (которые, предвосхищая более поздние события, сначала позаботились об организации восстаний в Абхазии и Южной Осетии).

²⁰ Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба (1883). — Плеханов Г.В. Избранные философские произведения, Москва, Госполитиздат, 1956, т.1, с.105., <http://www.marxists.org/archive/plekhanov/1883/struggle/index.htm>.

²¹ Ленину нравилась фраза Маркса “война выносит высший приговор социальным системам, пережившим свое время”. См.: Eleanor Marx Aveling and Edwar Aveling (eds), *The Eastern Question: Reprint of Letters Written 1853-56 Dealing with the Crimean War* (London: Swan Sonnenschein, 1897), p.576.

Но на чужих землях для продвижения революции силой оружия Советам не хватило мощи. А их неудачная попытка сделать это помогла воссоздать в Европе межгосударственную систему и буржуазный порядок.

В результате, в 1920г. Ленин счел нужным напомнить своим последователям (а возможно — и себе), что [перед большевиками] стоит задача победить “более могущественного врага”²². Путь к победе будет долгим и потребует “лабиринтов, соглашательства, компромиссов” с временными и “непрочными” союзниками. Исключать какие-то меры, руководствуясь “принципами”, было бы “преступлением”²³. Выводы относительно внутренней ситуации в стране были не менее категоричными. “...Мелких товаропроизводителей ... нельзя прогнать, их нельзя подавить, с ними надо ужиться”²⁴. Таким образом, менее чем через три года после прихода к власти Ленин полностью пересмотрел взаимосвязь внутренней и внешней политики.

Видимыми сторонами этого пересмотра стала Новая экономическая политика (НЭП) и установление внешне нормальных отношений с иностранными государствами. Но мало кто в Европе заметил внутреннее диалектическое противоречие этой политики. НЭП означал одновременно и либерализацию, и “затягивание гаек”. X съезд партии в марте 1921г. совпал с подавлением матросского мятежа в Кронштадте. Съезд запретил “фракционность” в партии и санкционировал усиление репрессий против эсэров и меньшевиков. Даже согласно советской статистике, численность заключенных через два года после введения НЭПа была, по крайней мере, не меньшей, чем до него²⁵.

Мало кто в Европе обращал внимание также на то, что компромисс с буржуазными государствами сопровождался усилением контроля над международным коммунистическим движением, фактическим закрытием границ и реорганизацией Чрезвычайной комиссии (ЧК) в постоянный государственный орган — Государственное политическое управление (ГПУ)²⁶. Новая политика устанавливала также не нормальную, а аномальную дипломатическую практику реализации

²² Ленин В.И. *Детская болезнь “левизны” в коммунизме...*, с.6. Курсив оригинала.

²³ Из главы с красноречивым названием “Никаких компромиссов?”. — Там же, с.54, 55, 62.

²⁴ Там же, с.27. Курсив оригинала.

²⁵ John J Dziak, *Chekisty: A History of the KGB* [Lexington MA: Lexington Books, 1988], pp.174-6.

²⁶ Официальное название: Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). К середине 1921г. численность ее пограничных войск превысила 100 тыс. человек. В феврале 1922г. ВЧК реорганизована в ГПУ (Государственное политическое управление), в июле 1923г. — в ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление). См.: George Leggett, *The Cheka: Lenin's Political Police* [OUP, 1981], p.359.

двойной внешней политики, “классовый” компонент которой был направлен на подрыв тех самых государств, от которых требовались помощь и сотрудничество. Несмотря на прозрачность ухищрений, двойная политика в сочетании с НЭПом застала врасплох и разъединила внешних и внутренних врагов Советской России.

Этими уловками Ленин спас советское государство. Но в их основе лежало противоречие между влиянием и контролем, которое режим не разрешил и которое до прихода Горбачева никогда серьезно не рассматривалось. Это противоречие укоренилось в советских методах работы, а также в двух организациях, которые (кроме собственно партии) особенно отличали Советский Союз от буржуазных государств Европы.

Наиболее известный из этих организаций Коминтерн пережил роспуск 1943г. и в разных ипостасях продолжал свою деятельность до распада самого СССР²⁷. По словам Зиновьева, Коминтерн должен был стать “единой Коммунистической партией с секциями в разных странах”²⁸. Документ Коминтерна [от 6 августа 1920г.] под названием “21 условие” потребовал от партий-участниц не только “демократического централизма”, но и “удаления со всех постов реформистов и “центристов”. Иными словами, борьба против классового соперника — социал-демократии (и очень скоро — лично Льва Троцкого), стала важнее борьбы против классового врага. Не согласные с такой политикой революционные партии, разуверившиеся и возмущенные, покинули ряды Коминтерна. Вскоре последовала новая группа перебежчиков. Шестой конгресс Коминтерна [1928г.] закрепил принцип, согласно которому первейший долг “интернационалиста” состоял в “безусловной защите Советского Союза”, независимо от того, ускоряет ли такая защита международную революцию, замедляет ее или (как в случае Пакта Молотова-Риббентропа) вредит ей. Посредством этой политики советские лидеры получили коллективный международный инструмент и рычаг *Realpolitik*, но при этом — потеряли влияния столько же, сколько и приобрели.

Вторая организация — ЧК (предшественник КГБ), была частью режима с момента его создания²⁹. Репрессивный механизм этой

²⁷ В 1943г. [в связи с официальным роспуском Коминтерна] функции Исполкома Коминтерна были переданы Центральному комитету (ЦК)[ВКП(б)]. В 1947г. Коминтерн вернулся как Коминформ. С началом десталинизации [1956г.] исполнительные функции последнего перешли к Международному отделу ЦК [КПСС].

²⁸ Григорий Зиновьев был председателем Исполкома Коминтерна (1919-1926гг.).

²⁹ Учреждена 20 декабря 1917г., за месяц до создания Красной Армии [15 января 1918г.]. Заместитель ее председателя Уншлихт [1921-1923гг.] говорил, что “без ВЧК и ОГПУ реализация и укрепление диктатуры пролетариата было бы невозможно”. — Известия, 18 декабря 1927.

организации (и ее преемников) хорошо документирован³⁰. Менее известна ее роль как инструмента влияния. Сразу после прихода к власти, новому режиму необходимо было знать, какие силы могут ему угрожать, и — если он не мог уничтожить эти силы, — как их разделить, ввести в заблуждение, сбить с курса. Послереволюционная эмиграция и политика иностранных государств интернационализировали эту задачу. ЧК унаследовала от царской охранки богатую традицию проникновения в оппозиционные группировки и создания фиктивных организаций. Но в отличие от охранки, она создала широкую агентуру за рубежом. Эта агентурная сеть действовала рука об руку с Коминтерном, который в оперативных вопросах был подчинен ЧК. Внутри страны ЧК также создала мощный аппарат экономического контроля и управления³¹. Это было неизбежно, поскольку в 1920-х годах, как и позже в 1980-х, “спекуляция” (иными словами, частное предпринимательство, коррупция и преступность) была одновременно и угрозой “социалистической” экономике, и ее молчаливым партнером. За рубежом задачей международного аппарата ЧК было экономическое проникновение и деятельность по финансированию зарубежных операций (сегодня это называется отмыванием денег).

Мало кто верил отговоркам, что Коминтерн не имеет ничего общего с советским правительством. Но многие влиятельные лица на Западе были готовы согласиться, что, по словам посланника Президента Вудро Вильсона, “деструктивный этап революции завершен, и вся энергия Правительства направлена на конструктивную работу”. Многие также считали, что Западу нужен новый подход. “Мы не сумели вернуть разум России силой, — заявлял Дэвид Ллойд-Джордж, — Я верю, что мы сможем сделать это торговлей”³². Распространение таких представлений было главной целью не только советской дипломатии, но и того, что позже назвали “активными

³⁰ В 1865-1914гг. было совершено около 14 тыс. казней; в 1918-1923гг. — не менее 200 тыс.: из них 140 тыс. — руками ЧК и Внутренних войск. К 1916г. численность охранки увеличилась до 15 тыс.; к середине 1921г. чекистов насчитывалось 262 тыс. (Dziak, p.33). В отличие от ЧК, охранка не имела внесудебных полномочий или административных функций и не управляла тюрьмами. См.: Leggett, *The Cheka*, pp.357-61.

³¹ В 1918г. ее название соответственно изменилось: Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. — Там же, pp.222ff.

³² Посланник Президента Вильсона Вильям Буллитт (*William Bullitt*), позднее Посол США в СССР, чья миссия совпала с учредительной конференцией Коминтерна. *New York Times* в 1921г. тоже писала, что Советский Союз “возвращается к индивидуализму”. Французские и немецкие деловые круги вторили Ллойд-Джорджу, как и Генри Форд, заявивший: “факты будут управлять идеями ... правота в механике и правота в морали — это, собственно, одно и то же”. Pipes, *Russia Under the Bolshevik Regim...*, pp.206, 215-17.

мероприятиями”: “явные и тайные методы влияния на события, поведение и действия зарубежных обществ”³³. Для этого использовали всех — советских чиновников, агентов разведки и западных “попутчиков”, формально не принадлежащих к партийной сети³⁴. Ленин хотел “строить коммунизм руками некоммунистов”. Он нашел инвесторов, готовых сыграть эту роль, и “товарищей”, способных сойти за настоящих капиталистов³⁵.

Более общей стратегической целью было убедить Запад в том, что альтернативы хорошим отношениям с Советской Россией нет. Кроме капиталовложений, для этого нужно было дезориентировать западные разведслужбы и дискредитировать эмигрантские организации. Этим целям служили сложные и долгосрочные операции спецслужб, из которых лучше всего документированы “Синдикат I/II” и “Трест”³⁶. К середине 1920-х годов Запад пришел к выводу, что советский режим невозможно ослабить извне, а серьезной внутренней оппозиции нет ни в самой России, ни в нерусских республиках СССР.

Еще до смерти Ленина большевистские методы замедлили революцию в Европе. Но с их помощью было создано государство, способное выжить и без нее. С их же помощью создана уникальная подрывная форма *Realpolitik*, которая, в свою очередь, разлагала и подкупала буржуазный мир. До 1917г. Ленин воспринял бы эти результаты с сарказмом. Но несмотря на их “ересь”, эти достижения имели огромный успех в левых и даже некоторых либеральных кругах, впечатленных таким убедительным отпором “старому европейскому порядку”. Короче говоря, большевики обрели мягкую силу.

Вместе с ней они получили влияние на политиков и априори верящих в логику интеллектуалов, а также на закаленных капиталистов, убежденных, что российское сырье позволит им разбогатеть. Даже в тех странах, где профсоюзы чурались коммунистов, “ни одна группа не поддерживала сотрудничество с Советской Россией более уверенно и действенно, чем европейские и американские бизнес-круги”³⁷. Еще в 1920-х годах Ленин пришел к выводу, что “путаница”

³³ Richard Schultz and Roy Godson, *Dezinformatsia: Active Measures in Soviet Strategy* (Oxford: Pergamon-Brassey's, 1984) p.15; James Sherr, *Soviet Power: The Continuing Challenge*, pp.146-7 (London: Macmillan, 1987/1991).

³⁴ Herbert Romerstein and Stanislav Levchenko, *The KGB Against the “Main Enemy”* (Lexington, MA: Lexington Books, 1989), pp.35-45.

³⁵ Наиболее известен пример “товарища” Арманда Хаммера. Там же, pp.23-9.

³⁶ Dziak, pp.47-50, 123-4, 147-8; Leggett p.294-8.

³⁷ Pipes, *Russia Under the Bolshevik Regime...*, p.215.

и “непоправимые глупости” приведут к “гибели буржуазии”, и в дальнейшем подтверждал этот вывод с еще большей уверенностью³⁸.

Основанное Лениным государство сформировало — на пользу и во вред себе — отличный от обычной практики и окрепший со временем собственный подход к влиянию. В коммунистическом мире влияние было не только неотделимо от “жесткой силы”, но и тесно с ней связано. Среди самых совершенных его практиков были секретные службы, чьими главными задачами были не разведка, как на Западе, а “идеологическая борьба”, тайная дипломатия, экономическое проникновение и упреждающая контрразведывательная деятельность за рубежом. Вне коммунистического сообщества влияние основывалось на дезинформации и искусстве подражать девизам и верованиям тех, кого режим хотел ублажить или уничтожить. Ленин открыто заявлял, что “использует буржуазные институты, чтобы уничтожить их”, однако на практике он больше преуспел в их обмане, заложив надолго пережившие его основы использования “полезных идиотов” и “буржуазного хаоса”³⁹. Одной из причин, толкнувших Запад на примирение с Советской Россией, была вера в то, что такое примирение вернет “здравый рассудок” ее режиму и смягчит его. Вместо этого режим укрепил свою власть и заложил фундамент того, что позже назовут сталинизмом.

Сталинский кодигиль

К счастью, у нас нет причин продолжать ожесточенный спор о связи “ленинизма” и “сталинизма”. Но этот парадокс все же требует исследования. Те, кто покинул ряды коммунистов при Ленине, делали это по разным причинам. Но они никогда не подвергали сомнению приверженность большевиков делу, приведшему их к власти. Однако, ко времени создания Троцким IV Интернационала, некоторые не только усомнились в этом, но и пришли к выводу, что Сталин предал дело революции во имя государства и ради личной власти. Тем не менее, в период между началом “второй революции” Сталина и поражением нацистской Германии моральный авторитет и “притягательная сила” советского государства выросли. Государство само по себе вызывало восхищение. Как это можно объяснить?

Прежде всего, новая политическая линия основывалась на холодной политической логике. В мире, где превалирует государство,

³⁸ Ленин В.И. *Детская болезнь “левизны” в коммунизме...*, с.67.

³⁹ Pipes, *Russia Under the Bolshevik Regime...*, p.186.

революции, не поддержанные мощью революционных государств, обречены на поражение. В какой-то момент могло показаться, что большевистская революция “отправит всю государственную машину ... в музей древностей”⁴⁰. Но это была иллюзия. В 1919г., когда венгерская революция Белы Куна рушилась изнутри, смертельный удар ей нанесло румынское вторжение, против которого российские большевики оказались бессильны. Напротив, когда восстание в Венгрии в 1956г. свергло коммунистов, советские вооруженные силы вернули их к власти, и ни одно иностранное государство не посмело вмешаться.

Более того, плюсы “второй революции” Сталина обсуждались не в университетских аудиториях, а в странах, борющихся с Великой депрессией и подъемом фашизма. “Общий кризис капитализма” был не коммунистической догмой, а неоспоримым фактом, что придавало пятилетним планам эпохальную роль и обеспечило восприятие 1200-страничного тома Вебба “Советский коммунизм: новая цивилизация?” (переизданного в 1937г. уже без знака вопроса), как социального исследования, а не фантазии. Да и не нужно было быть фантастом, чтобы поверить в скорую кончину капитализма и убоиться прихода ему на смену фашизма; как и не нужно было быть марксистом, чтобы задаться вопросом: действительно ли только коммунисты могут предотвратить его приход. Даже многие левые считали сомнительной характеристику СССР Эдмунда Вильсона как “моральной вершины мира, где свет никогда не иссякнет”, но это не значит, что они считали его фантазером. Коммунистов приветствовали и в администрации Рузвельта времен “Нового курса”, а появившиеся народные фронты сразу оказались в русле европейской политики. Даже Троцкий, хорошо знавший методы Сталина, всего за несколько месяцев до своего убийства говорил, что война против Финляндии прогрессивна, ибо может привести к созданию государства рабочих⁴¹.

Дело в том, что вряд ли кто-то из западных сторонников Троцкого, а тем более Вебба, имел хоть малейшее представление о реальной жизни в Советском Союзе. Если уж Чехословакия, по словам Невилла Чемберлена, была “далекой страной” полной “народа,

⁴⁰ Ленин В.И. Государство и революция — ПСС, т.33, с.15. Цитата из работы Ф.Энгельса “Происхождение семьи, частной собственности и государства”. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, Москва, 1961, т.21, с.173. См. также: www.marxists.org/archive/lenin/works/1917/staterev.

⁴¹ Краткую, но выразительную петроспективу см.: Saul Bellow, ‘Writers, Intellectuals, Politics’ in *The National Interest*, No 31, Spring 1993, Washington DC, pp.124-34.

о котором мы ничего не знаем”, то СССР и подавно был намного дальше и недоступнее. Правдоподобная информация была обманом, а правдивая — неправдоподобной. Вальтеру Кривицкому и Александру Орлову (перебежчики из ГРУ и НКВД, соответственно) стоило бы дать показания не только западным разведслужбам, но и Фабианскому обществу. Хотя громкие судебные процессы в Москве произвели в левых кругах настоящий шок, но мало кто мог представить, что за этими спектаклями лежит царство Молоха, в котором массу людей могут ликвидировать, просто чтобы избавиться от конкурента или выполнить план.

К тому времени целью советских операций влияния на Западе было не продвижение мировой революции, а спасение от угрозы новой мировой войны⁴². Этот новый императив стал основой второго варианта двойной политики. Впрочем, пересмотр ее методов и перезапуск состоялось задолго до прихода Гитлера к власти. Публично советские дипломаты занимали высокоморальную позицию: поддерживая сначала “всеобщее разоружение”, затем, вступив в 1934г. в Лигу Наций, выступая за “коллективную безопасность”. В то же время тайными каналами СССР добивался совсем других целей: союза с Германией за счет Польши — вопреки Версальским нормам. Эта политика, возникшая еще до Рапальского договора 1922г., снова обрела актуальность после июня 1934г., когда Сталин сделал выводы: (правильный) о том, что Гитлер осмыслил власть и удержит ее и — катастрофически ошибочный — что в политике Гитлер будет руководствоваться традиционными “государственными интересами”, а не нацистской идеологией⁴³.

Война, обнажив все ужасы нацистского режима, представила Советский Союз в героическом свете — по крайней мере, за пределами Центральной Европы. СССР приобрел небывалую мягкую силу, усиленную союзной пропагандой. Масштабы жертв, лишения и отваги на Восточном фронте были реальностью, а не мифом; но в то же время они закрепили мифы и полуправду, от которой трудно избавиться по сей день. Благодаря им сохраняется искаженная картина начала войны и карикатура на предвоенную политику

⁴² На этот счет прогноз Сталина 1925г. оказался пророческим: “Наше знамя остается по-старому знаменем мира. Но если война начнется, то нам не придется сидеть сложа руки, — нам придется выступить, но выступить последними. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирию на чашку весов, гирию, которая могла бы перевесить...”. Сталин И.В. Сочинения, Москва, 1954, т.7, с.14.

⁴³ О заседании Политбюро после “ночи длинных ножей” и других свидетельствах этой политики см.: Dziak, *Chekisty*, pp.83-4, Mikhail Heller and Aleksandr Nekrich, *Utopia in Power*, Chs 6 and 7, *passim* (London: Hutchinson, 1982); and W.G. Krivitsky, *I Was Stalin's Agent* (1939) (ed. Mark Almond) (Cambridge: Ian Faulkner, 1992), pp.15-38.

Британии и Франции. Эти мифы затмили память о Пакте Молотова-Риббентропа: 22 месяца *фактического* союза, когда советская промышленность питала нацистскую военную машину, рабочие-коммунисты саботировали военное производство союзников, а НКВД возвращало немецких беженцев Гестапо. Они также насаждали искаженное чувство благодарности, ибо хотя СССР и сломал хребет немецкой армии, но если бы Британия в 1940г. сдалась, то и его судьба могла бы быть предрешена. Мифология блокировала размышления о последствиях “освобождения” для половины Европы и исключала любые рассуждения о мерах, способных смягчить его. Тем не менее, в течение двух послевоенных лет СССР утратил свою мягкую силу так же быстро, как и приобрел. Первыми рыцарями Холодной войны на Западе были не Трумэн и Маршалл, а левые некоммунистические правительства Европы.

На этом фоне столь существенных побед и поражений оценить наследие Никиты Хрущева весьма трудно. Десталинизация, отказ от террора, повышение уровня жизни и примирение с возглавляемой Тито Югославией вдохновили новое поколение советских коммунистов — однако, они же свели на нет международное коммунистическое движение. В Европе подавление венгерского восстания и возведение Берлинской стены в зародыше убило потенциал десталинизации.

Третья реинкарнация двойной политики — “мирное сосуществование”, предусматривала меры по предотвращению войны с одновременным обострением “идеологической борьбы” на грани войны. Политика Хрущева в Берлине и на Кубе сделала мировой ядерный конфликт наиболее реальным со времен Корейской войны. Менее двусмысленными были результаты отказа Хрущева от идеи “двух лагерей” и использования Движения неприсоединения, сформировавшегося в 1961г. Эти изменения, импульс которым придали наиболее неприглядные эпизоды “отступления империализма” — Суэц, конфликт в Алжире и свержение Моссадыка в Иране — обеспечили СССР престиж в развивающихся странах, о чем Сталин даже не мечтал. Суэцкую операцию остановил Дуайт Эйзенхауэр, но в Азии и Африке поверили именно Хрущеву. Придя к власти в 1961г., Джон Кеннеди верно заметил, что арена соперничества сверхдержав переместилась в Третий мир, и Запад это соперничество может проиграть.

Военный аспект политики Хрущева был столь же провокационным, сколь и неадекватным. Уроки, извлеченные преемниками из его “авантюризма”, легли на советскую экономику бременем, раздавившим советскую систему. В период между смещением

Хрущева и смертью Леонида Брежнева СССР достиг вершины своего влияния и наибольшего упадка своей мягкой силы. Но как ни странно, именно в эти годы *аппарат* мягкой силы стал наиболее институционализированным и многочисленным.

Этот аппарат не мог утаить того факта, что в основу четвертого этапа двойной политики — разрядки — была положена лишь “непоколебимая мощь социалистического лагеря” и ничего больше. “Застой” начал давать метастазы задолго до того, как подавление Пражской весны положило конец любым попыткам обновления. Советские войны чужими руками в развивающемся мире принесли выгоду нечистоплотным государствам-сателлитам и нежизнеспособным режимам, одновременно вызывая озабоченность лидеров по поводу их собственного положения и значимости. Так, если Гамаль Абдель Насер использовал советскую помощь с целью укрепления суверенитета и влияния своей страны, то его преемник пришел к выводу о необходимости выбора между статусом сателлита и разрывом с Москвой. Если фанатизм маоистов позволял Хрущеву рядиться в тогу здравомыслия, то перспективы ядерного уничтожения руками его преемников подтолкнули Китай на долгий путь к международному признанию и внутренним преобразованиям. В эти годы СССР более всего преуспел в убеждении определенных лиц в том, что американская политика столь же опасна, как и его собственная.

Несмотря на такие сигналы, советские ортодоксы не видели далее “всемирно-исторического значения” поражения США во Вьетнаме и способствовавшей этому кампании “активных мероприятий”⁴⁴. Эта кампания добавила черных красок имиджу США, и без того замаранному американской политикой. На советский имидж она не повлияла. Не удивительно, что Запад, наконец, повел наступление на советскую мощь и систему, теряющую способность к самообновлению. Поразительно то, что для его завершения понадобилась полномасштабная война в Афганистане.

Момент Горбачева

После 1985г. Михаил Горбачев не просто возродил мягкую силу СССР, но и довел ее до апогея. Он обновил ленинскую методологию, преследуя цели, которые ортодоксальным ленинцам показались бы странными. Он демонтировал тоталитаризм инструментами советского государства и использовал марксистскую диалектику для

⁴⁴ Schultz and Godson, pp.124-6.

отказа от классовой борьбы. Все это начиналось как классическое ленинское отступление с целью перехвата инициативы и достижения асимметричных результатов⁴⁵, но вылилось, как мы теперь знаем, в серию импровизаций, завершившихся крахом. Предпосылки, методы и результаты “горбачевской революции” важны, поскольку они продолжают оказывать влияние и на Россию, и на Запад.

Горбачев подтвердил и одновременно изменил “очень тесную связь между советской внутренней политикой и внешней политикой”⁴⁶. Судьба *перестройки* должна была определить, останется ли СССР “великой державой или окажется на обочине истории”⁴⁷. Она должна была ликвидировать “стереотип “советской угрозы” на Западе”⁴⁸. Но *перестройка* и *гласность* были важны еще и в силу внутренних причин: чтобы вырвать экономику страны из-под контроля “мафии”, внедрившейся в структуры власти снизу доверху. Слово *гласность*, доброжелательно переведенное на Западе как “открытость”, но задуманное как инструмент воздействия и давления, первоначально должно было дать КПСС “гораздо более глубокое влияние на положение дел”⁴⁹. Этот термин, изобретенный еще советником Александра III Александром Киреевым, использовали сторонники прозрачности общества, а не государства, а внутри государства — [прозрачности] низших, а не высших эшелонов⁵⁰.

С другой стороны, успех *перестройки* зависел от новых взаимоотношений с Западом. На одном уровне это означало “демилитаризацию” международных отношений, приоритет “человеческих ценностей” над классовыми, достижение “стратегического партнерства” с США и строительство “общеевропейского дома” на

⁴⁵ Горбачев убедительно использовал Брест-Литовский Договор как пример того, “как краткосрочные интересы можно принести в жертву ради исторического поворота для обеспечения жизненных интересов”. Цит. по: Яковлев Е. Открытость, демократия, ответственность. — Москва, 1987, с.10.

⁴⁶ Горбачев подчеркивал: “Наша внешняя политика сегодня в большей степени, чем когда-либо, определяется внутренней политикой”, Ради сохранения человеческой цивилизации. — Новости, 16 февраля 1987г., с.7. Евгений Примаков (позже — Министр иностранных дел при Ельцине) отмечал: “Органическая связь между внутренней и внешней политикой никогда не была так очевидна, как сегодня”. — Правда, 10 июля 1988г.

⁴⁷ Долгополова Н., Кокошин А. Уроки судеб великих держав. — Коммунист, 1988, №2.

⁴⁸ Власов А. — Международная жизнь, ноябрь 1988г., с.20. Власов был заведующим идеологическим отделом ЦК КПСС, затем — руководителем Агентства печати “Новости”.

⁴⁹ Gorbachev, cited by William Odom, ‘How Far Can Soviet Reform Go?’, *Problems of Communism*, November/December 1987, p.20.

⁵⁰ Pål Kolstø, *An Appeal to the People: Glasnost—Aims and Means* (Oslo: Institute for Defence Studies), pp.10-16, 44-47.

пространстве, разделенном между НАТО и Варшавским договором. На другом уровне это была продуманная попытка заменить дорогие, но быстро обесценивающиеся геостратегические активы экономически эффективными и долгосрочными геополитическими выгодами. Подобно Ленину, Горбачев понимал, что отношения, основанные на смешении конфликта и сотрудничества, могут быть гораздо эффективнее, чем основанные только на конфликте. Но это не означало ослабления давления. Это означало его изменение. Как утверждал в 1953г. соперник Хрущева Георгий Маленков: “Если сегодня, в условиях напряженности в отношениях между Западом и Востоком, Атлантический блок раздирают внутренние споры и противоречия, уменьшение напряженности вполне может привести к распаду НАТО”⁵¹.

Следуя этой логике, Михаил Горбачев понял, что “уменьшая напряженность”, — смещая разделительные линии на восток, а не на запад; поддерживая на Западе правые правительства, а не левые движения за мир, нахваливая Пражскую весну и ослабляя контроль над Организацией Варшавского договора, пытаясь трансформировать НАТО, а не уничтожить его, — он дезориентирует и одновременно успокаивает Запад, а также приобретет влияние, утраченное после 1945г. из-за паранойи и грубости Сталина. Эта политика, как и планировалось, положила конец делению на левых и правых. Западные правительства попали под чудовищный прессинг по поводу встречных шагов в ответ на меры, являвшиеся, по их профессиональному мнению, лишь жестами, включая предложения по сокращению вооружений, рассчитанные в изначальном виде скорее на внешний эффект, чем на реальный результат. Именно поэтому, когда пресс-секретарь Горбачева Геннадий Герасимов произнес фразу: “мы лишили вас врага”, — он предварил ее словами “мы сделали с вами наихудшее из того, что мы могли сделать”⁵².

Для достижения новых целей аппарат активных мероприятий был не только сохранен, но и расширен⁵³. В прошлом у него была открытая сторона (под руководством Идеологического отдела ЦК, который даже в условиях *гласности* отвечал за СМИ), “серая” сторона

⁵¹ David Dallin, *Soviet Foreign Policy After Stalin*, Methuen: London, 1961/1975, p.138.

⁵² Цит. по: Jonathan Finegold Catalan, ‘A Culture of Fear’, Ludwig von Mises Institute, 30 August 2010; <http://mises.org.daily/4644>.

⁵³ Herbert Romerstein, *Soviet Active Measures and Propaganda: “New Thinking” and Influence Activities in the Gorbachev Era* [Toronto: Mackenzie Institute for the Study of Terrorism, Revolution and Propaganda, 1989].

(под руководством прямого преемника Исполкома Коминтерна — Иностранного отдела ЦК) и тайная сторона (под руководством преемника ЧК — КГБ). Но важнее было изменение содержания. По словам Владимира Крючкова (позже — Председателя КГБ и одного из организаторов путча в августе 1991г.):

В прошлом мы часто рассматривали мир упрощенно... Мы плохо изучаем и знаем людей... мы слишком пассивны и непоследовательны в борьбе за их сердца и умы. Очевидно, легче создавать врагов, чем приобретать сторонников⁵⁴.

Изменения, привнесенные этими взглядами, вызвали серьезное недовольство внутри коммунистического движения, но не положили конец враждебным действиям и дезинформации. Целью последней, как хорошо понимал Крючков, было не плодить фальшивки, а подавать информацию (как достоверную, так и ложную), предназначенную для введения в заблуждение. Поскольку Советский Союз начал, наконец, предоставлять правдоподобную информацию, ему стали доверять, хотя внутри страны *гласность* все более воспринимали как циничный эксперимент.

В нероссийских республиках цинизма было еще больше, чем в самой России. Реакция на Чернобыльскую катастрофу была не только продуктом советской бюрократии — чья внутренняя патология проявилась, как никогда ранее, — но и кампанией активных мероприятий; последствия того и другого толкнули Украину на путь независимости⁵⁵. Жестокое подавление протестов в Тбилиси и Баку было не только работой “старой гвардии” за спиной Горбачева — версия, поддерживаемая BBC даже в 2009г., — но и, как теперь подтверждают официальные документы, результатом “жестких мер”, введенных самим Горбачевым⁵⁶. Немногие из тех, кто превозносил Горбачева за прекращение кровопролития в Балтийских республиках, понимали, что сначала он его санкционировал. Таким образом, положение Военной доктрины Организации Варшавского Договора 1987г. — “в нынешних условиях применение военного пути для решения любого спорного вопроса недопустимо”, — было применимо только за пределами СССР.

⁵⁴ Международная жизнь, ноябрь 1988г., с.20.

⁵⁵ Zhores Medvedev, Gorbachev, pp.259-69 [Oxford: Blackwell, 1987].

⁵⁶ Еще в апреле 2009г. канал BBC News повторял, что “войска были направлены старой гвардией”. — <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/europe/7972755.stm>. Christian Neef, ‘Secret Papers Reveal the Truth Behind Soviet Collapse’, Spiegel Online International, 11 August 2011. По данным архива Фонда Горбачева, Горбачев на заседании Политбюро в октябре 1989г. поддержал действия на площади Тяньаньмынь. “Мы должны быть реалистами. Им нужно защищать себя, и нам тоже. Три тысячи человек, ну и что?”

Эти эпизоды стали памятниками способности Горбачева вводить в заблуждение Запад и самого себя. Как и раннее поколение ленинцев, считавших национализм продуктом царизма, Горбачев верил, что национальный вопрос растворится в процессе реформ и демократизации. И многие западные правительства и ученые с ним соглашались. Поэтому Горбачев и его западные партнеры оказались дезориентированными, когда перестройка стала катализатором национального возрождения в нероссийских республиках, а не антидотом. К счастью, это прибавило дальновидности обеим сторонам.

Изменения, привнесенные политикой Горбачева, проистекали из его неудач и успехов. Неудачи случались из-за человеческой импульсивности. В отличие от Сталина, который нуждался во врагах и создавал их, или Брежнева, сохранившего стихийный страх перед вражеским влиянием, Горбачев верил, что избавление от зарубежного бремени, ликвидация барьеров и преодоление антагонизмов помогут обновить советскую систему. В 1968г. Брежнев, обращаясь к Политбюро Александра Дубчека, сказал, что он подавил бы Пражскую весну даже перед угрозой третьей мировой войны⁵⁷. К 1989г. для Горбачева западные товары стали важнее Чехословакии. Этот расчет, предотвративший катастрофу и, возможно, войну, основывался на ошибочной вере в то, что система, созданная Лениным, “гуманна” и реформируема. Борис Ельцину и его последователям пришлось восстанавливать власть и влияние в стране, лишенной этой системы и этих иллюзий.

Заключение

Страна не может начать жизнь однажды утром с “чистого листа”. Но это не означает, что целостность российской истории высечена в камне. Она динамична, преподносит сюрпризы и делает прогнозы рискованными. Динамика, описанная Владимиром Пастуховым, основана на том, что Россия “Неразрешенные противоречия ... перетаскивала из одной эпохи в другую, захламывая свой исторический багаж”⁵⁸.

Задолго до Путина и даже Ленина неразрешенные противоречия сформировали неупорядоченный набор потребностей в сфере безопасности, несоразмерных с потребностями, существовавшими у

⁵⁷ Zdeněk Mlynář, *Night Frost in Prague* (London: Hurst, 1980), p.241.

⁵⁸ Пастухов В. Реставрация вместо реформации..., с.104.

большинства европейских держав. Эти потребности были обусловлены совокупностью факторов, пагубно усиливавших друг друга: отсутствием четких физических и этно-национальных границ; наличием особой и гордой, но не самодостаточной и не уверенной в себе культуры (т.е. “цивилизации”); отождествлением политико-административной структуры со стабильностью, несмотря на растущие признаки ее шаткости.

Из этих факторов был выведен ряд постулатов: что расширение периметра обороны уменьшает, а не увеличивает угрозы; что безопасность лучше всего обеспечивается внушением страха другим; что нужно учиться у более передовых держав, но не допускать их влияния; что реформы и сокращение расходов должны идти в тандеме.

Появились и специфические подходы к влиянию, рассмотренные в этой главе. Тем не менее, стоит повторить, что многие методы и стратагемы, обычно приписываемые большевикам, появились еще при царизме. Из полученного ими в наследство арсенала они не выбросили ничего. Наоборот — добавили к нему организацию, “научную” методологию, современные коммуникации и подходящую транснациональную идеологию.

Хотя этот процесс легко объясним, он не был фатальным. Анализируя последние 200 лет, даже историк-любитель сталкивается с необходимостью объяснения противоречивых предположений. Политические новации Александра II, Сергея Витте и Петра Столыпина открывали различные пути развития, дававшие России возможность при более благоприятных условиях избавиться от патриархальности и если не сблизиться с Европой, то хотя бы развиваться в гармонии с ней. Сложнее представить, что тем же путем могли бы развиваться нерусские части Империи, и вряд ли можно отрицать, что реформаторы российского государства именно на это и рассчитывали. Российские либералы и реформаторы не были обречены на неудачу, но потерпели ее. Большевизм не был обречен на победу, но победил, а правление Ленина и Сталина привело к последствиям, до сих пор сдерживающим “искусство возможного” в России и соседних странах.

3. Интересы России в постсоветскую эпоху

*“Россия обречена быть великой державой” (Андрей Козырев)*¹

Запад, который сдерживал Советский Союз и в конце концов стал партнером в его реформировании, был продуктом Советского Союза. До Холодной войны Запад был культурным, а не политическим феноменом. Его европейские столпы — Британия, Франция и Германия, — жили в состоянии вооруженного мира или войны между собой. Соединенные Штаты, спасшие европейскую систему в Первой мировой войне, не желали быть ее частью, и после заключения небезупречного и принудительного мира умыли руки. Не будь после 1945г. “советской угрозы”, они могли бы поступить так же. Без Востока не было бы и Запада.

Поэтому вполне логично, что дирижеры распада СССР ожидали постепенного исчезновения различий между Востоком и Западом. Однако, те постепенно возродились. Их возрождение можно объяснить неудачами реформаторов Ельцина, политикой их последователей, а также осторожностью и силой привычки самого Запада.

Но были и более глубокие факторы. Западная цивилизация существовала задолго до появления “Запада”. Первые годы президентства Ельцина показали слабость попыток найти в ней место для России. В то время, как Министр иностранных дел Козырев старался подчеркнуть “нормальность” России, сам Ельцин уже в октябре 1992г. был вынужден подчеркивать ее “уникальный” путь². Несмотря на его самоуверенное заявление в новогоднем обращении к народу, что “имперский период в истории России завершился”, даже самые радикальные его помощники психологически не были готовы к определению и реализации интересов постимперского государства³.

¹ Цит. по: Suzanne Crow, ‘Russia Debates its National Interests’, RFE/RL Research Report, 10 July 1992, p.28.

² “Мы никоим образом не будем вести Россию к капитализму. Россия — уникальная страна. Она не будет ни социалистической, ни капиталистической, она будет русской”. — Интервью газете “Аргументы и факты”, №42, октябрь 1992г.

³ Ельцин Б. Новогоднее обращение к народу. — Телеканал “Россия”, 30 декабря 1992г., SWB SU/1576 C1/1, 1 января 1993г.

Кроме того, Запад после Холодной войны уже не был сугубо геополитическим образованием. Общие ценности проявлялись в культуре бизнеса, укоренились в сети институтов и закрепились в законах. Они же поддерживали НАТОвскую “привычку к сотрудничеству” и военную взаимозависимость, уменьшавшую стоимость коллективной обороны. В течение жизни, по крайней мере, двух поколений ментальность в западных демократиях формировалась в процессах поиска консенсуса и принятия совместных решений, направленных на гармонизацию национальных и коллективных интересов. Гражданские, политические и правовые традиции, определявшие эту ментальность, вызревали гораздо дольше.

Несмотря на провозглашение Россией решимости двигаться в этом направлении, ее способность к этому вызывала сомнения. Как предупреждал Томас Элиот, “людям труднее всего, когда жизнь реальна”⁴. После августа 1991г. Россия столкнулась с реальным крахом политической и экономической систем, системы безопасности и обороны, самого государства. Дирижерами этого краха были не наиболее радикальные недоброжелатели советского истеблишмента, а наоборот — наиболее радикальные его представители. Повивальной бабкой их “второй русской революции” был не террор, а деньги. Деньги и отсутствие кровопролития означали, что им приходилось руководить в союзе с советизированными элитами, саботировавшими реформы, и “новыми русскими” олигархами, саботировавшими власть. Когда кровопролитие в 1993г. все же произошло, от него выиграли не либералы и реформаторы, а приверженцы великодержавной идеологии (“державники”). Окончательно примирил деньги с властью не Ельцин, а Путин, и не на либеральной основе.

В 1991г. можно было предусмотреть немного из случившегося, но для удержания Запада от радикальных изменений институциональных договоренностей прогнозов было достаточно. Тем не менее, российские реформаторы были смелы — и ожидали такой же смелости в ответ. Говоря об интеграции, они подразумевали слияние. Запад же имел в виду партнерство, помощь и “трансформацию” — процесс без завершения. В России позиция отечественных либералов вызывала обвинения в инфантильности⁵. Честно говоря, у них были

⁴ Элиот Т. Четыре квартета. Перевод с английского А.Сергеева. — <http://lib.meta.ua/book/12826/>.

⁵ Показательно, что даже Владимир Лукин, один из руководителей безусловно либеральной (но очень осмотрительной) партии “ЯБЛОКО”, обвинял помощников Ельцина в “инфантильном проамериканизме”. См.: Пляйс Я. Все еще на перепутье (итоги внешнеполитического года). — Обозреватель, 1995, №5-6, http://www.rau.su/observer/N05-6_95/008.htm.

завышенные и наивные ожидания того, что Запад мог бы сделать, не изменяя своим обязанностям и здравому смыслу. Когда пределы намерений Запада стали очевидны, разочарование посеяло обиду в рядах реформаторов, включая самого Ельцина. Последовала корректировка политики России, а с ней и частичное восстановление прежних форм влияния, часто — недружественных. К ним добавились и новые формы — не всегда благотворные.

Разрыв в восприятиях

Есть две причины вспомнить предложения российского внешнеполитического ведомства, адресованные Западу в начале 1990-х. Во-первых, они свидетельствуют, что, несмотря на серьезные расхождения, между либералами и их критиками существовали и важные точки соприкосновения. Во-вторых, они показывают различие между тем, как Россию видят русские, и как — все остальные. Этот разрыв в восприятиях — серьезный вызов и для либералов, и для державников. Чем больше разрыв, тем больше вероятность превращения влияния России в источник напряженности. Успешным российское влияние обычно бывает там, где восприятие России другими совпадает с ее самовосприятием. К лету 1992г. характерными для Запада стали четыре “либеральных” ортодоксии, которые уже через год оценивались весьма критично:

- события 1991г. были “второй русской революцией” и, в отличие от революций в Центральной Европе, имели “тектонический” характер;
- для успеха революции и для безопасности Европы необходима общеевропейская система безопасности, включающая на равноправной основе Россию;
- Россия рассчитывала на ее признание в качестве “нормальной евразийской великой державы”, преследующей собственные интересы на основе демократии, партнерства и “установленных правил”;
- Россия несла “особую ответственность... обусловленную историей... и статусом великой державы”, за укрепление “центростремительных процессов” в СНГ, во благо евразийской интеграции и безопасности⁶.

⁶ Andrey Kozyrev, ‘Russia: A Chance for Survival’, *Foreign Affairs*, Vol.71, No.2, June 1992, pp.1, 11-13. ‘Address by Andrey Kozyrev Before the Russian Supreme Soviet’, 22 October 1992, in Zbigniew Brzezinski and Paige Sullivan, ed., *Russian and the Commonwealth of Independent States: Documents, Data and Analysis*, p.79 (Washington: CSIS, 1997).

Вторая русская революция

С одной стороны, революционные заслуги нового руководства не подлежали сомнению. На смену СССР пришли 15 новых государств. Москва не препятствовала их появлению силовыми методами и юридически признала их независимость. Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС) была распущена, а ее наследница, Коммунистическая партия России — отстранена от власти. Горбачев отказался от идеологической конфронтации, а Ельцин и его правительство отреклись от идеологии, ставшей синонимом советского государства. “Командно-административная” экономическая система, давно переставшая функционировать эффективно, прекратила свое существование.

Но в отличие от Центральной Европы, революция в России остановилась на полпути. В Польше, Чехословакии и Эстонии новую политическую систему строили новые элиты, выросшие в борьбе с тоталитарными системами, более молодыми и слабыми, чем в самом Советском Союзе, — на основе гражданского наследия и “европейской идеи”, которых в России не было. В свою очередь, в Российской Федерации новую политическую систему строили наиболее радикальные представители старых элит. Еще более вводили в заблуждение аналогии с Германией времен Аденауэра, проводимые Егором Гайдаром и другими. Федеративная Республика Германия была продуктом оккупации, денацификации и поражения в тотальной войне. Ее легитимность основывалась на отказе от предшествующей государственности. Российская Федерация — как “государство-преемник” СССР — вскоре начала строить свою легитимность одновременно и на отрицании, и на преемственности опыта своего предшественника.

Уже поэтому новое российское государство приобрело внутренне противоречивый, чтобы не сказать — шизофренический характер. В сфере обороны и безопасности главным приоритетом Ельцина была не реформа, а лояльность. Когда в мае 1992г. на “руинах и обломках” Советской Армии, как говорил новый Министр обороны, были основаны Вооруженные силы Российской Федерации, группу военных реформаторов, созданную в последние годы правления Горбачева, отстранили от дел.

В сфере разведки и государственной безопасности картина была почти такой же. Сторонников августовского 1991г. переворота, начиная с Председателя КГБ Владимира Крюкова, отстранили от дел, однако сторонники советской системы остались на своих местах. Не было принято никакой программы реформ (таковые даже не

обсуждались), не была проведена люстрация персонала — ни в бывшем КГБ, ни в Министерстве внутренних дел (МВД), ни в военной разведке (ГРУ).

Непредвиденные последствия “второй русской революции” оказались близки к ожидаемым. Роспуск КПСС, на которой держалась система контроля и управления, повысил автономность государственных органов (не говоря уже о местных и региональных органах власти) и одновременно — их закрытость. Введение рыночной экономики заставило их зарабатывать. Но *номенклатурная* приватизация, превратившая бюрократическую власть в финансовую, не “заставила советских промышленных руководителей вести себя по-капиталистически”, как надеялся Егор Гайдар. Она обогатила эгоистичную преступную верхушку. Она же положила начало массовому присвоению активов и легализовала криминализованные связи, де-факто доминировавшие в экономике. На смену тоталитаризму пришла не новая либеральная демократия, а растущая связь политики, бизнеса и преступности⁷. По мнению Юлии Латыниной, управление как таковое подменялось личными отношениями. Отчасти такая ситуация стала результатом решения Ельцина разделить политические органы — с тем, чтобы они подчинялись лично ему. Но одновременно она была и результатом введения рыночного либерализма в стране, не имевшей либеральных институтов и эффективного, основанного на законе правопорядка.

Как и после 1917г., в экономику пришли профессионалы от безопасности и разведки, но теперь — как игроки, а не судьи. Их растущая роль объясняется санкционированной Горбачевым частичной коммерциализацией разведки и обороны, их практической монополией на *специнформацию* и, не в последнюю очередь, наследием ЧК: “борьбой со спекуляцией”, сращиванием с организованной преступностью и “широкими международными связями”. Еще в 1988г. Крючков говорил: “Наша служба обрела сильные позиции в мире бизнеса, но она должна более эффективно проявить себя в подходе к бизнесменам, от которых зависят новые контракты и доступ к передовым технологиям”⁸. По данным Службы

⁷ Три более ранних анализа см.: Yulia Latynina, ‘The Economy: New Actors, Old Legacies’, in Heyward Isham (ed.), *Reconstructing Russia: Perspectives from Within* (New York: Institute for East-West Studies, 1996); Françoise Thom, *Les Fins du Communisme* (Paris: Criterion, 1994); James Sherr, ‘Russia: Geopolitics and Crime’, *The World Today*, Vol.51, No.2, February 1995.

⁸ Деятельность органов государственной безопасности на современном этапе — Москва, 1988; Из документов КГБ, опубликованных Комиссией Гаяускаса (*Gayauskas Commission*), Литва. Цит. по: Françoise Thom, *Les Fins du Communisme* (Paris: Criterion, 1994), p.63.

внешней разведки (СВР), к 1994г. многие из 400 уволенных генералов работали в банках и совместных предприятиях⁹.

Эти события повлекли за собой последствия как в стране, так и за рубежом. Российские экономические гиганты имели транснациональные интересы и в ряде случаев — присутствие за рубежом. Тот факт, что “Газпром” “начал вести собственную бюджетную, кредитную, денежную и региональную политику”, был не просто внутренней проблемой России¹⁰. Соперничество в верхах превратило ее соседей во “что-то вроде мешка с призами, в который российское политическое руководство запускает руку ради политиканства, а не политики”¹¹. Границы между государственным и частным, законным и преступным, внутренним и внешним все более размывались. В середине 1990-х прибалтийские, чешские и немецкие контрразведывательные службы предупреждали, что криминализация российской экономики и коммерциализация разведки становятся вопросами не просто правопорядка, а национальной безопасности. Они же отметили новую волну активизации российской разведки в своих странах. По этим и другим, указанным выше причинам, Запад постепенно утратил веру в то, что “новая русская революция” пойдет путем демократических революций Центральной Европы.

Общеввропейская безопасность

В июне 1992г. Андрей Козырев уверял читателей *Foreign Affairs*, что новое руководство “просто не может думать о НАТО как о противнике России”. Правда, он тут же оговаривал, что не все в России с этим согласны¹². В мае 1992г., за два года до обсуждения в НАТО вопроса о расширении, был представлен проект новой Военной доктрины России. При анализе наиболее неблагоприятных сценариев, ее авторы ушли от прямого указания потенциальных врагов и их возможностей, но даже неискушенному читателю было ясно, что ориентиром для “оборонной достаточности” России остались вооруженные силы США и НАТО. “Новая” армия, по идее авторов Доктрины, должна быть уменьшенной копией Советской армии,

⁹ Sherr, ‘Russia: Geopolitics and Crime’, p.36.

¹⁰ Александр Лебедь (в то время — Секретарь Совета национальной безопасности Российской Федерации). Цит. по: Stephen J Blank, *Towards the Failing State: The Structure of Russian Security Policy* (Camberley, Conflict Studies Research Centre, F56, November 1996), p.3.

¹¹ Markian Bilynskyj, *Update on Ukraine* (Newsletter of the US-Ukraine Foundation), 26 September 1996.

¹² Kozyrev, ‘Russia: A Chance for Survival’, p.15.

предназначенной для всеобщей мобилизации и тотальной войны. Учитывая появление новых этно-территориальных конфликтов в бывшем Советском Союзе, угроз целостности Российской Федерации, а также упадок ее оборонно-промышленного комплекса, это были не самые очевидные выводы. Официальная Доктрина 1993г. повторяла главные положения проекта более взвешенно¹³. Но в ней легко прочитывался отказ от ключевого положения “нового мышления” Горбачева: применение силы “для разрешения политических проблем” более не считалось “недопустимым”.

Вскоре появилась вторая оговорка к заверениям Козырева в дружбе с НАТО: роль НАТО должна измениться. Шли бесконечные дискуссии о том, должно ли это произойти при посредстве нового органа общеевропейской безопасности, подчинения НАТО ОБСЕ или допуска России к столу заседаний высшего руководства НАТО. Когда стало ясно, что в НАТО предполагали более постепенные и умеренные изменения, ожидание превратилось в условие.

Поэтому программа НАТО “Партнерство ради мира” (ПРМ, *Partnership for Peace, PfP*), официально представленная в январе 1994г., была воспринята с крайним недовольством. В мае Козырев прямо заявил, что ПРМ “не может устроить Россию... наше сотрудничество не может быть таким же, как со средними и малыми европейскими государствами”¹⁴. Если некоторые члены НАТО рассматривали ПРМ как альтернативу членству в Альянсе бывших участников Варшавского договора, то в России многие воспринимали ее как расширение НАТО иными методами. В октябре 1994г. на учредительной конференции ОБСЕ Ельцин предупредил, что расширение НАТО приведет к “холодному миру” в Европе. Подобных взглядов придерживались и большинство рядовых россиян. Так, хотя интервенцию НАТО в Боснии и Герцеговине санкционировал Совет безопасности ООН, однако, опрос, проведенный в феврале 1994г., показал, что 66% граждан считают авиаудары НАТО по Сербии равноценными удару по России¹⁵.

Этот конфликт взглядов постепенно превратился в диалог глухих. Бесспорно, бывшие участники Варшавского договора считали

¹³ C.J.Dick, ‘Initial Thoughts on Russia’s Draft Military Doctrine’ (CSRC Occasional Brief, No 12, 14 July 1992) и *Russian Views on Future War* (CSRC, AA26, June 1993); James Sherr, ‘Living With Russia in the Post-Soviet Era’, (Camberley: Soviet Studies Research Centre, F31, July 1992), pp.119-32.

¹⁴ Опасаясь изоляции, Россия присоединилась к ПРМ в марте 1994г., но только после (безуспешных) требований специального статуса. См.: Mark Smith, *Russia and the Far Abroad: Aspects of Foreign Policy* (CSRC F39, May 1994), p.9.

¹⁵ См.: Известия, 5 февраля 1994г.

членство в НАТО защитой от восстанавливающей силы России. Но их естественным и преобладающим мотивом было стремление не остаться в “серой зоне” и привязать свои страны к правилам, интересам и ценностям, в которых российские “центристы” уже к 1994г., по их собственным заявлениям, не хотели “растворяться”. Ни одна из стран НАТО не рассматривала расширение как способ сдерживания России; все с осторожностью воспринимали опасения России. Для большинства, и особенно для Германии, главным мотивом было предотвращение “ренационализации” обороны в новых, хрупких и незрелых демократиях. Столь же сильным мотивом был страх выхода США из европейской системы безопасности и возвращение в национальную ментальность (если не в реальность) “германской проблемы”. В конце концов, в НАТО предпочли интересам России именно эти соображения.

“Нормальная” великая держава

Невозможно сказать точно, что определяет нормальную великую державу. Когда Британия в 1956г. вмешалась в Суэцкий кризис — разозлив Соединенные Штаты — она считала, что великой державе для защиты своих национальных интересов не нужно разрешение других. Статус великой державы предусматривает и “особую ответственность”. Так, Соединенные Штаты — как сверхдержава — часто брали на себя ответственность за поддержание международного порядка; СССР, будучи сверхдержавой, претендовал на особую ответственность за замену несправедливого международного порядка справедливым. До 1914г. великая держава имела также право ограничивать суверенитет других. Все эти определения не исключают друг друга, и ни одно из них не отличается альтруизмом. Они также уходят от ответа на ключевой вопрос о силе: что она вызывает у других — доверие или тревогу? Так, в странах Средней Азии и в Армении стремительное *ослабление* могущества России после 1991г. вызывало тревогу. Совершенно по-другому относились к этому в странах бывшего Варшавского договора, Грузии, Азербайджане, Молдове, Украине и странах Балтии.

С 1991г. Россия требовала для себя статуса великой державы, включая все три указанные выше аспекта. Запад признавал его только в первом. В Основополагающем акте Россия-НАТО от 27 мая 1997г. утверждается, что его положения “не дают России или НАТО никоим образом права вето по отношению к действиям

другой стороны, а также не ущемляют и не ограничивают права России или НАТО принимать решения и действовать самостоятельно”.

Но Запад никогда не признавал за Россией статуса великой державы во втором и третьем аспектах. Далее в тексте Акта декларируется, что его положения “не могут быть использованы как средство ущемления интересов других государств”. Призыв Ельцина в феврале 1993г. к ООН и другим ведущим государствам предоставить “особые полномочия России как гаранту мира и стабильности на территории бывшего СССР” был встречен красноречивым молчанием¹⁶. К тому времени ряд “ведущих государств” начали подозревать, что главной целью России в бывшем Советском Союзе была не стабильность, а влияние, и что, поддерживая стабильность там, где этого требуют ее интересы (например, в Таджикистане), она — при необходимости сохранить влияние — может прибегнуть к дестабилизации (Молдова, Грузия). И хотя российские либералы выступали против применения силы в таких целях, выразители их идей утверждали, что Россия должна оставаться “лидером стабильности и военной безопасности на всей территории бывшего СССР”¹⁷.

Нарастающее стремление Запада обойти Россию в отношениях с другими странами — будь то в Центральной Европе, на Балканах или в бывшем Советском Союзе — уже в 1993г. заметно изменило дискурс России. Козырев предупредил, что Россия не “оставит регионы, которые она веками считала сферой своих интересов”. Позже он пытался дезавуировать свое замечание, но его слова уже вошли в официальную политику. В апреле 1993г. Концепция внешней политики называла страны бывшего Варшавского договора сферой особых интересов¹⁸. Та же тема повторялась в феврале 1994г. во время поездки Козырева по Центральной Европе. Тогда же пресс-секретарь Ельцина Вячеслав Костиков заявил: “Россия все больше видит себя великой державой, и она начала говорить об этом вслух”¹⁹.

¹⁶ 28 сентября 1993г. Министр иностранных дел Козырев заявил на Генеральной ассамблее ООН, что “ни одна международная организация или группа государств не способна заменить наши миротворческие подразделения в этом специфическом постсоветском регионе”.

¹⁷ [Первый] заместитель Министра иностранных дел Федор Шелов-Коведяев — Стратегия и тактика внешней политики России в новом зарубежье, сентябрь 1992г., с.2, 4 (экземпляр автора). Как и Ельцин, который лично готовил свой доклад, он заявлял, что Запад нужно убедить поддержать “жизненные” интересы России.

¹⁸ Независимая газета, 29 апреля 1993г.

¹⁹ Труд, 22 февраля 1994г.

Особая ответственность в “ближнем зарубежье”

Хотя “дефжавники” и осуждали Козырева за сдачу Западу интересов России, он еще в июле 1992г. заявлял: “Вхождение в традиционное международное сообщество ... не будет успешным и достаточным для нас, если мы не сможем создать реального сообщества бывших советских республик”²⁰.

Российские либералы и их критики горячо спорили не о том, стоит ли создавать это “сообщество”, а о том, как это делать. Некоторые либералы, казалось, верили, что “центростремительные, объединительные тенденции” возникнут среди бывших республик без особых усилий России. По словам соратника Ельцина Геннадия Бурбулиса, “есть логика, которая снова приведет их к нам”²¹. Эта “логика” определялась сильной взаимозависимостью внутри СССР, привилегированным положением русской диаспоры во многих новых государствах и властью укоренившихся элит советского периода. Либералы придерживались единой точки зрения по трем пунктам. Во-первых, интеграция в форме СНГ отвечала жизненным интересам — и сама по себе, и с точки зрения предотвращения распространения конфликтов на территорию России. Во-вторых, интеграция СНГ и интеграция с Западом рассматривались как взаимодополняющие проекты, которые от имени всех должна возглавить Россия. В-третьих, главным двигателем реинтеграции должны быть внутренние реформы в России. Летом 1992г. первый заместитель Министра иностранных дел РФ Федор Шелов-Коведяев подготовил доклад, включавший все эти три пункта. Тактику “разделяй и владей” и “твердую согласованную политику” он оценивал менее оптимистично, чем Козырев и Бурбулис, но, как и другие либералы, проводил черту перед использованием военной силы.

Опытные деятели старой советской системы считали схему, основанную на вере в Запад, наивной. Совершенно непонятной она была и для Вооруженных Сил, имевших к началу 1992г. на территории бывшего Советского Союза 600 тыс. личного состава. С учетом этих реалий, новая “концепция” Министерства иностранных дел содержала заявление, что “Россия будет активно противодействовать любым попыткам наращивания военно-политического присутствия

²⁰ Известия, 24 июля 1992г.

²¹ Он добавил: “Европа не примет их такими, какими они есть”. Цит. по: John Lough, *The Place of Russia's 'Near Abroad'* (CSRC F32, January 1993), p.13.

третьих стран в сопредельных с Россией странах” и действовать так, чтобы обеспечить “строгое соблюдение... прав человека и меньшинств, в особенности русского и *русскоязычного* населения”²². Безопасность также будет зависеть от “способности России защитить убеждением, а в крайних случаях — применением силы, принципы международного права..., и достичь прочного добрососедства”²³.

26 апреля 1994г., выступая в СВР, Ельцин заявил: “За рубежом есть силы, которые хотели бы держать Россию в состоянии контролируемого паралича... На смену идеологическим конфликтам приходит борьба за сферы влияния в геополитике”. Он не забыл и об экономической составляющей, добавив, что “обеспечение доступа к рынкам других стран является важной задачей и для внешней политики, и для *разведслужбы*”²⁴.

Месяцем позже, выступая перед контрразведывательным аналогом СВР — Федеральной службой контрразведки (ФСК), вскоре переименованной в ФСБ, — он напомнил о традициях превентивной контрразведки ЧК. “Главное правило” российской контрразведки — “любые действия, способные нанести вред национальным интересам, должны быть предупреждены или нейтрализованы”. Ельцин также добавил:

Вооруженные конфликты вблизи границ России несут прямую угрозу России, [и] тут у вас большое поле для деятельности. ... Широкие возможности ФСК нужно эффективно использовать для защиты русских и в нашей стране, и за рубежом²⁵.

Более того, он потребовал, чтобы ФСК имела “право осуществлять разведывательные операции на территории зарубежных стран”, — и в апреле 1995г. это было воплощено в законе²⁶. В своем последнем интервью на посту главы СВР Евгений Примаков утверждал, что служба использует “все возможные средства”, чтобы “усилить центростремительные процессы” в бывшем СССР²⁷.

²² Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации, апрель 1993г., курсив автора.

²³ Там же, с.4.

²⁴ ИТАР-ТАСС, цитата см.: SWB, 27 April 1994. Курсив автора

²⁵ Выступление Б.Н.Ельцина в Федеральной службе контрразведки (ФСК), 26 мая 1994г. Курсив автора.

²⁶ Закон “Об органах Федеральной службы безопасности”, 12 апреля 1995г. По словам Сергея Степашина, в то время — Директора ФСБ, закон “приводит нас в соответствие с тем, что мы делаем последний год”. — ОРТ (Общественное российское телевидение), 13 апреля 1995г., SWB 17 April, 1995г.

²⁷ Хотя в то время деятельность СВР в бывшем СССР регламентировал закон. См.: Комсомольская правда, 26 декабря 1995г.

В январе 2006г., заменив Козырева на посту Министра иностранных дел, он назвал усиление этих процессов высшим приоритетом внешней политики России²⁸.

Таким образом, политические факты не подтверждают мнение о том, что существенные изменения курса произошли только после прихода к власти Путина. Тот факт, что важные изменения происходили постепенно, не делает их менее существенными. Российские либералы утратили позиции, едва обретя их. Переход от политики, уравнившей национальные интересы России и Запада, к политике их сопоставляемости стремительно происходил уже к концу 1992г.; к середине 1994г. эти интересы выражались “твердо и жестко”²⁹. К 1998г. правительство США пришло к выводу, что политика России относительно нераспространения и Ирана становится враждебной и опасной. Вопросы, спровоцировавшие разногласия в эпоху Путина — расширение НАТО и ЕС, сферы влияния, разведывательные методы в бизнесе, использование энергоресурсов и соотечественников как инструментов геополитики — были поставлены еще при Ельцине.

Но в двух аспектах эпохи Ельцина и Путина резко отличаются. Во-первых, в начале 1990-х либералы и на Западе, и в России верили, что ключом к гармонизации отношений будет демократизация России. Многие руководствовались “предположением, что Россия европеизируется, как великая Польша”³⁰. Эти ожидания имели два неприятных последствия. Запад оказался неготовым к явно нелиберальной политике либералов в ближнем зарубежье и к их недовольству политикой Запада на постсоветском пространстве. Кроме того, благодаря этим ожиданиям возникла идея, что российская демократия — это дело Запада. Предупреждение Владимира Лукина в феврале 1994г. было пророческим:

Есть твердое мнение, что Америка выиграла Холодную войну и что Россия проиграла, и теперь Америка должна ... диктовать свои условия. ... Если Соединенные Штаты не откажутся от этой тенденции пытаться поучать нас, ... ничего хорошего из этого не выйдет³¹.

Тогда же Ельцин счел необходимым напомнить партнерам, что “Россия не гость в Европе, а равноправный участник”³².

²⁸ Запись пресс-конференции Министра иностранных дел России Е.М.Примакова, 12 января 1996г.

²⁹ Обращение Б.Н.Ельцина к Федеральному собранию, 24 февраля 1994г.

³⁰ Françoise Thom, ‘La politique étrangère de la Russie’, *Commentaire*, No139, Autumn 2012.

³¹ Известия, 5 февраля 1994г.

³² SWB SU/1931 S1/7 25 February 1994г.

Во-вторых, ключевой темой эпохи Ельцина было “многоголосие”. Как писал в 1996г. Стивен Блэнк:

Даже там, где существует консенсус, например: НАТО не должно расширяться, в СНГ должна доминировать Россия, дружба с Китаем имеет важное значение, — реальная политика проистекает из нескоординированной деятельности частных, фракционных или ведомственных групп, преследующих собственные цели безотносительно к общим национальным интересам России³³.

Именно этот недостаток Путин хотел исправить с первого дня пребывания у власти.

Восхождение Путина

Главное отличие между Путиным и Ельциным заключалось в их подходах к суровой реальности России 1990-х — недостатку средств. Ельцин говорил о “восстановлении российской государственности”, Путин восстановил государство. В 1990-х годах Россия была похожа не на государство, а скорее на арену борьбы влиятельных групп интересов за богатство и власть, часто — за счет страны. Путин повернул этот процесс вспять, но путем не ренационализации экономики, а разрушения грани между государственным и частным секторами, а также перестройки взаимоотношений политики, бизнеса и преступности на условиях государства. То, что многое из этого он сделал при помощи либеральных экономических советников и принял многие их программные идеи (например, фиксированные налоги, дерегуляция малого бизнеса), отвлекло многих западных наблюдателей от сути его политики — “возрождения великого государства”. После ареста в 2003г. Михаила Ходорковского величие государства возросло. Путин стал менее популярен на Западе, но более популярен в России.

Такими методами Путин перевернул унаследованные им отношения между внутренней и внешней политикой. В эпоху Горбачева и в начале президентства Ельцина Россия старалась создать международные условия, необходимые, по словам Шеварнадзе, “для изменений внутри страны”. Путин вернулся к схеме Сталина. Путем внутренних изменений Путин возвращал России законный статус “великой державы”. После более чем десятилетнего вовлечения Запада в хитросплетения российской демократии и реформ, внутренняя политика снова стала “делом России”.

³³ Stephen J Blank, *Towards the Failing State: The Structure of Russian Security Policy* (Camberley: Conflict Studies Research Centre, F56, November 1996), p.2.

В отличие от Ельцина, Путин был профессиональным *чекистом*. Поэтому он хорошо понимал отношения во власти и был безжалостно “прагматичен”: термин, который в западном понимании приравнивается к разумности, а в *чекистском* — к “жесткому продвижению национальных интересов” и холодному практичному подходу к соотношению целей и средств³⁴. Путин считал, что Ельцин оставил Россию в очень уязвимом положении. Два события подтверждали эту уязвимость. Первым была “гуманитарная интервенция” НАТО в Косово (которая рассматривалась как удобный повод для развала “проблемных государств” и полигон для испытания будущих вариантов “силовой дипломатии” у порога России). Вторым — расширение НАТО и ЕС (в чем видели способ изоляции России, игнорирования ее интересов и ослабления роли на европейских рынках). Если Ельцин реагировал на эти события с негодованием оскорбленного друга, то Путин пустил в ход все ленинские приемы отношений с “более могущественным врагом”.

Некоторые из них были весьма откровенно изложены в Концепции внешней политики от 28 июня 2000г.³⁵ По словам Сергея Иванова (секретаря Совета безопасности Российской Федерации и тоже *чекиста*), Концепция “лучше отвечает общим возможностям и ресурсам нашей страны”³⁶. Для Запада, в отношении которого возможности и ресурсы России были слабыми, эта формулировка выглядела успокаивающе. Но для новых независимых государств, в отношении которых эти возможности были достаточно сильны, она предполагала жесткость.

Тревогу соседей России вызвали три цели, сформулированные в Концепции:

- “совместные усилия по урегулированию конфликтов в государствах-участниках СНГ... особенно в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом”;
- “серьезный акцент на развитии экономического сотрудничества, включая ... совместное рациональное использование природных ресурсов”;

³⁴ Во внешнеполитических заявлениях слово “прагматичный” всегда соседствует со словами наподобие “холодный” и “жесткий”. Например, ОРТ, 18 апреля 2000г.: “Киев уверен, что теперь российско-украинские отношения будут гораздо жестче и более прагматичными, чем раньше”.

³⁵ Опубликована 7 июля 2000г. на SWB (англ.).

³⁶ Секретарь СБ РФ Сергей Иванов, 28 марта 2000г.

- “всесторонняя защита прав и интересов российских граждан и соотечественников за рубежом”, “популяризация русского языка” и “сохранение и приумножение в государствах-участниках СНГ общего культурного наследия”³⁷.

Четыре события последующих лет усилили российский оптимизм в отношении этих приоритетов, а также целей обеспечения “равноправного и взаимовыгодного партнерства” с Западом. Первым было повышение с 2003г. мировых цен на энергоносители, что способствовало переносу внимания с геополитики на геоэкономику. Вторым — усиление особых отношений с Германией, подкрепленное оживлением промышленного и энергетического сотрудничества.

Третьим — теракты 11 сентября 2001г. Путин сразу понял, что трагедия “9/11” изменила координаты мировой политики, и воспользовался случаем. В отличие от Запада, воспринимавшего эти изменения как дурное предзнаменование, он увидел в них шанс. Теперь уже Запад нуждался в России. Будучи уверенным в этом, Путин преодолел внутреннюю оппозицию в вопросе размещения американских войск в Средней Азии. Он возобновил сотрудничество с НАТО (по-прежнему выступая против его расширения) и горячо приветствовал инициативу Премьер-министра Блэра учредить Совет Россия-НАТО. Но в ответ Путин ожидал серьезных политических уступок. Он вполне обоснованно полагал, что Запад закроет глаза на подавление им “исламского экстремизма” на Северном Кавказе, юридически являющемся частью России. Менее обоснованно он считал, что Запад согласится с доминированием России над новыми независимыми государствами — с точки зрения международного права, полноправными суверенными субъектами.

Четвертым событием было преодоление последствий 1990-х годов. В начале этого десятилетия альтернативой дискредитированной советской системы была успешная западная модель. К его исходу — многие обычные люди пришли к выводу, что такая модель может быть успешной только на Западе. К сожалению, реальность подтвердила некоторые более ранние опасения относительно политики Запада:

³⁷ Приветствуя утверждение проекта Концепции в СБ РФ 24 марта [2000г.], Путин заявил, что она защитит “интересы наших соотечественников ... более внимательно, более сбалансировано и в то же время более агрессивно”. Курсив автора.

Главная опасность не в том..., что мы, отказав России в помощи, разочаруем ее, а в том, что мы поможем ей и разочаруем, убеждая — не впервые в истории России — ее народ, что западные модели и ценности неприменимы, если не откровенно вредны, для особых российских обстоятельств и проблем³⁸.

К концу первого президентского срока Путина Россия, казалось, твердо стояла на пути к альтернативной модели. В отличие от времен Горбачева, эта модель обещала успех. В отличие от времен Ельцина, она была российской по существу. Ее первым элементом был новый постсоветский класс — денежный, самоуверенный, вдохновленный выгодами сильного государства, не боящийся Запада и совершенно не ностальгирующий по коммунизму. Этот класс был подчеркнуто европейским, но не либеральным. Он черпал уверенность из государственной политики, делавшей упор на гордости, силе, бизнесе и потребности выживать в жестком и коварном мире. Вторым элементом был “менталитет россиян”³⁹ — обычных россиян, которые либо сохранили, либо после 1990-х восстановили врожденный страх перед беспорядком и веру в то, что Россия “должна быть сильным, мощным государством, дееспособным государством, эффективным”⁴⁰. Третьим элементом был экономический рост на 7% в год, возвращение экономической стабильности, выплата зарплат и пенсий и восстановление сферы услуг и инфраструктуры.

Кризис и восстановление

В конце 2004г. не только модель, но и вся схема путинской политики оказались под угрозой. Оранжевая революция в Украине стала шоком для привычного образа мыслей и жизни всей российской элиты. По убеждению Путина, Россия “не может жить по схеме западных ценностей”. То, что могут Польша или Эстония, мало волновало большинство русских. Но если может Украина — это совсем другое дело. По распространенному в России представлению, украинцы — это ветвь русского народа. Они — “малороссы”,

³⁸ James Sherr, ‘Living With Russia in the Post-Soviet Era’, *The National Interest*, Spring 1992 (republished in revised form by the Soviet Studies Research Centre, RMA Sandhurst, July 1992).

³⁹ Путин В. Россия на рубеже тысячелетий. — Независимая газета, 30 декабря 1999г., http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html?print=Y.

⁴⁰ Путин: Год во власти. Интервью программе Би-би-си “Завтрак с Форстом” [5 марта 2000г.], http://www.bbc.co.uk/russian/specials/putin_year/frost.shtml. BBC Breakfast with Frost.

а Россия — *старший брат*. Путин никогда не скрывал этих убеждений, поэтому и считал Оранжевую революцию не делом рук украинцев, а “спецоперацией” Запада и триумфом его мягкой силы, которую Путин понимает как форму государственного могущества. С 2005г. Москва возобновила использование “мягкой силы” в своем политическом арсенале. Ставшая позже очевидной неудача Оранжевой революции была не менее важной, чем сама революция, поскольку послужила подтверждением стойкого убеждения в “исключительности” постсоветского пространства.

В сочетании с проблемами Запада в Ираке и хаосом в Афганистане, эта неудача подкрепила негодование уверенностью. Как заявил Путин в феврале 2007г. в Мюнхене: “Мы реалистично оцениваем свои собственные возможности и свой собственный потенциал”. Реалистичными были также его оценки тех обстоятельств, что Соединенные Штаты и их союзники слишком заняты [своими проблемами], что политика НАТО в российском “ближнем зарубежье” — беззуба, и что Альянс основательно разделен в вопросе стратегии развития. В НАТО надеялись, что бухарестская формула — без ПДЧ и без временных графиков, но с реальным обязательством “Украина и Грузия будут членами НАТО” — снизит накал страстей. Однако, вопреки ожиданиям, страсти еще более накалились. Разрыв между стремлениями и возможностями Альянса обрел все признаки провала.

В августе 2008г. этот провал произошел. Российско-грузинская война имела все признаки момента истины. Она за неделю разрушила западную схему безопасности на территориях между Россией и НАТО, сложившуюся после Холодной войны. Она развеяла впечатление, что раз Россия стала богаче, уверенней в себе и экономически ближе к Европе, то она откажется от своих неоимперских взглядов и замыслов. Не менее важно, что война разрушила уверенность Запада в том, что жесткая сила России уже не может противостоять западному влиянию. В Грузии Россия не только противопоставила себя влиянию Запада, но и дискредитировала его политику. Ее безнаказанное нападение на страну, имевшую привилегированные отношения с НАТО, стало для других стран уроком, а также предупреждением руководства российского государства о серьезных последствиях в случае, если он не будет выучен⁴¹.

⁴¹ В сентябре 2008г. на обеде в Валдайском клубе Президент Медведев заявил, что российско-грузинская война изменила ситуацию в регионе и мире. Запад давно “предупреждали”, что он “чужой” на “постсоветском пространстве”.

Тональность и суть политики

Как будет показано во второй части этого исследования, с лета 2008г. видимое и действительное радикально изменились. Но лейтмотив политики России в отношениях с ее основными партнерами оставался постоянным в течение всего срока пребывания Путина у власти. В каждом конкретном случае позиция России может быть обобщена несколькими искусно сформулированными противоречивыми положениями.

“Ближнее зарубежье”

- Политика России в бывшем СССР основана на “недопустимости применения силы или угрозы силой против территориальной целостности или политической независимости”⁴².
- Этот регион является сферой “привилегированных интересов” России, основанных на “исторически особенных отношениях”⁴³.
- Украинцы и белорусы — “братские народы”, связанные с Россией “общей историей, культурой и религией”, — должны поддерживать “прочные родственные, человеческие связи”, “тесное экономическое сотрудничество”, единство энергетической инфраструктуры и солидарную безопасность⁴⁴.
- Россия будет защищать своих граждан, “где бы они не находились”⁴⁵, и “считает правомерным применение Вооруженных Сил и других войск” с этой целью⁴⁶. Она будет защищать “интересы” “соотечественников” и предоставит им “всестороннюю помощь”⁴⁷.

⁴² См.: Преамбула проекта Договора о европейской безопасности от 29 ноября 2009г. — <http://kremlin.ru/news/6152>. Этот принцип упоминается также в Уставе ООН, Хельсинском Заключительном акте, Манильской декларации 1982г. и Хартии европейской безопасности 1999г.

⁴³ Интервью Дмитрия Медведева телеканалам “Россия”, Первому, НТВ, 31 августа 2008г. В тот же день опубликовано на сайте Президента: kremlin.ru/news. В докладе близкого к Д.Медведеву либерального аналитического центра — Института современного развития (ИНСОР) используется термин “исторически обусловленные ... отношения”. См.: Россия XXI века: образ желаемого завтра. — ИНСОР, январь 2010г., с.71.

⁴⁴ Послание Президенту Украины Виктору Ющенко, 11 августа 2009. <http://www.kremlin.ru/news/5158>.

⁴⁵ Интервью Дмитрия Медведева телеканалам “Россия”, Первому, НТВ, 31 августа 2008г. Хотя комментарии Медведева вызвали бурю, он излагал положения уже установившейся политики. В частности, в Военной доктрине 1993г. “угнетение прав, свобод и законных интересов российских граждан в иностранных государствах” названо “военной угрозой” [курсив авт.]. — С.Д.Дик, ‘The Military Doctrine of the Russian Federation’, Conflict Studies Research Centre, RMA Sandhurst, Brief 25, p.5.

⁴⁶ Военная доктрина Российской Федерации, 5 февраля 2010г., п.20, http://www.kremlin.ru/ref_notes/461.

⁴⁷ Выступление В.В.Путина на открытии Конгресса соотечественников, 11 октября 2001г. — <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2001/10/28660.shtml>; Защита интересов соотечественников за рубежом. В докладе: МИД России “Обзор внешней политики Российской Федерации”, 27 марта 2007г., http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/3647DA97748A106BC32572AB002AC4DD.

Посткоммунистическая Европа

- В регионе никогда не будет безопасности и процветания без хороших отношений с Россией — членство в НАТО и ЕС не приведет к исчезновению России.
- Двусторонние отношения сохраняют свою традиционную силу и их нельзя игнорировать. До тех пор, пока тесные отношения с Россией поддерживают Франция и Германия, у стран Восточной и Центральной Европы нет альтернативы развитию отношений с Москвой.
- В то время, как ЕС стремится не поддержать, а нивелировать национальную самобытность, Россия строит свои отношения на основе реальных национальных интересов.
- Стереотипы Холодной войны мешают странам региона признать их отличие от Западной Европы и рассматривать их исторические отношения с Россией более сбалансировано и доброжелательно, чем в настоящее время.
- Американская “гегемония” и миф о “Западе” искусственно “секьюритизируют” энергетическую политику и сдерживают развитие потенциала экономических отношений.

“Старая” Европа

- Не может быть европейской безопасности без России. Изоляция России — это политика Холодной войны, идущая во вред Европе в целом.
- Нынешняя архитектура безопасности несовершенна, поскольку сохраняет разграничительные линии Холодной войны, основана на интересах небольшой группы государств и поддерживает гегемонию неевропейских держав за счет Европы.
- ЕС — не вся Европа. Союз не может быть арбитром по правам человека за пределами его границ; “мягкая безопасность” — не его дело.
- Позиция России как поставщика энергоресурсов является ключевым элементом экономической взаимозависимости и соответствует интересам всех европейских государств. Россия останется надежным партнером. Но она не потерпит дискриминации на основе правил, придуманных другими.
- Россия — часть европейской цивилизации. Она поддерживает меры по укреплению общего христианского наследия Европы, ее этнических и национальных корней и современных основ нации и государства. Но она против псевдоидентичности “Запада”, постмодернизма и мультикультурализма.

НАТО

- Россия “готова развивать отношения партнерства с НАТО”⁴⁸, но ей мешает нежелание Альянса отказаться от “однополярности”, его “механическое расширение”, приближение его “военной инфраструктуры” к границам России, создание им противоракетной обороны и использование силы вопреки Уставу ООН⁴⁹.
- Атлантизм не может быть основой глобальной безопасности. НАТО не может быть заменой общеевропейского механизма безопасности, важным и влиятельным участником которого является Россия. Он должен отказаться от своей “цивилизационной исключительности” и ограничиться вопросами “жесткой безопасности” в рамках “географических границ альянса”⁵⁰. Изоляция России вредит безопасности самого НАТО⁵¹.

США

- Россия стремится к широкому партнерству с Соединенными Штатами по вопросам мирового значения: ограничение ядерных арсеналов; нераспространение опасных вооружений; борьба с терроризмом, распространением наркотиков, пиратством; война в Афганистане; коллективное управление мировым финансовым порядком.
- Но США должны принять многополярность как политическую реальность и нормативный принцип. Они должны действовать в строгом соответствии с Уставом ООН, отказаться от односторонних подходов, “коалиций доброй воли” и привычки к диктату по отношению к другим.

Выводы

На основе этих формул и принципов можно сделать ряд выводов.

Во-первых, Россия уважает суверенитет своих некогда советских соседей, но в то же время сохраняет за собой право определять, что это значит на практике. Как и в случае бывшего Варшавского

⁴⁸ Дмитрий Медведев, *РИА Новости*, 16 ноября 2008г.

⁴⁹ См.: Военная доктрина Российской Федерации, 5 февраля 2010г., п.8, www.kremlin.ru/ref_notes/461.

⁵⁰ Владимир Воронков, директор Департамента общеевропейского сотрудничества МИД, цит. по: Mark Smith, *Russia and the Transformation of NATO*, UK Defence Academy, 11 January 2011, p.7.

⁵¹ Сергей Лавров, 21 августа 2008г. В то время Посол при НАТО Дмитрий Погозин утверждал, что “мы нужны Западу больше, чем он нам”. См.: Mark Smith, *Russian Domestic Chronology 2010*, UK Defence Academy, p.5.

договора, в этой “привилегированной” сфере действуют “более высокие нормы”, чем того требует международное право. (Как признает Путин, “соотечественники — категория далеко не только юридическая”⁵²). Эти нормы отражают сложившиеся веками “родственные, человеческие связи”. Для Кремля “более тесная интеграция” является историческим императивом, подобно “революционному процессу” — для Советского Союза. Именно этим руководствовался Медведев в своем публичном послании Президенту Ющенко в 2008г., так же как и в ответе (“это только начало”) на протест Президента Януковича против давления России в поддержку более тесной интеграции в 2010г.⁵³

Эти взгляды являются идеологическим вызовом либеральной демократии. Для либералов основой легитимности является согласие, и когда оно деформировано (как во время кризиса еврозоны), легитимность страдает. Для России и ее союзников основой легитимности является “история”, которая, в пост-гегельянском лексиконе, означает то, что должно произойти⁵⁴. Путин утверждает, что свой “выбор русский народ подтверждал раз за разом — и не на плебисцитах и референдумах, а кровью”. Тем самым он дает понять, что не кровь является выбором, а наоборот: кровь (т.е. самосознание) важнее выбора и “исторически обусловленные” отношения имеют большую легитимность, чем согласие (которое можно дать и забрать) или “пресловутое национальное самоопределение”⁵⁵.

Эти взгляды — вызов и международному праву. Они возрождают царистское и советское понимание суверенитета как условного, а не абсолютного принципа, обусловленного культурным наследием и властью. Бывший Председатель Совета Федерации Борис Грызлов без тени сомнений заявлял, что Евразийский Союз будет

⁵² Выступление В.В.Путина на открытии Конгресса соотечественников 11 октября 2001г.; Gatis Pelnens (ed.), The ‘Humanitarian Dimension’ of Russian Foreign Policy Toward Georgia, Moldova, Ukraine and the Baltic States (Riga: Centre for East European Policy Studies, Konrad Adenauer Stiftung, Soros Foundation Latvia, 2nd supplementary edn, 2010), p.47.

⁵³ “Медведев о соглашениях: Это только начало”, *Подробности*, 17 мая 2010г., <http://podrobnosti.ua/power/2010/05/17/686520.html>.

⁵⁴ Как говорил автору в 2008г. бывший Министр иностранных дел Приднестровья Валерий Лицкай, Молдова никогда не присоединится к ЕС, потому что она никогда не была частью Священной Римской империи.

⁵⁵ Путин В. Россия: национальный вопрос. — Независимая газета, 23 января 2012г., http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html. Выступая в Валдайском клубе в 2008г., Медведев использовал похожие термины: “совместная, общая история” и “родство наших душ”.

функционировать как “одна страна”, состоящая из “суверенных государств”⁵⁶. Даже Алексей Навальный придерживается взгляда, что интеграция Украины с Россией — это “естественный политический процесс”, потому что Украина “меньше” и потому что “мы один и тот же народ”⁵⁷. “Соотечественники” — тоже эластичный термин, который, как и “ограниченный суверенитет”, не имеет правового смысла.

Во-вторых, Россия не ставит цель разделить две части Европы, а тем более — разделить Соединенные Штаты и Европу. Она знает, что эти попытки вряд ли будут успешны. Но она хочет ослабить их связь и обеспечить себе признанную ключевую роль в обеих частях и в целом. Для этого она сочетает прямые заявления о собственных интересах с принципиальной поддержкой коллективных подходов. Она — за включение, если речь идет об ее участии в общеевропейских делах, но проводит “красные линии” — если дело касается сферы, которую она считает своей.

В-третьих, Россия рассматривает НАТО как конструкт Холодной войны, а в ее Военной доктрине 2010г. политика НАТО отнесена к категории “Основные внешние военные опасности”. Россия по-прежнему не согласна с ролью НАТО в мире и с трудом идет на признание того, что его наиболее спорные действия (такие, как противоракетная оборона, интервенция в Косово и ливийская кампания) не направлены против России. Как заметил Марк Смит, “аргумент Москвы по поводу того, что атлантизм устарел и нежизнеспособен, на самом деле отражает ее нежелание примириться с сохранением НАТО в его нынешней форме — организации коллективной обороны”⁵⁸. Поскольку эта коллективная оборона основана на общих ценностях и общих интересах, Москва утверждает, что НАТО увековечивает “цивилизационный раскол” в Европе, который, в случае вступления в Альянс ее соседей, пройдет по границам России⁵⁹. В отличие от НАТО, считающего, что организация трансформировалась, приведя свои вооруженные силы в соответствие с

⁵⁶ Борис Грызлов (тогда — председатель верхней палаты Парламента), Валдайский клуб, 6 сентября 2011г.

⁵⁷ Украинские журналисты обрушились с критикой на Навального за предложение об интеграции Киева и Москвы. — Новый регион, 11 февраля 2012г., <http://nr2.ru/kiev/372311.html>.

⁵⁸ Smith, *Russian Domestic Chronology 2010*, p.6.

⁵⁹ Генерал-майор Владимир Дворкин. Цит. по: Шевцова Л. Одинокая держава: почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом. — Москва, Московский центр Карнеги, 2010, с.101, http://carnegieendowment.org/files/shevzova_power.pdf.

вызовами, возникшими после Холодной войны и находящимися вне Европы, Москва рассматривает исключение России как доказательство отсутствия трансформаций. Если НАТО определяет равенство с Россией как *отсутствие* права вето на действия друг друга, то Россия видит его скорее как “реальное влияние на процесс принятия решений” в самом НАТО⁶⁰. Трехсторонняя цель ее реакции следующая: расширить свои prerogatives де-юре путем заключения нового договора о безопасности; расширить их де-факто, разделяя НАТО и переводя отношения на двустороннюю основу; попытаться ограничить функции НАТО защитой от угроз “жесткой безопасности” в его “традиционном географическом регионе”⁶¹. Если принять эти инициативы, НАТО утратит самостоятельность и релевантность.

В-четвертых, позиция России по отношению к Соединенным Штатам в целом согласуется с американским “реализмом”. Россия приветствует приоритет интересов глобальной безопасности, сложившийся после 11 сентября (при условии, что США будут действовать в соответствии с решениями Совета безопасности ООН), поддерживает отвлечение внимания и ресурсов США от Европы, ищет возможности продемонстрировать полезность партнерства с ней и показать, что “односторонние” подходы вредят интересам США. Но по ряду глобальных вопросов, таких как Иран и Сирия, Россия — не партнер, а препятствие. Не потому, что Россия мешает, а скорее потому, что она является государством вестфальского типа, противящегося смене режима, и подозревающего, что любая другая позиция будет способствовать легитимизации давления США на собственно российский режим. Тем не менее, клеймо “односторонности”, относимое ранее к предшественнику Обамы, начинает рикошетом бить и по Москве. По вопросу Сирии Россия бросила вызов не только Соединенным Штатам, но и всем остальным членам Совета безопасности ООН, кроме Китая. Она вступила также в противоречие с Лигой Арабских Государств и Турцией.

⁶⁰ Konstantin Kosachev, “Three Birds with One Stone?” in *Russia in Global Affairs*, November 2010 <http://eng.globalaffairs.ru>. James Sherr, “Doomed to Disappointment?” *NATO Review*, July 2011.

⁶¹ Проект Договора о европейской безопасности, ноябрь 2009г.

4. Методы влияния

*“Запад приходит сюда, чтобы поучать;
мы предлагаем братскую помощь”.*

(Владимир Путин — Леониду Кучме, Киев, апрель 2000г.)

Влияние — это не привилегия. В “братском” контексте или вне его, страны редко получают его по требованию. Когда Владимир Путин стал и.о. Президента, претензии России на влияние не отвечали ни желаниям других, ни имевшимся у нее средствам. Среди многих факторов влияния — заинтересованность, привлекательность, зависимость, привычка — наиболее традиционным является национальное могущество. Именно его хотел восстановить Путин: как в старомодном понимании Джозефа Ная (“наличие возможностей или ресурсов, способных повлиять на результат”), так и в функциональном и относительном понимании: способность “получить желаемый результат”¹. Превратив большую часть приватизированного ранее энергетического сектора России в инструмент “проведения внутренней и внешней политики”, Путин хотел повысить политический и экономический вес России². Классическим применением жесткой силы — сначала в 1999г. против сепаратистской Чечни, а затем в 2008г. против Грузии — он стремился консолидировать Российскую Федерацию и обеспечить российское господство в “ближнем зарубежье” — что пока не удавалось ни его предшественнику, ни ему самому. Даже развитие “человеческих” связей и поддержку русского языка Путин подавал как способ “сделать Россию сильной”³. С 2003г. и до российско-грузинской войны подходящим названием для процесса достижения этой цели было “возрождение России”.

¹ Joseph Nye, *Soft Power*, p.3.

² Энергетическая стратегия России на период до 2020г. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации №1234 от 28 августа 2003г., www.energoinform.org/normatives/powerstrategy.aspx.

³ ‘Resuscitating Russian’, *Transitions Online*, 5 April 2000, www.tol.cz/apr00/resus.html.

Сегодня реалии, с которыми столкнулась Россия, в некоторых аспектах выглядят менее благоприятными, чем в те времена. Во-первых, конвертация жесткой силы в устойчивое влияние оказалась непростым делом. Драматичная военная победа России над Грузией не принесла дивидендов на Северном Кавказе. Номинальная независимость Абхазии и Южной Осетии не сделала эти карликовые государства жизнеспособными и не уменьшила серьезность угроз России на ее южных границах. Перспективы развития российских Вооруженных сил — довольно неоднозначны. Болезненные реформы Анатолия Сердюкова ударили не только по проблемам, но и по костяку военной организации, а сменивший его на посту Министра обороны в ноябре 2012г. Сергей Шойгу объявил об их сокращении.

Во-вторых, существенно изменилась ситуация в энергетике — в ущерб главному источнику экспортных поступлений России и основе ее международного влияния. Нетрадиционный газ, нефть плотных пород и новые технологии угольной генерации меняют правила на еще недавно регулируемых и стагнирующих энерго-рынках, опасно зависимых от российского трубопроводного газа. Хотя Россия может использовать некоторые из этих изменений себе во благо (или противостоять им), вывод о росте зависимости Европы от российских энергоресурсов выглядит все более сомнительным.

В-третьих, неотвратимой реальностью для России стали самоуверенность и могущество Китая — и отрицать ограничения “стратегического партнерства” с этой страной уже невозможно. Будучи второй экономикой мира и крупным импортером энергоресурсов, Китай имеет возможности выбора и доминирования на рынках. Он не смирится ни со структурой цен, ни с тем отношением российских поставщиков, которое долго терпела Европа. Интересы Китая в Центральной Азии не направлены на ущемление интересов России, но Китай уже не будет сдерживать себя ради удовлетворения российского самолюбия; то же самое происходит и в европейских постсоветских государствах. Трезвыми и влиятельными людьми в Москве уже открыто обсуждается возможность “финляндизации” России и ее превращение в “сырьевой придаток” Китая⁴.

⁴ См.: Россия: не упустить удачу. Сценарии развития: Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба “Валдай”. — РИА “Новости”, Совет по внешней и оборонной политике, Москва, ноябрь 2011г., с.32, 34. В том же докладе утверждается, что “В Центральной Азии Россию будет постепенно замещать Китай”, с.34; Speech by Sergei Karaganov, ‘Russia’s International Role in the Coming Decade’, Chatham House, 10 December 2009.

В-четвертых, перезагрузка в отношениях США и России исчерпала свои ограниченные выгоды для обеих сторон. Однако, отречение от нее не является провалом. Перезагрузка дала ценные договоренности и не принесла вреда. Но перечень взаимных интересов оказался гораздо короче, чем общих⁵. Надежда на то, что прогресс в ряде областей даст импульс прогрессу в других, оказалась необоснованной. Договор по СНВ не подтолкнул к заключению новых договоров о тактическом ядерном оружии или обычных вооруженных силах. Попытки отделить ценности от геополитики [в вопросах] Ливии, Сирии и Бутырской тюрьмы провалились⁶. Почти по всем вопросам, важным для США, имидж России неблагоприятен и ухудшается. Главное, кончина перезагрузки обнажила разницу в ставках сторон на двусторонние отношения. Для России Соединенные Штаты остаются основой оценки угроз и отправной точкой оценки ее собственного могущества и влияния. В глазах Соединенных Штатов Россия приобрела скорее инструментальное, чем жизненно важное значение. Ее важность может еще более уменьшиться после вывода американских войск из Афганистана. Перезагрузка никак не изменила того факта, что после Холодной войны влияние России на США в сферах торговли, инвестиций и энергетики минимально. Из-за всего этого возникает риск, что Вашингтон будет рассматривать Россию скорее как проблему, а не ключевого игрока в урегулировании глобальных вопросов.

Наконец, связь между политической системой России и ее международным престижем уже не является благоприятной. В 2001-2008гг. Владимир Путин не только навел порядок в российских делах, но и восстановил коллективное самоуважение: и то и другое — на основе роста благосостояния и отрицания догм Запада. Но сегодня наиболее выразительным элементом картины России является отрицание. Среди российского городского среднего класса бытует мнение, что

⁵ Это отличие позаимствовано у Эндрю Монагена. — *From Lisbon to Munich: Russian Views of NATO-Russian Relations*, Research Division, NATO Defence College, Rome, February 2011, p.2.

⁶ В Бутырке (Бутырской тюрьме) содержался Сергей Магнитский — бухгалтер и аудитор, чей арест и последующая смерть в заключении привлекли внимание мировых СМИ и стимулировали как официальные, так и неофициальные расследования обвинений в мошенничестве, хищениях и нарушении прав человека [в России]. Магнитский, представлявший юридические интересы британской компании *Hermitage Capital* (когда-то крупнейшего британского инвестиционного фонда в России), был арестован в 2008г. после опротестования обвинений в мошенничестве, выдвинутых МВД против *Hermitage Capital*. Он умер вследствие многочисленных травм в 2009г. после 11 месяцев заключения в Бутырке без суда, за восемь дней до окончания законодательно предусмотренного срока ареста.

интересы правящих элит России вредят интересам страны, и этот вывод сейчас разделяют многие партнеры и соседи России.

В то же время, три другие тенденции дают Москве шанс и возможности. Во-первых, хотя мировой финансовый кризис ударил и по России, его влияние на динамику европейской интеграции могло бы быть гораздо глубже. Столь резкие изменения представлений и ожиданий не только дало Москве геополитическую передышку, но и сделало более доступными для российских дипломатии и бизнеса возможные выгоды в недовольных политикой ЕС регионах Европы. Массовая поддержка более тесных связей с Россией, наблюдаемая недавно на Кипре, может не только отражать импульсивные мысли (или их отсутствие), но и свидетельствовать о глубине имиджевых потерь ЕС в некоторых частях Европы⁷. Кроме того, финансовый кризис подтолкнул реализацию в бывшем СССР российских проектов интеграции и придал им видимость реальной перспективы: по словам Путина, Евразийский Таможенный союз и Евразийский Союз способны помочь их участникам “интегрироваться в Европу” и создать условия “для изменения геополитической и геоэкономической конфигурации всего континента”⁸.

Во-вторых, “азиатский разворот” (*Asian pivot*) Соединенных Штатов должен умерить надежды, что уход из Афганистана переключит их внимание на постсоветскую Европу. Умерить такие надежды должны и подогреваемые в Москве опасения, что за “арабской весной” последует “исламская зима”. Значимость этих проблем могла бы убедить Вашингтон, что благоразумнее привлечь к сотрудничеству, чем игнорировать ее. Первые шаги новой команды национальной безопасности Обамы позволяли предположить, что она, возможно, сделала именно такой вывод, — и ни последние изменения в программе противоракетной обороны (объявленные без консультаций с Польшей и Румынией), ни теплая реакция Москвы на назначение Джона Кэрри не противоречат этому впечатлению.

Наконец, перспективы дальнейшего расширения НАТО остались столь же далекими, как и после российско-грузинской войны. Украина, Грузия и Азербайджан — страны, недавно считавшие себя главными бенефициариями НАТОвской модели партнерства и сотрудничества — начали задаваться вопросом, насколько эта модель продвигает ключевые интересы их безопасности.

⁷ В недавнем телеопросе две трети респондентов предпочли более тесные связи с Россией дальнейшей интеграции с ЕС. См.: ‘Limassol fears for life after Russians’, *Financial Times*, 29 March 2013.

⁸ Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. — Известия, 3 октября 2011г., <http://izvestia.ru/news/502761>.

Обсудив цели, перейдем к средствам российского влияния. В этой главе описываются четыре основных аспекта влияния в эпоху Путина: дипломатия и донесение своей точки зрения; бизнес; энергетическая дипломатия; “гуманитарные” мероприятия (наиболее близкие к букве, если не к духу, мягкой силы). Вопрос о соответствии этих средств поставленной цели в условиях бурных перемен рассматривается в Главе 5.

Государственная и публичная дипломатия

Учитывая все вышеизложенное, не стоит удивляться, что российская дипломатия сохраняет многие черты своей советской предшественницы. Как правило, она высокопрофессиональна. Дипломатию, как и войну, считают инструментом политики, но ее не следует смешивать с собственно политикой. В зависимости от политических целей, она может ориентироваться на сотрудничество или конфронтацию, быть честной или лицемерной. Переговоры — это не групповая терапия, а средство продвижения национальных интересов. Соглашение — не самоцель. Тупик — не безвыходное положение, если он блокирует нежелательные действия или пролонгирует ситуацию, неблагоприятную для других. Сказанное о 20-летнем процессе переговоров по Приднестровью, имеет более широкое применение: “если на столе нет плана урегулирования, отвечающего определенным критериям, Россию устраивает статус-кво”⁹. Так, пока Россия не почувствовала себя достаточно сильной, чтобы навязать решение проблемы в Грузии, она довольствовалась 18 годами замороженной дипломатии.

Стоит напомнить о некоторых ключевых методах российской дипломатии. Один из них — занять бескомпромиссную позицию и придерживаться ее. За такой позицией может скрываться нерешительность, но она же может вселять нерешительность и в действия другой стороны, особенно если эта сторона состоит из разных участников. В сочетании с тем, что покойный лорд Стрэнг называл “жесткой постановкой вопроса” и “стрессом спора”, настойчивость может утомить оппонента¹⁰. Постоянно говоря об угрозе противоракетной обороны НАТО для стратегического сдерживания России и “жестко ставя вопросы”, Россия постепенно побудила экспертов

⁹ Nicu Popescu and Leonid Litra, *Transnistria: A Bottom-Up Solution*, European Council on Foreign Relations, ECFR/63, September 2012, p.4.

¹⁰ Lord Strang, ‘The Moscow Negotiations, 1939’ in David Dilks, Ed., *Retreat from Power: Studies in Britain's Foreign Policy of the Twentieth Century*, Volume I 1906-1939 (Macmillan, 1981), p.177.

НАТО найти обоснование предложению, которое большинство из них считали поначалу неприемлемым. Такая позиция также стимулировала вовлечение России в институциональные механизмы, некогда казавшиеся недоступными.

Второй метод — создать и использовать противоречия. Благодаря продуманной схеме, реализованной при участии принадлежащих “Газпрому” компаний “Молдова-Газ” и “Тираспольтрансгаз”, сепаратистский регион Молдовы — Приднестровье накопил долг перед “Газпромом”, больший, чем Украина. Но у Молдовы нет возможности ни изменить эти договоренности, ни восстановить суверенитет над этим сепаратистским анклавом, де-юре являющемся частью ее территории. По словам вице-премьер-министра Дмитрия Рогозина (он же — Специальный представитель Президента по Приднестровью), “если Кишинев не признает Приднестровье, тогда долг за газ, потребленный Приднестровьем, станет долгом Молдовы, и ей надо будет его заплатить”¹¹. Следуя этой логике, Молдова должна взять на себя ответственность за систему, созданную Россией вопреки ее возражениям.

Третий дипломатический метод — размен. В ноябре 2012г. Рогозин дал понять, что будет затягивать заключение нового газового контракта с Молдовой, пока Кишинев не согласится на открытие российского генконсульства в столице Приднестровья Тирасполе¹². Но нет уверенности, что согласие Кишинева решит проблему долга, о котором Москва может вспомнить в любое время.

Публичная дипломатия России имеет свои правила и язык. Она продуцирует поток аналогий, определить ложность которых под силу только эксперту. Так, создание Евразийского таможенного союза и Евразийского союза представляют как эквивалент процесса европейской интеграции (а ОДКБ — как эквивалент НАТО), несмотря на существенные различия в их функционировании. Как отмечалось в недавнем молдавском исследовании:

Молдова получает значительные гранты и кредиты [от Запада], инвестируемые в основном в развитие — дороги, ирригационные системы, институциональное строительство... Напротив, практически вся российская помощь Приднестровью тратится на текущие расходы с малым потенциалом развития. И в отличие от западной помощи... — ее практически нельзя проконтролировать¹³.

¹¹ Popescu and Litra, *Transnistria*, p.5. Как подчеркивают авторы, “деньги, собранные с потребителей газа в Приднестровье, не переводятся компаниям “Молдова-Газ” и “Газпром”, а расходуются сепаратистскими властями”.

¹² Dumitru Minzaran, ‘Russia’s Aggressive Policies in Transnistria Reveal Severe Limitations of EU’s Approach to Conflict Resolution’ *Eurasia Daily Monitor*, Vol.9, Issue 210 (Washington DC: Jamestown), 15 November 2012.

¹³ Popescu and Litra, *Transnistria*, p.6.

Россия выдает паспорта своим соотечественникам за рубежом, но — как часто отмечает Путин — “так делает и Румыния” (хотя цель Румынии — не навредить Молдове, а упростить безвизовый въезд в ЕС для ее граждан). России нужна сфера влияния в бывшем СССР — а как насчет Доктрины Монро? Неужели война России в Чечне аналогична гражданской войне в США и борьбе Канады с квебекскими партизанами-сепаратистами¹⁴? “Газпромом” управляет государство — а как же “*Statoil*” (корпоративное управление которой исключает политическое вмешательство в ее бизнес)? Прибалты и украинцы, воевавшие против Советов — “фашисты”, даже если они одновременно воевали с нацизмом. Чеченские бойцы — “террористы”, независимо от того, нападают они на мирных граждан или нет. Те, кто хочет поднять украинское самосознание — “агрессивные националисты”, и не имеет значения, являются их национальные идеи этническими, культурными или гражданскими. “Русофобия, как и антисемитизм, является проявлением агрессивного национализма”¹⁵.

Подобные аналогии сопровождаются поучительными банальностями и демагогией. Утверждение, что “все страны имеют национальные интересы”, так же верно (и бессмысленно), как и утверждение, что все люди пьют. Каковы на самом деле интересы России? “Россия не хочет восстанавливать империю”. Но что она хочет вместо этого? Являются ли Беларусь и Украина частями бывшей Империи, или великой России? Россия хочет лишь “мягко доминировать” в соседних регионах. Но какое это имеет значение, если для этого она использует принуждение, как в Грузии и Молдове?¹⁶ Налицо — неоднозначные послы. Сергей Лавров считает, что национальный эгоизм нужно убрать из экономических отношений в пользу действительно коллективного подхода — но он же верит, что российский бизнес продвигает внешнеполитический потенциал России и что его позиции за рубежом должны быть усилены¹⁷. Дмитрий Рогозин утверждает, что противоракетная оборона НАТО

¹⁴ По словам перебежчика Сергея Третьякова, эти специфические аналогии придуманы СВР, а затем подхвачены западными политиками. Pete Earley, *Comrade J: The Untold Secrets of Russia's Master Spy in America After the End of the Cold War* [New York, Berkley Books, 2007], pp.167 ff.

¹⁵ Заместитель Министра иностранных дел Виталий Чуркин (1994г.). Цит. по: Yermakova L. 2012. ‘Churkin says Protection of Baltic Russians “Priority”’, ITAR-TASS, 6 March 2012.

¹⁶ Dmitri Trenin, *Post-Imperium* [Washington: Carnegie Endowment, 2011], p.81.

¹⁷ См.: Лавров С. Дипломатия и бизнес. — Международная жизнь, 4 сентября 2009г., <http://interaffairs.ru/read.php?item=253>.

“не будет эффективна против иранских ракет”¹⁸. Но он, как и Кремль и Министерство обороны, настаивает, что она представляет угрозу российскому потенциалу сдерживания.

Неоднозначные послы и сомнительные аналогии — инструменты манипуляции. Но они отражают и реальные различия в значении терминов и мотивациях. Брюссель заявляет, что “ЕС не нуждается в сфере влияния и не признает таковую”¹⁹. Если бы это было не так, то было бы трудно объяснить категорически негативный ответ ЕС на намеки Беларуси о более тесных отношениях или отсрочку заключения Соглашения об ассоциации с Украиной. Но это не ослабляет убежденности многих в России, что ЕС ведет, “завуалированную словами о демократии”, “борьбу за сферы влияния” в бывшем СССР²⁰. Многие также считают, что Соединенным Штатам “нужно ощущение антагонизма [с Россией] для оправдания международной и даже внутренней политики”²¹. Но это не отвечает видению картины большинством американцев. Война в Косово развеяла представление о НАТО как о “сугубо оборонительном союзе”. Но ни один участник этой операции не согласился бы [с утверждением], что “сегодня они бомбят Югославию, но целят в Россию”²². Тем не менее, такие взгляды обусловили ужесточение политики России на Кавказе. В целом, расширение НАТО, расторжение Договора о ПРО и войны на Балканах усилили веру, что “партнерство” с Западом — это игра в наперстки, и Москва играет соответственно.

Инструменты влияния

Властям России, как и их советским предшественникам, присуща склонность к “инструментализации” сфер, которые либеральные правительства контролируют с трудом или не контролируют вовсе. Первый пункт Энергетической стратегии России от 2003г. определяет “мощный топливно-энергетический комплекс” России как “инструмент проведения внутренней и внешней политики”²³. В почти идентичных терминах определяется культура — как “инструмент обеспечения экономических и внешнеполитических

¹⁸ Chatham House roundtable, 2009.

¹⁹ Pirkka Tapiola, then Senior Adviser for Ukraine, Belarus and Moldova in the Policy Unit of the EU Council Secretariat, September 2006.

²⁰ Караганов С. Революционный хаос нового мира. — Российская газета, 21 декабря 2011г., www.rg.ru/2011/12/21/karaganov.html.

²¹ Mikhail Troitsky, ‘Containment Must be Overcome’, *Russia in Global Affairs Online*, 25 December 2010.

²² James Sherr and Steven Main, *Russian and Ukrainian Perceptions of Events in Yugoslavia* (Camberley: Conflict Studies Research Centre, May 1999), p.5.

²³ Энергетическая стратегия России на период до 2020 года, с.1.

интересов России и позитивного имиджа в мире”²⁴. Авторы поддержанной государством концепции “Русского мира” называют русских соотечественников средством расширения влияния и привлечения инвестиций “на родину”²⁵. Разработанная МИД в 2010г. программа, увязывающая внешнюю политику с развитием России, ставит целью привлечение западного бизнеса в качестве инструмента модернизации страны и одновременно — обеспечения российского контроля над инфраструктурой и экономическими активами стран ближнего зарубежья (пользуясь падением их инвестиционной привлекательности для Запада)²⁶. Все, что “инструментализируется”, обязательно конвертируется в активы влияния. В частности, “Русский мир” определяется как “транснациональная и трансконтинентальная общность”, демонстрирующая “преданность” русской культуре²⁷. По твердому убеждению Путина, соперники России “пытались и пытаются” “разрушить” этот “культурный код”, объединяющий не только этнических русских, но и тех, на кого Россия влияла²⁸. Таким образом, язык, история и культура считаются жизненно важными как для интересов России в ближнем зарубежье, так и для ее собственного будущего.

Бизнес

Одно из главных различий между советской и постсоветской реальностью — растущая интеграция России в мировую экономику. Но не всегда понятно, на что работает этот процесс: на глобализацию российского бизнеса, или же на расширение влияния [российских] бизнес-практик — преимущественно нелиберальных, непрозрачных и не отделенных от государственных и политических интересов.

²⁴ Защита интересов соотечественников за рубежом. В докладе: МИД России “Обзор внешней политики Российской Федерации”, 27 марта 2007г., http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/3647DA97748A106BC32572AB002AC4DD.

²⁵ По словам Путина, они должны “помочь своей Родине в конструктивном диалоге с зарубежными партнерами”. — Выступление В.В.Путина на открытии Конгресса соотечественников, 11 октября 2001г., <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2001/10/28660.shtml>; Gatis Pelnens (ed.), *The ‘Humanitarian Dimension’ of Russian Foreign Policy Toward Georgia, Moldova, Ukraine and the Baltic States* (Riga: Centre for East European Policy Studies, Konrad Adenauer Stiftung, Soros Foundation Latvia, 2nd supplementary edn, 2010).

²⁶ Проект программы эффективного использования на системной основе внешне-политических факторов в целях долгосрочного развития Российской Федерации, 10 февраля 2010г., МИД России. Цит. По: *Russian Newsweek*, 11 May 2010, <http://perevodika.ru/articles/13590.html>.

²⁷ Тишков В. Новый и старый “русский мир”. Цит. по: Gatis, ed., *The ‘Humanitarian Dimension’ of Russian Foreign Policy Toward Georgia, Moldova, Ukraine and the Baltic States*, p.45.

²⁸ Путин В. Россия: национальный вопрос. — Независимая газета, 23 января 2012г., http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html.

Свободных рынков в природе нет. Они — продукт не только спроса и предложения, но и закона и институтов. В мире Томаса Гоббса закон рынка не отличается от “закона кольца”. Сейчас российский рынок менее “гоббсовский”, чем в 1990-х, но все же суров. Для российских экономических гигантов рынок есть везде, где есть товарно-денежные отношения, — какими бы несбалансированными, несправедливыми и монопольными они не были. С позиции же либеральных экономистов (и Европейской Комиссии), монополия — антипод рынка, означающего, в принципе, выбор для покупателя и продавца²⁹.

Экономика России отличается от либеральной в пяти аспектах. Во-первых, различие между государственным и частным — хрупко и аморфно. Права собственности — условны. Примерно половина экономики находится в руках государства, а другой половине трудно оставаться от него независимой. (По словам Аркадия Дворковича, сказанным в 2009г., “в стране нет легального малого бизнеса”)³⁰. Связь политики, бизнеса и преступности — еще одна реальность, которую Медведев, как и Ельцин, критиковал, но не исправил³¹.

Во-вторых, усиливается монополизация и вместе с ней — рост цен. “Повсюду, когда растет благосостояние, растет конкуренция, и цены снижаются. В России этому мешают монопольные и антиконкурентные практики”. Эти антиконкурентные практики включают непомерно растущие операционные платежи бюрократам и другим посредникам³².

В-третьих, экономические отношения основаны на связях, а не на правилах. Структуру собственности трудно понять, а “связи”, когда они пересекаются, могут быть безжалостны³³. Договора менее важны, чем “понятия”, возникающие в процессе их реализации.

²⁹ Так, явно имея в виду Россию, Европейская Комиссия критикует “дискриминацию и злоупотребление” монополией и чрезмерную зависимость некоторых стран-участниц от “единственного поставщика”. *Communication from the Commission to the European Council and the European Parliament: An Energy Policy for Europe* {SEC(2007) 12} (Brussels 10 January, 2007 COM(2007) 1 final) [далее — *Communication*].

³⁰ Аркадий Дворкович (в то время — помощник Президента Медведева), во время обеда в Валдайском клубе, 12 сентября 2009г.

³¹ О Ельцине см.: James Sherr, ‘Russia: Geopolitics and Crime’, *The World Today*, February 2005; Послание Президента [Медведева] федеральному собранию 30 ноября 2010г. — <http://kremlin.ru/transcripts/9637>.

³² Vladislav Inozemtsev, REP Roundtable Summary, ‘The Resource Curse and Russia’s Economic Crisis’, 10 March 2009, p.2 ff.

³³ Скрупулезно исследованную, но отнюдь не окончательную дорожную карту этих интересов см.: Петров Н. Россия-2010: меньше стабильности, больше публичной политики, Московский Центр Карнеги, Брифинг (том 13, выпуск 1), март 2011г. — http://carnegieendowment.org/files/Petrov_Briefing_2011_March_rus.pdf.

С официальными институтами считаются мало. Судебная система — деспотична для тех, кто не имеет связей, и договорная — для тех, кто их имеет.

В-четвертых, советские устремления к автаркии остались в прошлом, однако, как заметил Эндрю Вуд, “инстинкт экономической самостоятельности” сохраняется параллельно с меркантилистской культурой, “поощряющей протекционизм и веру в зоны особых интересов”³⁴.

В-пятых, профессионалы спецслужб выполняют функции обеспечения и поддержки в ведущих компаниях, имеющих инвестиции и интересы за рубежом. Коммерциализация этих служб привнесла в бизнес их методы и расширила их охват. Тем самым она расширила также нелегальные сети, практику непрозрачного принятия решений и обусловила отношение к информации как к инструменту “борьбы”, а не общественному благу.

Несмотря на такие условия, западные компании зарабатывают в России большие деньги. Финансовое вознаграждение лечит многочисленные раны, нанесенные суровой практикой, — настолько, что российские чиновники не боятся ущемлять западные компании в вопросах прав собственности и соблюдения контрактов. Даже в деле “*Hermitage Capital*” вице-премьер Игорь Сечин убежден, что Уильям Браудер “с точки зрения получения прибыли ... является счастливым человеком”³⁵. Сечин также заявлял, что иностранным инвесторам, желающим безопасно работать в сфере энергетики, следует сотрудничать с государством, а не с частными компаниями.

По соседству с Россией бизнес имеет свою специфику. Зависимость от ресурсов и перекосы власти формируют жизненно важную связь между экономическими отношениями и национальной независимостью. Как заметила Агния Григас, даже членство в ЕС дает лишь ограниченную защиту от сложившихся *номенклатурных* связей (не только среди этнических русских), слабых регуляторных структур, коррумпированных политиков и правоохранителей³⁶. В таких полевых условиях — наличия множества подставных компаний, неконтролируемости денежных потоков, сокрытия реальной

³⁴ Andrew Wood, *Russia's Business Diplomacy*, (Chatham House Briefing Paper, REP RSP BP 2011/02, May 2011), p.2.

³⁵ “В связи с его именем, вы можете обсуждать что угодно, только не экономические результаты его работы”. См.: ‘Russia's Sechin Defends Investment Climate’, *Wall Street Journal*, 22 February 2011.

³⁶ Agnia Grigas, *Legacies, Coercion and Soft Power: Russian Influence in the Baltic States* (Chatham House Briefing Paper, REP RSP BP 2012/04, August 2012).

принадлежность фирм — знакомые с местными условиями российские бизнесмены научились вести “финансово-информационную войну” с конкурентами³⁷. Научились импровизировать, давать взятки и находить доступ к верхам. (В 2000г. представитель “ЛУКойла” в Литве хвастал, что он либо купит НПЗ “*Mazeikiai Nafta*”, либо “превратит его в груды металлолома”)³⁸. Даже мастодонты украинской тяжелой промышленности, столь же жесткие и готовые к трудностям, как и их российские собратья — могут не выдержать дискриминационных цен на энергоносители и конкуренции с российскими конкурентами, получающими беспроцентные кредиты “Внешэкономбанка” (ВЭБ), ставшего органом государства³⁹. Инструментарий дополняют открыто карательные меры, включая бойкот и эмбарго⁴⁰. Как заметил Джеймс Никси, эти методы изобретены не в европейских республиках бывшего Советского Союза, а в автократиях Центральной Азии⁴¹.

В местах, где к интересам России относятся дружелюбно, синергия политики и бизнеса может быть столь же непрозрачной и вызывающей беспокойство. Так, отношениями России с Венесуэлой движет геополитика, энергетика и торговля оружием, но ее выгодность оценить трудно. Огромные закупки Венесуэлой российского оружия (с 2005г., по оценкам “*Bloomberg*” — \$10 млрд.) могут финансироваться за счет совместных энергетических проектов, последний из которых, согласованный Президентом Уго Чавесом и Сечиным в сентябре 2012г., оценивают в \$38 млрд. Сделка касается строительства атомной электростанции и исследовательского реактора, что привлекло внимание США и МАГАТЭ.

Банки играют двоякую роль. ВЭБ, финансируемый непосредственно правительством, должен поддерживать развитие российской

³⁷ В одном задокументированном случае (приватизации украинского Николаевского глиноземного завода) было два формально самостоятельных российских претендента, которых фактически контролировала одна группа, и две как бы украинские компании. Одну из них контролировала та же российская группа, вторую — конкурирующая российская группа, зарегистрированная в Украине. См.: SWB 14 March 2000.

³⁸ Интервью с Послом США в Литве Смитом, *Lietuvos Rytas*, 4 апреля 2000г. (SWB, 25 April 2000).

³⁹ В 2009г. ВЭБ приобрел один из крупнейших украинских банков — “Проминвестбанк”, а также профинансировал покупку россиянами в 2010г. Индустриального союза Донбасса. См.: James Greene, *Russia's Responses to NATO and European Union Enlargement and Outreach*, Chatham House Briefing Paper, fn 29.

⁴⁰ Hedenskog and Larssen, цитируемая работа, pp.60-77

⁴¹ Nixey, J. 2012. *The Long Goodbye: Waning Russian Influence in the South Caucasus and Central Asia*, Russia and Eurasia Programme, REP RSP BP 2012/03. pp.8-11.

экономики, но, как отмечено выше, он также дает беспроцентные кредиты для захвата россиянами компаний в ближнем зарубежье. “*Standard & Poor’s*” классифицирует его как “связанную с правительством компанию, которой в случае финансовых трудностей почти наверняка будет оказана экстренная помощь правительства России”. “Группа ВТБ” (включающая “Внешторгбанк” и некогда муниципальный “Банк Москвы”) на 75% финансируется Федеральным агентством по управлению государственным имуществом. Она “стала изначально прибыльным предприятием, конкурирующим с банками частного сектора, но остающимся близким к правительству”⁴². Она также имеет весьма сильные международные позиции и начинает появляться на так называемом “заднем дворе” Америки.

Большинство представителей действительно независимого бизнес-сектора хотели бы полностью изменить правила, однако независимость в России означает уязвимость. Некоторые отрасли — достаточно малые, чтобы не попасть в поле зрения государства (например, производство пищевых продуктов) — хорошо освоились на зарубежных рынках. Так, в поисках лучшего климата на короткое время в Украину после Оранжевой революции иммигрировали ряд предприятий (хотя вскоре они были весьма разочарованы).

Остается добавить, что достаточно сильные могут “достичь частичной независимости”. Ведущие игроки в металлургии, частные, но тесно связанные с государством, уже научились играть по российским правилам — в России, и по международным — за рубежом. Дома экологическая ситуация на ГМК “Норильский Никель” ужасна; в то же время в Монтане и Западной Австралии компания придерживается местных стандартов. Приобретение им канадского “*LionOre Mining*” в 2007г. (что сделало его крупнейшим в мире производителем никеля) было чисто коммерческим решением, как и решение в 2010г. продать “*Stillwater Mining*” в Монтане. Компания “Русал” (крупнейший в мире производитель алюминия) инвестирует во многие районы, где присутствуют геополитические интересы российского государства (например, на Карибах), но оснований считать эти инвестиции некоммерческими пока мало. Дополнительная сложность заключается в том, что переплетение политики и бизнеса не всегда означает подчинение Кремлю. Тесные связи, подобные сформировавшимся между Владимиром Потаниным (председатель совета директоров “Интерросса” и крупнейший

⁴² S&P Research Reports, 9 November 2011 and 12 September 2012.

акционер “Норильского никеля”), Михаилом Прохоровым (бывший генеральный директор “Норильского никеля”, кандидат в Президенты на выборах 2012г.) и Александром Хлопониним (бывший генеральный директор “Норильского никеля”, сейчас — полномочный представитель Президента в Северо-Кавказском федеральном округе), создают “подушки безопасности” и союзников. Металлургия не раз оппонировала Кремлю и настаивала на стратегии усиления деловой активности.

Однако, и здесь много непрозрачного. В октябре 2012г., всего через семь месяцев после избрания главой совета директоров “Русала” председателя Гонконгской товарной биржи Барри Чьюнга⁴³, эстафетная палочка перешла к Маттиасу Варнигу, управляющему директору “Северного потока”, о котором писали, что он в прошлом служил в *Штази* и, возможно, имеет связи с Владимиром Путиным⁴⁴. Только в июне 2011г. Варнига избрали председателем совета директоров “Транснефти”, а через два месяца — членом совета директоров “Роснефти”. Что эти перестановки могут значить для Олега Дерипаски (президента и крупнейшего акционера “Русала”) и структуры власти, формирующейся после возвращения Путина на пост Президента, еще предстоит увидеть. Эти перестановки подтверждают мысль, которой с автором однажды поделился лишенный собственности олигарх: “Государственный и частный бизнес в России полностью разделены, но могут быть объединены за секунду”.

Энергетика

В течение последних 20 лет энергетическая политика России была катализатором процессов как в интеллектуальной, так и в политической сферах. Есть предчувствие, что свой вклад в нее внесут и геополитические исследования. Поэтому, прежде, чем переходить к обсуждению геополитических перепетий, необходимо рассмотреть предмет в более широком контексте. Хотя в первых же строках Энергетической стратегии России на период до 2020г. “мощный топливно-энергетический комплекс” страны назван ключевым фактором геополитического влияния, в документе он также рассматривается как инструмент внутренней политики⁴⁵. Примерно две трети

⁴³ По данным “*Bloomberg Businessweek*”, первое размещение акций “Русала” на гонконгской бирже в январе 2010г. резко критиковали за большие долги. — www.businessweek.com/ap/financialnews/D9E7RK500.htm.

⁴⁴ Roman Kupchinsky, ‘Nord Stream, Matthias Warnig (codename ‘Arthur’) and the Gazprom Lobby’, *EDM*, vol. 6, issue 114, 15 June 2009.

⁴⁵ Энергетическая стратегия России на период до 2020 года, с.1.

добываемого в России газа потребляется внутри страны по дотируемым ценам. Топливо-энергетический комплекс — это инструмент “сшивания” страны, страдающей от демографических и структурных перекосов, терзаемой опасениями распада и весьма озабоченной “мирным подъемом” Китая. Однако этот комплекс — не только *вертикаль*, но и ряд конкурирующих организаций, а также источник ренты для власти. Таким образом, он одновременно является и совокупностью организационных сетей, и инструментом влияния — и такая комбинация стала основой для структуры власти в России и ее социальной базы. Для власть имущих призывы отказаться от этой модели выглядят угрожающе. Кажется, что они подрывают ключевые государственные интересы, особенно если исходят от субъектов, заинтересованных (как, например, Еврокомиссия) в уменьшении зависимости от российского поставщика⁴⁶.

Сосредоточение внимания исключительно на геополитике таит в себе риск обобщенного рассмотрения секторов энергетики, имеющих собственные отличительные черты и динамику. О некоторых из них при обсуждении российской энергетической политики на Западе вспоминают редко. Так, деятельность Государственной корпорации “Росатом” — регулятора атомного комплекса (включая производство ядерного оружия) и организатора зарубежных ядерных контрактов России — лишь время от времени привлекала внимание ЕС и США. Между тем, преемники государственной электроэнергетической монополии РАО “ЕЭС” (ликвидированной в 2008г.) сохраняют доминирующее положение в Грузии и сильные позиции в ряде других соседних стран. Государственная железнодорожная монополия “РЖД”, третья по величине компания России после “Роснефти” и “Газпрома” — важный игрок в перевозках нефти и угля, а также потенциально важный политический игрок.

Еще более удивляет фактическое отсутствие разговоров об угле, который обеспечивает 30,3% мирового энергопотребления и является “самым динамичным источником энергии, кроме возобновляемых”⁴⁷. Россия владеет вторыми по величине запасами угля в мире, занимает пятое место по его добыче и третье — по объемам экспорта⁴⁸. Углю принадлежит важное место в энергетической безопасности России, не в последнюю очередь — как средства сокращения высокого

⁴⁶ Подробнее см.: James Sherr, ‘The Russia-EU Energy Relationship: Getting it Right’, *The International Spectator*, vol. 45, Rome, pp.56-59.

⁴⁷ *BP Statistical Review of World Energy*, June 2012 [далее — *BP Review*], p.5.

⁴⁸ Andrew Monaghan, *Stakhanov to the Rescue? Russian Coal and the Troubled Emergence of an Energy Strategy* (Advanced Research & Assessment Group, Shrivenham 07/34, November 2007, p.2, pp.6-11, 16-18.

внутреннего потребления газа. Но уголь не вызывает большой тревоги в Европе, благодаря приватизизации (если говорить в общем) угольной промышленности России, ее надежности как поставщика и конкурентному характеру этого сегмента рынка. В 2009г. 30% импорта угля ЕС поступало из России⁴⁹. Однако, эта схема меняется по мере нарастания объемов американского экспорта в ЕС и роста спроса на российский уголь внутри страны и в Азии⁵⁰. И если изменится схема экспорта США, то конкуренция за российский уголь может нанести ущерб европейским потребителям.

Было бы еще более ошибочно игнорировать влияние на энергетическую безопасность российской нефти⁵¹. Стратегические мотивы нефтяной политики России не менее важны, чем коммерческие⁵². Государство здесь — ключевой, хоть и не единственный игрок, а “Роснефть” после приобретения “ТНК-ВР” стала крупнейшей энергетической группой в мире⁵³. В то же время, нефтяные и газовые аспекты геополитики проявляются по-разному. В отличие от природного газа (который до формирования рынка СПГ транспортировался в основном по трубопроводам), нефть — товар альтернативный, а ее рынок — ликвиден. Само по себе это не лишает поставщиков влияния. В течение последних 10 лет Россия и ее государственная трубопроводная монополия “Транснефть” огромной ценой построили избыточные экспортные мощности. Новые трубопроводы — такие, как Балтийская трубопроводная система (БТС) и “БТС-2” — уменьшают зависимость от проблемных стран-транзитеров. Обходя балтийские порты и сокращая поставки по трубопроводу “Дружба”, Россия усиливает рычаги влияния на Украину, Беларусь и балтийские страны. Тот факт, что нефть является альтернативным товаром, еще не значит, что каждое зависимое от ее поставок государство легко может найти альтернативных поставщиков⁵⁴. Рыночные позиции России усилил также нефтепровод “Восточная Сибирь - Тихий океан”

⁴⁹ Energy Production and Imports, Eurostat, August 2012, http://epp.eurostat.ec.europa.eu/statistics_explained/index.php/Energy_production_and_imports.

⁵⁰ Планируется, что внутреннее потребление газа в России к 2020г. сократится с 68% до 50-57%, а угля — возрастет с 25% до 38-39%. — www.srk.co.uk/en/newsletter/russian-coal-industry.

⁵¹ К концу 2011г. Россия занимала второе место в мире по добыче нефти, но лишь седьмое — по ее запасам. — *BP Review*, p.6, 8, www.bp.com/statisticalreview.

⁵² Adnan Vatansever, *Russia's Oil Exports: Economic Rationale Versus Strategic Gains* (Carnegie Papers, No 116, December 2010), pp.16-18.

⁵³ По производству и подтвержденным запасам. — ‘Rosneft: Supermajor in the Making’, *Financial Times*, 2 April 2013.

⁵⁴ Для дальнейшего использования Литвой порта Бутинге после того, как Россия в 2006г. отрезала литовскую секцию трубопровода “Дружба”, нужны значительные новые инвестиции. Латвия остается на 98% зависимой от импорта российской нефти. — www.eia.gov/countries.

(ВСТО), дающий возможность перенаправлять нефть из Европы в Азию и распределять ее потоки между азиатскими покупателями. Более того, участие России в таких международных трубопроводных проектах, как “Самсун — Джейхан” и “Бургас — Александруполис”, используется в обмен на участие третьих сторон в таких газовых проектах, как “Южный поток”. Наконец, было озвучено намерение заменить стандарт *Brent* в механизме ценообразования сырой нефти стандартом *Urals*⁵⁵. Эти проекты свидетельствуют, что энергетическая безопасность — нечто большее, чем предотвращение нарушения поставок.

Несмотря на эти реалии, именно российский газ более всего привлекает внимание в Европе. Это обусловлено четырьмя причинами. Во-первых, до тех пор, пока потребитель получает газ по трубам, он непосредственно привязан к поставщику. Альтернативы требуют альтернативной инфраструктуры. (Даже для СПГ нужно строить СПГ-терминалы). Во-вторых, до подъема “Роснефти” и усиления роли “Транснефти” газ был энергоресурсом, теснее всего связанным с российским государством. В отличие от “Роснефти”, “Газпром” — не только главный производитель газа, он получил исключительное право владеть и эксплуатировать газопроводы в России и является совместным оператором ряда трубопроводов за рубежом. В-третьих, несмотря на недавние изменения на рынке, сохраняются серьезные сомнения в способности “Газпрома” удовлетворить потребительский спрос в России и за рубежом. По данным МЭА, России придется к 2035г. заменить 80% нынешнего производства газа, что потребует примерно \$730 млрд.⁵⁶ Наконец, газовые кризисы 2005-2006гг. и 2008-2009гг. показали уязвимость Европы (но, видимо, недостаточно для устранения узких мест в строительстве трубопроводных перемычек).

Общим для всей российской энергетики является дороговизна производства. Нефтяные и газовые месторождения изнашиваются, стоимость разработки новых месторождений очень высока. Географические условия часто неблагоприятны. Новые месторождения газа расположены в сложных климатических зонах, нефти и угля — редко соседствуют с объектами инфраструктуры, поэтому энергоносители приходится транспортировать на большие расстояния. Существующая инфраструктура в значительной степени устарела,

⁵⁵ ‘Russia Sets European Oil Export, Benchmark Grand Plan’, Platts, 18 May 2012, www.platts.com/RSSFeedDetailedNews/RSSFeed/Oil/8304540.

⁵⁶ IEA, *World Energy Outlook 2011*, (Paris: International Energy Agency, 2011), p.310.

а стоимость новых трубопроводов (таких, как ВСТО) продолжает расти. Хотя *Энергетическая стратегия России на период до 2020г.* предполагает увеличение доли угля в электрогенерации, но имеющиеся угольные электростанции крайне неэффективны. РАО “ЕЭС” (до его ликвидации в 2008г.) оценивало потребность в инвестициях в \$10 млрд. в год в течение 15 лет⁵⁷. Все эти факторы делают энергетику опасно зависимой от высоких цен на нефть, долгосрочных контрактов с фиксированными ценами и сохранения привязки цен на газ к нефти. Таким образом, сохранение этих условий является важной задачей внешней политики. Для страны, получающей более 70% экспортных поступлений (и 50% доходов госбюджета) от углеводородов, ставки в сохранении этих правил высоки.

Стремление к контролю обостряет дефекты системы. Как показал Владимир Милов, концентрация собственности и усиление государства, начиная с 1990-х годов, привели к вытеснению с российского нефтяного и газового рынков независимых игроков, выхолащиванию стимулов конкуренции, стагнации производства, стремлению получать ренту и субсидированию неэффективности⁵⁸. Кроме субсидирования потребления населением, такая неэффективность, по словам Владислава Иноземцева, обрекает Россию потреблять столько газа, сколько Британия, Италия, Япония и Индия, вместе взятые⁵⁹. В то же время, по мнению главы “Газпрома” Алексея Миллера, регулирование режимов добычи, транспортировки, подземного хранения и продаж из единого центра является несомненным преимуществом для экономики и государства⁶⁰. Вместо реформирования такой модели, политика “Газпрома” обременена распространением ее “вниз по потоку” (т.е. за рубеж) через совместное владение компаниями, трубопроводами и хранилищами. То, что “Газпром” называет контролем над “цепочкой создания стоимости”, — есть синонимом контроля над всем рынком. Для главы “Роснефти” Игоря Сечина и его давнего соратника и патрона Владимира Путина, государство — это решение, а не проблема, и стабильная система государственного управления должна привлекать, а не отталкивать иностранные

⁵⁷ Monaghan, *Stakhanov to the Rescue?*, p.9.

⁵⁸ Vladimir Milov, ‘The Power of Oil and Energy Insecurity’ (Moscow: Institute of Energy Policy, January 2006), pp.1, 6-10.

⁵⁹ Vladislav Inozemtsev, ‘The Resource Curse and Russia’s Economic Crisis’, Chatham House, 10 March 2009.

⁶⁰ Расшифровка выступления председателя правления ОАО “Газпром” Алексея Миллера на встрече с послами стран Европейского Союза в резиденции Посла Австрии, 18 апреля 2006г., Москва (с.1).

инвестиции⁶¹. В то же время негативная реакция инвесторов на арест Михаила Ходорковского, ликвидацию “Юкоса” (выгодную прежде всего “Роснефти”) и продажу его активов не помешала руководству ужесточить в 2008г. правила размещения иностранных инвестиций, произвольно применять эти правила и корректировать контракты по своему усмотрению⁶². При этом, появление связки “ВР-Роснефть” многим дает основание сказать: “Одно дело — тогда, другое — сейчас”. На самом деле, контракты на поиск нефти и газа в той части Северного ледовитого океана, права на которую принадлежат “Роснефти”, уже подписали “Exxon”, “Statoil” и “ENI”.

Геополитическая ситуация так же сложна, как и энергетический ландшафт. Россия не могла оставаться равнодушной к распаду единых энерготранспортных систем СССР и переходу соответствующих рычагов влияния к соседям, чье понимание независимости (не говоря уже о “справедливых ценах”) продолжает вызывать возражения Москвы. В таких спорах разделить политические и экономические факторы трудно, а вина редко бывает очевидной. Однако, когда принуждение, явное или скрытое, является не исключительной мерой, а *modus operandi* — это закономерно вызывает опасения. Тем большая озабоченность возникает, когда энергетику используют в качестве инструмента давления в спорах по преимущественно политическим вопросам, включая внутренние дела других стран. Озабоченность, естественно, возрастает, когда эти меры затрагивают потребителей, не участвующих в споре. Поскольку эти реалии все больше сказываются на ЕС, мышление там меняется соответствующим образом. Ряд соседей России, некогда входивших в энергосистемы бывшего СССР и СЭВ, превратились в уязвимых участников слабого и несформированного внутреннего энергорынка ЕС.

Реакция России на любую схему энергетической безопасности, несовместимую с ее собственной, — решительная обструкция. В странах Балтии она использует как политические и экономические методы, так и секретные операции для срыва любых попыток уменьшить все еще почти полную зависимость от российской нефти и газа. В Беларуси она вела и выиграла долгую войну на истощение с целью выведения из-под национального контроля газотранспортной системы, НПЗ, хранилищ и значительной части распределительных

⁶¹ Thane Gustafson, ‘Putin’s Petroleum Problem’, *Foreign Affairs*, November/December 2012, pp.92-3.

⁶² C. Locatelli and S. Rossiaud, ‘Russia’s Gas and Oil Policy: The Emerging Organisational and Institutional Framework for Regulating Access to Hydrocarbon Resources’, *International Association for Energy Economics*, First Quarter 2011, pp.23-26.

сетей. Подобная война ведется и в Украине. В Евразии Россия пытается заблокировать любой новый транспортный проект, в котором она не участвует. Проект трубопровода “Южный поток” — это способ не только обойти Украину, но и сорвать проекты ЕС по созданию Южного коридора, независимо от того, реализованы они уже или нет⁶³. Ряд других проектов тоже как будто задуманы в основном для срыва чужих инициатив⁶⁴. Любые попытки обуздать российскую монополию и уменьшить зависимость от нее воспринимаются эмоционально и трактуются как средство “изоляции” России и ее вытеснения с мировых рынков.

Ряд особенностей энергетической политики России заслуживают отдельного внимания:

- *Прекращение поставок (или угроз сделать это) и использование цен как инструмента политики.* Иногда связь спорна (например, угроза прекратить поставки газа в Молдову по время переговоров по Приднестровью, якобы из-за неплатежей, в 1998г.)⁶⁵. Иногда — очевидна (как в случае прекращения поставок нефти и угля в Эстонию в ответ на кризис с “бронзовым солдатом” в 2007г.)⁶⁶. В 1999-2000гг. (сразу после того, как Путин фактически получил власть) Россия искусственно затягивала спор с Украиной о “краже газа”, пока Кучма не согласился на не связанные с этим политические уступки. Когда Кучму сменил Виктор Ющенко, Россия внезапно перешла от дотационно-лояльной модели ценообразования к схеме угроз и давления. Так же внезапно она вернулась к прежней модели после победы Януковича на выборах в 2010г., но снова переключилась на угрозы и давление, когда политические отношения ухудшились⁶⁷. Шведское исследование 2007г. показало, что 36 из 55 крупных “инцидентов” в энергетике с 1991г. имели полностью или частично политическую подоплеку⁶⁸.

⁶³ Газопровод “Северный поток” и нефтепровод “Балтийская трубопроводная система” (БТС-1 и БТС-2) тоже спроектированы так, чтобы обойти белорусские, латвийские и литовские маршруты транзита.

⁶⁴ Последний из них, строительство Балтийской АЭС в Калининградской области, видимо, призван вытеснить с рынка литовскую АЭС Висагинас. Как и “Южный поток”, Балтийская АЭС может никогда не быть построена. — Agnia Grigas, *Legacies, Coercion and Soft Power*, p.15.

⁶⁵ Jakob Hedenskog and Robert L Larsson, *Russian Leverage on the CIS and Baltic States* (Stockholm: Swedish Defence Research Agency (FOI), 2007), p.47.

⁶⁶ Wagstyl, S. and Parker, G. 2007, ‘Russia rail move to hit Estonian supply line’, *The Financial Times*, 3 May.

⁶⁷ Об этих двух моделях см. James Sherr, Shrivenham, pp.21-3, о Януковиче — *The Mortgaging of Ukraine’s Independence*, Chatham House Briefing Paper REP BP 2010/01, August 2010, pp.6-10.

⁶⁸ Hedenskog and Larssen, *цитируемая работа*, pp.46-9.

- *Готовность пожертвовать краткосрочными коммерческими соображениями ради долгосрочных геэкономических или геополитических выгод.* Предполагается, что перекрыв поставки газа в Европу во время спора с Украиной в январе 2009г. “Газпром” потерял \$1 млрд. Прекращение поставок нефти в Эстонию остановило 25% экспорта российских нефтепродуктов в Европу⁶⁹. Несмотря на огромную стоимость, ценность “Южного потока” объясняется скорее “страховкой от будущих торгов с Украиной, [чем] гарантией надежности транзита и/или необходимостью проекта, обусловленной спросом”⁷⁰.
- *Стремление использовать непрозрачные и нетрадиционные методы ведения бизнеса.* “Шредеризация” стала универсальным термином для обозначения личных договоренностей Москвы с иностранными политическими лидерами без соблюдения надлежащих процедур и необходимой публичности. Отражая важность этих факторов, один из ведущих российских политологов поместил Сильвио Берлускони в “первый круг” путинской элиты⁷¹. Тех, кто связан с разведкой, направляют работать в сферах, где можно утаить деньги и влияние, где связи с регуляторами значат больше, чем соблюдение правил, и где (как в большинстве посткоммунистических стран) почти каждому старше определенного возраста есть что скрывать — некий компромат, который Россия может предать гласности. Подставные компании выполняют задачи, подобные торговым домам ЧК в 1920-х, скрывая финансовые потоки, структуру собственности, принадлежность и цели компаний, предлагающих продукты и услуги на зарубежных энергорынках. В своем глубоком исследовании *Gazprom's European Web* покойный Роман Купчинский предупреждал, что “недостаток прозрачности, практика сокрытия имен бенефициариев, использование офшорных подставных компаний и тайный характер контрактов “Газпрома” с клиентами не сулят ничего хорошего для ЕС”⁷².

Этот анализ показывает, что энергетические отношения России строятся на партнерстве мировоззрений и партнерстве интересов.

⁶⁹ John Lough, *Russia's Energy Diplomacy*, Chatham House Briefing Paper REP RSP BP 2011/01, p.9.

⁷⁰ Chi-Kong Chyong, ‘Economics of the South Stream Pipeline in the Context of Russian-Ukrainian Gas Bargaining’, www.usaee.org/usaee2011/best/chyong.pdf.

⁷¹ Липман М., Петров Н. Россия-2010: Сценарии развития, Московский Центр Карнеги, Рабочие материалы, №1, 2012г., с.30. — http://carnegieendowment.org/files/WP1-2012_2020_Rus.pdf.

⁷² Roman Kupchinsky, *Gazprom's European Web* (Jamestown Foundation, February 2009), p.2. Более свежие примеры см. в John Lough, *Russia's Energy Diplomacy*, pp.13-14.

Не всё богатство Европы создано конкуренцией, прозрачностью и “лучшими практиками”. То, что Купчинский называет европейской паутиной “Газпрома”, не базируется на этих принципах. В основном это сеть обычных компаний и клиентов. Но это еще и сеть сообщников, сохранивших в посткоммунистической Европе тайные рычаги закулисного влияния, которые без поддержки России уже могли бы исчезнуть.

До двух российско-украинских газовых кризисов и финансового кризиса 2008г. многие европейские потребители “Газпрома” готовы были мириться с действующими практикой и ограничениями в рамках долгосрочных контрактов как платой за стабильность. Но, как заметил Джон Лаф, падение цен на нефть со \$147 до \$45 за баррель с июля по декабрь 2008г., появление нетрадиционного газа, не зависящего от трубопроводов, приход новых поставщиков и дальнейшее введение мер энергосбережения в контексте продолжающейся рецессии меняют эти расчеты в пользу потребителей.

Кризис быстро снизил капитализацию российской энергетики. В мае 2008г. стоимость “Газпрома” составляла \$365 млрд.; в декабре 2012г., после двух лет оздоровления, она была равна \$120 млрд. В 2003-2010гг. доля России в импорте газа ЕС упала с 45,1% до 31,8%, а Катара — выросла с 1% до 8,6%. Между 2010 и 2011гг. потребление природного газа в ЕС сократилось на 10,5%⁷³. Импорт второго крупнейшего покупателя России, Украины, упал с 45 млрд. м³ в 2011г. до 33 млрд. м³ в 2012г.⁷⁴ Революция в сфере добычи нетрадиционного газа в США и Канаде существенно повлияла на энергорынки ЕС и может влиять и в дальнейшем, независимо от разработки сланцевого газа в ЕС. Быстрое снижение цен на газ в США (сейчас — четверть привязанной к нефти российской экспортной цены на газ) привело к существенному росту импорта угля в Европу (на 49% в первом квартале 2012г.). Еще слишком рано говорить, продолжится ли эта тенденция, или растущий спрос на газ в Азии ограничит привлекательность европейского рынка и вернет России рычаги влияния. Тем не менее, к 2011г. несколько контрактов “Газпрома” утратили силу, и даже традиционные партнеры, такие, как “E.ON”, воспользовались правилами ЕС, чтобы добиться их пересмотра⁷⁵.

⁷³ Eurostat, ‘Energy Production and Imports’ (August 2012); ‘Natural Gas Consumption Statistics’ (May 2012)

⁷⁴ Vladimir Socor, ‘Implications of Ukraine’s Gas Imports from Europe’, EDM, v 10, issue 60, 1 April 2013.

⁷⁵ Alan Riley, ‘Commission v. Gazprom: The Antitrust Clash of the Decade?’, CEPS, No 285, 31 October. <http://www.ceps.eu>, p.4ff.

Эти правила умножили тревоги России. Третий энергопакет ЕС, вступивший в силу в 2011г., — наиболее серьезная, подкреплённая весьма эффективной системой правоприменения попытка применить правила рынка ЕС к внешним поставщикам энергоресурсов. 4 сентября 2012г. ЕС открыл антимонопольное производство против “Газпрома” в отношении трех его обычных практик: “положения о пункте назначения” (что ограничивает перемещение товаров), отказа в доступе третьих сторон к транспортным сетям и несправедливого (с привязкой к нефти) ценообразования⁷⁶.

В следующей главе рассматривается реакция Россия на эти реалии — в то время как сам ЕС охвачен кризисом.

Гуманитарный аспект

По представлению России, мягкая сила и культурно-гуманитарное измерение политики синонимичны⁷⁷. Как будет продемонстрировано в Главе 5, с этим соглашаются не все познавшие на себе этот “естественный приоритет” российской политики. Как и в концепции мягкой силы Ная, гуманитарный аспект в России принимает институционную и риторическую формы. Но в отличие от теории Ная, ключевую роль в ее организации играет российское государство. Несмотря на концентрацию в “ближнем зарубежье”, эти усилия никоим образом не ограничиваются им. “Россия везде, где есть русские”. С этим посылом связан и другой: раз Россия — “уникальная цивилизация”, то цивилизация в целом без нее ущербна⁷⁸.

Русский мир

Фонд “Русский мир” — совместный проект МИД и Министерства образования во главе с Вячеславом Никоновым — был учрежден указом Президента Путина в 2007г. Его основополагающий принцип заключается в том, что необходимы серьезные шаги для сохранения и популяризации русского языка и культуры в современном мире⁷⁹.

⁷⁶ Там же, р.9.

⁷⁷ Например, Владимир Фролов: “Впервые, похоже, правильно выбран и главный инструментарий, с помощью которого Россия будет воздействовать на процессы в соседних государствах — культурное, гуманитарное сотрудничество”. См.: Новое управление: Принципы мягкой силы. Как России работать в СНГ. — Ведомости, 8 апреля 2005г.; ЦентрАзия, 14 апреля 2005г., <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1113458160>

⁷⁸ Путин В. Россия: национальный вопрос. — Независимая газета, 23 января 2012г., http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html.

⁷⁹ Официальный портал Фонда “Русский мир”: www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/fund/about.

Но его деятельность так же безгранична, как и сам “русский мир”. Как поясняет Путин, “понятие “русский мир” испокон веков выходило далеко за географические границы России и даже далеко за границы русского этноса”⁸⁰. Федеральный закон о соотечественниках определяет этот термин расширительно, что позволяет России заявлять претензии буквально на любой народ, в прошлом связанный с Россией или бывшим СССР⁸¹. Так, объединяя русское и украинское этнические меньшинства в сепаратистском регионе Молдовы Приднестровье, Москва заявляет, что на этой территории живет русское большинство. Тот факт, что 8 млн. из примерно 48 млн. граждан Украины называют себя этническими русскими, а 31 млн. считают родным языком украинский, не мешает Москве называть украинцев и русских “родственным” и даже “единым” народом, “объединенным общим языком”⁸². Видимо, столь же “обосновано” и утверждение “Русского мира”, что русские составляют крупнейшую в мире диаспору⁸³.

Деятельность “Русского мира” дополняется рядом других организаций. Среди них — “Институт демократии и сотрудничества”, созданный в 2007г. и имеющий статус НПО. Его деятельность по улучшению имиджа России — в большей степени политическая и государственническая, чем у “Русского мира”. Но многие сферы его интересов — “связь между государственным суверенитетом и правами человека”, “исследования миграции”, “экстремизм и ксенофобия” — входят в гуманитарный аспект, как и одна из его главных целей: “информировать российских граждан” в Европе и США о политике и культуре⁸⁴. Критические доклады Института о правах человека в демократических странах Запада заставляют думать, что формирование имиджа России в значительной степени нацелено на собственно русский народ.

⁸⁰ Выступление В.В.Путина на открытии Конгресса соотечественников, 11 октября 2001г.; Gatis Pelnens (ed.), *The ‘Humanitarian Dimension’ of Russian Foreign Policy Toward Georgia, Moldova, Ukraine and the Baltic States*, p.47.

⁸¹ Там же. с.20.

⁸² Обе цифры приведены по данным переписи населения Украины 2001г. См.: Alexander Bogomolov and Oleksandr Lytvynenko, *A Ghost in the Mirror: Russian Soft Power in Ukraine* Chatham House Briefing Paper REP RSP BP 2012/01, January 2012, p.10.

⁸³ Все цитаты “Русского мира” см.: www.russkiymir.ru. Сайт цитирует Обращение Путина к Федеральному собранию в 2007г.: “Русский язык ... является не просто хранителем целого пласта поистине мировых достижений, но и живым пространством многомиллионного “русского мира”“. Интернет-сайт “Русский архипелаг” утверждает, что в мире 300 млн. русскоговорящих.

⁸⁴ Институт демократии и сотрудничества, www.indemco.org, www.idc-europe.org

Теснее занимается гуманитарным аспектом президентская Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории, созданная в 2009г. и включающая, в частности, 28 сотрудников Администрации Президента, ФСБ, СВР и МИДа. По каким стандартам определяют “фальсификацию”? Советское переписывание истории было столь одиозным, что СССР приобрел репутацию единственной в мире страны с непредсказуемым прошлым. Но похоже, что Медведев назвал “жесткими, злыми, агрессивными” не эти фальсификации истории, а их постсоветское “переписывание”⁸⁵. Только после смоленской авиакатастрофы в апреле 2010г. Москва и Польша создали совместную ученую комиссию для изучения сложных моментов спорного прошлого. Ответом на инициативы Украины и стран Балтии по переоценке истории служат не научные дискуссии, а обличительные речи и давление⁸⁶.

Русская православная церковь

Патриарх Московский Кирилл I занял центральное место в проекте Русского мира. Он также стал политическим деятелем — не без благословения политических лидеров, которым он служит. В 2012г. “Независимая газета” поместила его шестым в своем рейтинге 100 ведущих политиков⁸⁷. Религия снова стала важным фактором солидарности в России, где две трети населения сейчас называют себя верующими Русской православной церкви, по сравнению с менее чем половиной в середине 1990-х. Кирилл, Путин и Медведев хотели бы сделать религию важным рычагом и за рубежом. По мнению Томаса де Ваала, “Московский Патриарх — вероятно, самый эффективный инструмент мягкой силы России в “ближнем зарубежье”⁸⁸. Как считают Александр Богомолов и Александр Литвиненко, Кирилл совместно со своими светскими сотрудниками хотел бы превратить Русский мир в “современный аналог Священной Римской Империи”⁸⁹. Иногда роль Кирилла сугубо духовна, иногда — нет. В 2009г. он заявлял:

⁸⁵ См.: РФ создает комиссию по противодействию попыткам фальсификации истории. — РИА-Новости, <http://ria.ru/society/20090519/171517015.html>. (Комиссия расформирована 14 февраля 2012г. — *ред.*)

⁸⁶ Malksoo, M. 2009. ‘Liminality and Contested Europeaness: Conflicting Memory Politics in the Baltic States’, in *Identity and Foreign Policy: Baltic-Russian Relations and European Integration*, ed. by Berg. E. and Ehin, P. pp.65-83. Farnham: Ashgate. Kuzio, T. 2002, History, memory and nation-building in the post-Soviet colonial space’, *Nationality Papers*, 30(2), pp.241-264.

⁸⁷ Сто ведущих политиков России в январе 2012 года. — Независимая газета, 1 февраля 2012г., http://www.ng.ru/ideas/2012-02-01/5_top100.html

⁸⁸ Thomas de Waal, ‘Spring for the Patriarchs’, *The National Interest*, 27 January 2011.

⁸⁹ Bogomolov, A. and Lytvynenko, O. 2012. *A Ghost in the Mirror*, p.12.

В одиночку даже самые крупные страны Русского мира не смогут отстоять свои духовные, культурные, цивилизационные интересы в глобализирующемся мире. Верю, что только сплоченный Русский мир может стать сильным субъектом глобальной международной политики, сильнее всяких политических альянсов⁹⁰.

Иногда роль Кирилла примирительна, иногда — нет. С Патриархом Грузии Илией II он подчеркнуто сердечен и в целом удержал церковь в стороне от разногласий вокруг Абхазии и Южной Осетии. Но в Украине, где действуют три православные церкви, он ведет неустанную борьбу за разгром Киевского патриархата и возвращение украинской ветви Московского патриархата “в русло” [Русской православной церкви].

Объединяя веру, “преданность русской культуре” и российскому государству, идеологи Русского мира надеются укрепить авторитет государства среди соотечественников и влияние русских соотечественников в странах пребывания. Это могут быть прочные связи, но как мы увидим в следующей главе, они могут быть и хрупкими.

Высокая культура, массовая культура и средства массовой информации

Русская высокая культура равноценна любой другой высокой культуре в мире. Она же — рафинированный актив мягкой силы России. Поддержка культуры государством принесла ощутимые дивиденды за рубежом. Но полученное в результате этого политическое влияние — спорно. Что не вызывает сомнений, так это неспособность многих соседей России продвигать свой, более скромный “культурный потенциал”. Посредством театра, выставок, литературы и кино Россия шлет послание о том, что “изоляция России от Запада вредит Западу”⁹¹. Доминирование российского искусства в бывшем СССР шлет послание аудитории о культурном и политическом господстве [России].

В России, как и везде, кино стало мостом между высокой и массовой культурой. Массовые продукты российской киноиндустрии так же лишены культурной ценности, как и произведенные за рубежом. Но “лучшие из лучших” производят неизгладимое впечатление. Они передают столько образов России, сколько существует характеров,

⁹⁰ Выступление на торжественном открытии Третьей ассамблеи Русского мира, 3 ноября 2009г., <http://www.patriarchia.ru/db/text/928446.html>.

⁹¹ Ключевая тема роскошно иллюстрированного журнала *Russians*, который появился (и исчез) в начале этого столетия.

и часто несут неприукрашенные образы несовершенного мира, одновременно представляя культуру нерушимой силы и целостности.

Продукты российского кино попадают на телевидение — которое, вместе с собственно русским языком, является, возможно, самой мощной формой мягкой силы России в русскоязычных регионах новых независимых государств. Кроме обязательной квоты безвкусных развлечений, знакомых любой западной аудитории, в коктейль густо подмешаны ностальгические фильмы об идеализированном или выдуманном прошлом, драмы о полиции и спецслужбах и документальные фильмы о находящемся под угрозой, но нерушимом наследии русской культуры. Теленовости — серьезные, политизированы, конкретны, информативны и предвзяты. Богомолов и Литвиненко абсолютно правы, называя это информационное пространство “герметичным, виртуальным миром ... который фактически блокирует коммуникацию с обществом в ряде важных областей политики”⁹². Вопрос, который исследуется в следующей главе — как долго его можно изолировать от альтернатив.

В этой главе было показано, что активы и средства влияния России значительны и что нынешние власти научились использовать их с практической выгодой. Но затем приходит момент, когда практика становится привычкой, а привычка мешает адаптации. Пора задать вопрос, не настал ли этот момент.

⁹² Bogomolov, A. and Lytvynenko, O. 2012. *A Ghost in the Mirror*, p.9.

5. Возможности приобретенные и утраченные

“Россия никогда не начнет войну, но будет бороться за мир до тех пор, пока камня на камне не останется”¹.

Поведение государства определяет его позицию в мире так же, как и его ресурсы или система ценностей, о которых оно заявляет. Это касается и России. Сегодня Россия называет свое поведение “прагматичным”. В отличие от Советского Союза, она не стремится к “социальному переустройству мира”. В отличие от Соединенных Штатов — не претендует на особую ответственность за его совершенствование. Как сказал Дмитрий Тренин: “России не хватает экзистенциальной идеи”². Но она хочет “переформатировать” отношения с Европой и США, а ее недовольство нынешним форматом всплывает в любом споре или совместном предприятии.

Уже поэтому взгляд России на прагматизм тревожит. Этот термин обычно означает готовность работать в рамках международной системы в согласии с другими. Но в России он стал синонимом “жесткого продвижения национальных интересов”, не допускающего отхода от них ради компромисса или учета потребностей других сторон. В 2000-х годах этот прагматизм использовался для пересмотра политики, а сейчас — все больше — для удержания ускользающих активов, клиентов и привилегий. Как и 10 лет назад, Россия выступает против новой Холодной войны и в то же время — против сменившего ее порядка. Она предостерегает, что Запад создает “новые разделительные линии”, и в то же время требует права доминировать там, где ранее имела полный контроль. А поскольку ее претензия на “сферу привилегированных интересов” может не иметь под собой “экзистенциальной идеи”, то ее продвигают экзистенциальным убеждением и силой.

¹ Старая русская шутка о мирном сосуществовании, цит. по: David Levy, ‘Averting Armageddon’, *Journal of Conflict Studies*, Vol. 2, No. 1, 1981, p. 26.

² Presentation at experts meeting on European Neighbourhood Policy, European Commission, 23 September 2010.

Не особо заботясь о других, Россия требует права участия и права оставаться в стороне. Она добивается “равенства” и права голоса в форумах, чьих ценностей она не разделяет, и чьи интересы не совпадают с ее собственными. Граучо Маркс остроумно заметил, что никогда не хотел бы быть членом клуба, желающего иметь его в своих рядах. Но Россия, как утверждает Стивен Бланк, стремится стать членом любого клуба, которому она не нужна³. Она также хочет распространить формулу Совета безопасности ООН на любой международный форум, где могут быть затронуты ее интересы. По ряду проблемных вопросов — Иран, Сирия, противоракетная оборона — она как бы говорит: вы ничего не добьетесь без России, и с ней не добьетесь тоже. Прав ли Томас Гомар в своем выводе, что Россия “ценит свободу действий, но не пользуется ею”?⁴ Как политика России достигает этой цели, или (если Гомар ошибается) других целей?

Этот вопрос можно рассмотреть на трех уровнях деятельности, привычных для российских военных теоретиков: стратегическом, оперативном и тактическом. Если стратегия определяет планы, средства и “направления” (приоритеты) достижения конечных целей, то “оперативное искусство” сочетает “оружие” (ресурсы) и методы достижения промежуточных целей стратегического значения. Тактика — это четкое и умелое применение сил (возможностей) и “навыки” (приемы и методы), используемые для достижения целей ограниченной важности; но она также может означать первоочередные инструменты и методы, используемые для достижения целей любого масштаба⁵. Если показать эти уровни на примере данного исследования, то трубопроводы Северного и Южного потоков — это проекты оперативного уровня, преследующие стратегическую цель укрепления позиций России на европейских энергорынках. Шаги в этом направлении (склонение к сотрудничеству Турции, преодоление сопротивления скандинавов, вовлечение Болгарии, Греции и Румынии) относятся к сфере тактики. То же касается использованных методов: совместные предприятия, разведка, операции по оказанию влияния, взятки, лоббирование, дезинформация и угрозы.

³ Stephen Blank, ‘Russia and Latin America: Motives and Consequences’, Challenges to Security in the Hemisphere Task Force paper, University of Miami, 13 April 2010, https://umshare.miami.edu/web/wda/hemisphericpolicy/Blank_miamirusia_04-13-10.pdf, p.5.

⁴ Gomart, Thomas. 2006. ‘Politique étrangère russe: l’étrange inconstance’. *Politique étrangère* 2006/1: 25-36.

⁵ Полный анализ этих военных концептов см.: Christopher Donnelly, *Red Banner: The Soviet Military System in Peace and War* (London: Jane’s, 1988), pp.218-223.

Во внешней политике ни одно государство, даже сталинское, не соблюдало этих различий с военной четкостью. Но это не исключает важности приведенной структурной схемы как инструмента анализа. Государствам, не способным согласовать цели и средства или позволяющим сиюминутным (тактическим) целям заслонить более широкие (оперативные и стратегические) интересы, не хватает стратегического мышления или целеустремленности. То же касается государств, не способных заручиться поддержкой опеределенных “сил” — людей и организаций внутри страны и за рубежом, — чье сотрудничество необходимо. Нельзя утверждать, что в этом отношении плюралистические по своей природе демократии менее дееспособны, чем политические системы, организованные по командному принципу. Как напоминает в своем анализе мягкой силы Най, для мобилизации людей приказной тон может быть менее эффективным, чем убеждение или уговоры. Критикуя путинскую систему, Леон Арон заметил, что сдержки, противовесы и “амортизаторы” плюралистических государств ограничивают не только власть, но и ошибки — хотя, как мы знаем из войн в Ираке и Афганистане, зоны глухоты можно найти и в либеральных демократиях⁶. Эти примеры — не говоря уже о войнах в Чечне, Грузии и Косово — напоминают нам также о том, что связь между войной и политикой остается важной и после Холодной войны. Потребность в стратегическом подходе сохраняется при оценке невоенных инструментов политики, таких, как энергетика, инвестиции, “поддержка соотечественников” или традиционная дипломатия. Не ослабевает она и если политическими целями являются сотрудничество, партнерство, внутренняя модернизация или прибыль. Есть ли у России стратегический подход или, иначе говоря, стратегия?

Стратегический игрок?

Без дееспособной власти и определения цели стратегия невозможна. Стратегический аудит должен начинаться с выявления того и другого. Первая задача не всегда реальна. Милитаристские и несостоявшиеся государства не подлежат стратегическому аудиту. Россия подлежит. В конце Главы 1 приведено определение “России” для данного исследования: это люди, которым принадлежит власть в России или которые принимают решения. Большую

⁶ Leon Aron, ‘The Vagaries of the Presidential Succession’, *Russian Outlook*, AEI Online, 1 May 2007.

часть исследуемого периода власть была синонимом государства. Но были времена, когда это тождество нарушалось — особенно в годы борьбы Бориса Ельцина и Михаила Горбачева за власть и распада советской державы⁷. В 1990-х государственная власть была слабой и несовершенной. Государство находилось в противоречии с самим собой и было вынуждено делиться властью с “теневыми структурами”, ряд которых имели транснациональные интересы и влияние. Иногда Российская Федерация вела себя за рубежом как унитарный рациональный игрок, иногда — нет. Именно Путин выполнил обещание Ельцина “восстановить российскую государственность”. Через 12 лет после его прихода к власти *вертикаль*, возможно, поражается коррозией изнутри, но во внешней политике Россия остается дееспособным и очень целеустремленным государством, хотя, возможно, менее унитарным, чем другие (например, Китай), и эта целеустремленность является стратегическим активом. Она также, по терминологии Мориса Пиртона, — “компетентное государство”, осознающее свои возможности и их потенциал⁸. Сегодня Россию можно назвать стратегическим игроком.

Но есть ли у нее стратегическая цель? Мы уже определили цели стратегического характера (“равенство” в Европе, доминирование на постсоветском пространстве), но пока не выявили конечной цели, составляющими которой они являются. Не каждая страна имеет такую цель или осознает потребность в ней. Но Россия (по словам Троцкого) “не такая страна, как любая другая”. Это страна (по словам Козырева), “обречена быть великой державой” из-за “культурного кода”, который (по словам Путина) “уникален” и “подвергается серьезным испытаниям”.

Уместно вспомнить, что США — главная “другая” по отношению к России страна — провозглашает конечной целью поддержание международного порядка, дружественного ценностям либеральной демократии⁹. Оправданием и стимулом для тех, кто верит, что эти принципы применимы везде, служат План Маршалла,

⁷ ГКЧП — Государственный комитет по чрезвычайному положению.

⁸ Pearton, Maurice. 1982. *The knowledgeable state: diplomacy, war and technology since 1830*. Burnett Books: London.

⁹ “Продвижение свободы на благо американского народа и международного сообщества путём содействия выстраиванию и укреплению более демократического, безопасного и процветающего мира, состоящего из надлежащим образом управляемых государств, которые реагируют на потребности населения, сокращают распространившуюся бедность и ответственно действуют в рамках международной системы”. См.: US Department of State Mission Statement, November 2012 www.state.gov/s/d/rm/index.htm#mission.

расцвет демократии в Германии и Японии — после Второй мировой и в Центральной Европе — после Холодной войны. Но эта цель не всегда находила поддержку внутри США. Трения между идеализируемым международным порядком и далеко не идеальным миром, между нормой и силой, между желаниями и потребностями породили не только либеральный интернационализм, но и американский “реализм”. Эти трения определили также практические границы интернационализма и реализма, и они же стали основой общих позиций между этими, казалось бы, полярными мышлениями. Многие американские либералы согласятся, что не всякую благородную войну следует вести (Сирия). Большинство американских реалистов согласны, что международный порядок, *недружественный* к либеральной демократии, представляет опасность для Соединенных Штатов. Либеральный интернационализм — и в минималистской, и в максималистской формах — укоренился в американском опыте и характере.

С учетом подобных замечаний, России можно приписать такую всеохватывающую цель: *создание международной обстановки, способствующей сохранению системы управления внутри страны*. Это интравертная цель, присущая стране, которую Лилия Шевцова назвала *одиноким государством*. Но такая цель имеет международные последствия. Как и в случае США, она не нова, что показано в главах 2 и 3.

Это не означает, что данная цель “отвечает на все вопросы”, раскрывает схему российской политики или устраняет разногласия внутри политической элиты России. Это также не означает, что Россия не имеет законных национальных интересов. Почти любая политическая власть в Москве считает главными национальными интересами доступ к мировым энергорынкам, благоприятные условия торговли (на ЕС приходится более 55% ее внешней торговли), дружественное окружение, безопасность границ и внушительные силы обороны и сдерживания. Проблема заключается в том, что сейчас, как и в прошлом, “национальный интерес” означает прежде всего интерес *режима*, и любой анализ российской политики, игнорирующий эту реальность, не является релевантным. Нынешнее социально-политическое устройство ограничивает и искажает пути определения и достижения этих интересов.

НАТО рассматривается в Военной доктрине России как “угроза” не потому, что это “военный блок”, а потому, что это военно-цивилизационная сила и полюс притяжения. Требование НАТО к новым членам о принятии либерально-демократической системы, Россию

не успокаивает. Напротив, оно усиливает воображаемую Россией опасность Альянса и в то же время его привлекательность для других — подтверждая мысль Сталина, что каждая армия экспортирует свою социально-политическую систему. Весомости этой идеологизированной оценке добавляет геополитический детерминизм российского военного ведомства.

ЕС не рассматривается как угроза, но отношение к нему именно такое. Он не обладает жесткой силой НАТО, но является еще более эффективным инструментом внутренних трансформаций. Поэтому Москва усиленно инвестирует в раздел Европы, в ослабление импульса расширения ЕС и в появление у “влиятельных политиков, бизнесменов и у тех, кто формирует общественное мнение ... заинтересованности в нынешнем российском режиме, его политике и его модели развития”¹⁰. Когда россияне обвиняют Запад в “изоляции” России, они имеют в виду ограничение этой модели пределами самой России. Чем больше сторонников у европейских норм и практик и чем сильнее их привлекательность — тем более нелепой выглядит российская модель государственного управления.

При любом сценарии развития ЕС до 2030г. почти наверняка нужны будут большие объемы импорта российских углеводородов для покрытия потребностей в энергоресурсах. Несмотря на возможное повышение эффективности и прибыльности энергетического сектора, способности инвестировать и формировать доходы от поступления налоговых платежей в случае либерализации российской энергетики, такой курс отвергается, поскольку он распылит власть, изменив тем самым государство. Поэтому Россия стремится удержать страны-транзитеры и европейских потребителей в нынешнем неблагоприятном положении, транжиря ресурсы, ограничивая инновации и потребительский выбор.

Идеология режима именует дружеские отношения в “ближнем зарубежье” России “братскими” — термином, синонимичным подчиненности. “Диктатура Брюсселя” тоже вызывает там недовольство. Но она не помешала Украине, Молдове или Грузии увидеть перспективы модернизации и роста, используя потенциал ЕС и НАТО. Для России коррумпированные и неэффективные соседние государства — достойные партнеры до тех пор, пока они признают ее превосходство. Из-за этого не один авторитетный наблюдатель пришел к выводу, что Москва “предпочитает слабость соседей их силе”¹¹.

¹⁰ James Greene, *Russian Responses to NATO and European Union Enlargement and Outreach*, p.8.

¹¹ Интервью с автором бывшего первого заместителя Министра обороны Украины Леонида Полякова.

Искажению представлений России о мотивах Запада способствуют также ее внутренние предрассудки. Связь между конфликтом в Косово и политикой НАТО в Грузии, между джихадистами на Кавказе и спецслужбами Запада¹² и между интервенцией НАТО в Ливии и его планами относительно России — очевидна только для Москвы¹³.

Те же предрассудки объясняют относительное спокойствие России перед лицом “мирного подъема” Китая. Ведь как бы ни тревожна была динамика его роста, но цивилизационная модель Китая — не экспортируема. Китай не имеет ни планов на Россию, ни надежд на нее. Он безразличен к успехам России в Киеве, Варшаве или Берлине. А китайское влияние в Центральной Азии более приемлемо для Москвы, чем западное. В целом, приветствуется и вызов Китая гегемонии Запада, поскольку он способствует достижению цели, которой Россия самостоятельно достичь не может.

Как в царские, так и в советские времена, главная забота Москвы — не уязвимость политического строя, а его легитимность. Для сохранения легитимности она должна обеспечить отсутствие у своего порога какой бы то ни было альтернативы. Она должна действовать на упреждение (словами Ельцина: “контрразведка начинается за рубежом”). В орбите России патримониальная модель бизнеса должна или расширяться, или атрофироваться; в дальнем зарубежье она должна обеспечить себе союзников, клиентов и исключения из правил, обязательных для других. В глобальном масштабе, российская система государственного управления требует не только архитектуры многополярности и многих “центров ценностей”, но и их признания другими как основ мирового порядка. Наконец, эта система управления не только предполагает, но и формирует “образ врага”, что лишь усиливает испытываемые ею страхи.

Примечательно не то, что такие взгляды живы, а что они сохранились в стране, чьи граждане имеют невиданные ранее гражданские и экономические свободы, свободу передвижения и благосостояние — в т.ч. и в Европе, которая уже не иной мир, а источник рынков, идей,

¹² После трагедии в Беслане в сентябре 2004г. Путин увидел связь между Западом и террористами: “Одни хотят оторвать от нас кусок пожирнее, другие им помогают. Помогают, полагая, что Россия, как одна из крупнейших ядерных держав мира еще представляет для кого-то угрозу, поэтому эту угрозу нужно устранить”. — Первый канал, 4 сентября 2004. 27 октября 2010г. вице-премьер-министр России и полномочный представитель Президента в Северо-Кавказском федеральном округе Александр Хлопонин предупредил, что западные спецслужбы могут быть заинтересованы в усилении напряженности в регионе с целью срыва Олимпиады в Сочи. Цит. по: Mark Smith, *Russian Domestic Chronology 2010*, UK Defence Academy, p.245.

¹³ Дмитрий Медведев, цит. По: *Moscow Times*, 27 October 2011.

инвестиций и место, где живут более миллиона русских. Власти России не хотят отказа от этих изменений, которые они одинаково и приветствуют, и не доверяют им. Они хотят пользоваться их благами и одновременно защититься от них. Для этого необходимо влиять на людей. Но преуспела ли в этом Россия?

Стратегические факторы

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть факторы, определяющие способность России обеспечить влияние на стратегическом уровне: ее общественно-политическую систему, ее материальные ресурсы и ее культурную привлекательность.

Политика, экономика и общество

Влияние государства не всегда зависит от привлекательности его политической системы. Будь-то иначе, Китай и Саудовская Аравия были бы гораздо менее влиятельны, а Казахстан и Азербайджан куда менее успешно защищали бы свои интересы. Но если государство продвигает проекты интеграции, если оно претендует на роль образца или убедительной альтернативы, оно должно быть привлекательным. Поэтому политическое устройство России существенно влияет на ее стратегические задачи. Показательно, что выводы недавнего доклада *Chatham House*¹⁴, по крайней мере, в этом отношении совпадают с выводами провластного российского Совета по внешней и оборонной политике. По мнению последнего:

В обществе нарастает чувство тревоги и неблагополучия, ощущение незащищенности ... и всевластия отчужденной от граждан бюрократической элиты. ... Отсутствует уважение к закону и собственности. По-прежнему сильны патерналистские настроения. Быстро снижается уровень политической морали, не соблюдаются принципы меритократии¹⁵.

Но взгляд со стороны тоже имеет значение. С точки зрения Вашингтона, Лондона, среднего класса Москвы и Санкт-Петербурга, Россия — страна с глубокими структурными проблемами. С точки зрения некоторых постсоветских (не говоря уже о развивающихся) стран, ужасно плохо управляемых и лишенных почти всех прав и

¹⁴ Philip Hanson, James Nixey, Lilia Shevtsova and Andrew Wood, *Putin Again: Implications for Russia and the West* (London: Chatham House, February 2012).

¹⁵ Россия: не упустить удачу. Сценарии развития: Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба "Валдай". — РИА "Новости", Совет по внешней и оборонной политике, Москва, ноябрь 2011г., с.14, 13.

возможностей, — это хорошо устроенное государство, в котором (как признают авторы обоих предыдущих докладов) благосостояние достигло беспрецедентного уровня, а темпы роста впечатляют, даже по сравнению с докризисными средними показателями ЕС¹⁶. Иммиграция в страну по-прежнему превышает эмиграцию, и Евразийский Таможенный Союз, вероятно, усилит эту тенденцию¹⁷. В целом, последние испытания России многим в мире кажутся болезнями роста, а не наследственными пороками.

Более того, эти образы часто усиливаются недовольством гегемонией Запада и мнением, что рецепты реформ, прописанные Вашингтоном и Брюсселем, требуют значительных жертв в настоящем ради весьма туманного будущего. Мнение, будто бы Россия достигла успеха как “суверенная демократия” с собственной моделью — это и реальность, и мираж, точно также, как и успешно поддерживаемая российской риторикой идея о многополярности и ее доминировании в значительной части постсоветского информационного пространства.

Еще до кризиса Еврозоны общая позиция Запада вызывала недовольство в посткоммунистической Европе. Многие проводники этой позиции, видимо, не задались вопросом, какой эффект их советы будут иметь в обществах, чьи элиты не изменились, но структура власти рухнула. Справедливо или нет, но в дарвинистских эксцессах олигархического капитализма в России 1990-х обвиняли Вашингтон. В ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы поощряемые Западом экономические реформы, вопросы прав человека и антикоррупционные кампании привели к таким же несообразностям и недовольству. В трех поучительных эссе, написанных с 2002 по 2004гг., Иван Крастев утверждает, что эти провалы отражают системное непонимание либеральным Западом посткоммунистического общества, особенно его убеждение, что реформы “не имеют ничего общего с культурой” и что “процветания [можно] достичь, просто проводя правильную политику”¹⁸. Подобную критику содержит исследование Алены Леденовой *Russia's Economy of Favours* (1998г.)¹⁹. Дело

¹⁶ По оценке Филипа Хэнсона, “экономические трудности народа России сегодня не так остры, как в Европейском Союзе и США. Было бы ошибкой сказать, что российская экономия падает или обречена на падение”. *Putin Again*, p.20. В 2002г. 16,7% заработков были меньше половины минимальной зарплаты; в 2012г. — 3,7%. См.: Johann C Fuhrmann, *Demographic Crisis: Russia's Migration Debate*. KAS International Reports, 1/2012, p.107.

¹⁷ Там же, с.101, 106.

¹⁸ Ivan Krastev, *Shifting Obsessions: Three Essays on the Politics of Anticorruption* (New York: Central European University Press, 2004), pp.30-31.

¹⁹ Alena Ledeneva, *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchanges* (CUP 1998).

не в том, что не бывает хорошей или плохой политики, а в том, что критичными факторами успеха являются знание местной ситуации и система ценностей получателя. Все эти упущения [Запада] способствовали тому, что Томас Амбросио и Томас Каротерс назвали российским авторитарным противодействием демократии²⁰.

Несмотря на эти недостатки, западная модель изменила пейзаж Центральной и Юго-Восточной Европы. Столь же верно, хоть и менее очевидно (как утверждал Пекка Сутела), что некоторые первоначальные успехи модели Путина обязаны поощряемым Западом реформам, давшим заметный результат только после ухода Ельцина²¹. Важнее, что ни одна сугубо местная модель (model) реформ не устранила дисбалансов и деформаций экономик, унаследованных Россией и другими посткоммунистическими странами. Там же, где это произошло, применялся какой-либо из вариантов общей позиции западного консенсуса — причем людьми, понимавшими его суть и правила и знавшими, как адаптировать “лучшие практики” к местным условиям.

Таким образом, Россия, получившая неожиданную психологическую субсидию от кризиса в Еврозоне, сумела извлечь достаточно скромные геополитические дивиденды. В 2011г. Россия предоставила Кипру заем в €2,5 млрд. — на деле, сумму недостаточную, чтобы предотвратить более глубокий экономический кризис или оградить [Кипр] от условий и рычагов давления ЕС²². Невозможно представить, чтобы она могла спасти и Грецию, где, как в Венгрии и Румынии кризис породил шовинистическое и националистическое отрицание догм Брюсселя и Берлина; однако, это не дало России особых практических возможностей. Даже националистическое правительство Сербии поддержало обязательства страны по вступлению в ЕС. Как ни странно, наибольший выигрыш России в Европе обеспечило сотрудничество с Канцлером Германии Герхардом Шредером, когда Европа была на пике процветания. С началом кризиса политика ЕС в отношении России стала жестче. Во время кипрского банковского

²⁰ Thomas Ambrosio, *Authoritarian Backlash: Russian Resistance to Democratization in the Former Soviet Union* (Farnham: Ashgate, 2009), p.1. Thomas Carothers, ‘The Backlash Against Democracy Promotion’, *Foreign Affairs*, Vol. 85, No. 2, March–April 2006.

²¹ Pekka Sutela, ‘How Strong is Russia’s Economic Foundation?’ [London: Centre for European Reform Policy Brief, October 2009], p.3-4.

²² James Sherr, ‘Gas Power Politics’ (*The World Today*, October-November 2012), p.20.

кризиса Европу обвинили в полном пренебрежении интересами России²³. Хотя Ангела Меркель борется за выживание евро и свое собственное, она не выступила против Третьего энергопакета, а от немецких энергокомпаний вряд ли стоит ожидать поддержки политики “Газпрома” в Европе²⁴.

Сегодня проблема России в том, что она уже не впечатляет многих, на кого она хотела бы произвести впечатление. Ее 1,5 млн. эмигрантов, живущих на Западе, обладают высокой квалификацией, а большинство из 9,5 млн. иммигрантов (по данным Всемирного банка — 12,5 млн.,) — нет²⁵. Демографические тенденции — не намного лучше, чем в 2009г., и хуже, чем в 2002г. Хотя ВВП на душу населения в России чуть выше бразильского, продолжительность жизни мужчин составляет 60 лет — против 69 в Бразилии²⁶. За время правления Путина государственный капитализм стал хищническим. Сращивание денег и власти подрывает не только деятельность государства, но и его замыслы. Оно несет угрозу капиталу, собственности и иностранным инвестициям. Оно душит стимулы для инноваций и лишает смысла честную конкуренцию. Оно сохраняет непомерные энергозатраты. Оно транжирит ресурсы, отчаянно необходимые для образования, инфраструктуры, здравоохранения и защиты граждан от преступности и конфликтов. Согласно одной мрачной оценке, новый средний класс России пребывает в жалком состоянии не только из-за этих проблем, но и вследствие “массовой иммиграции, геттоизации” и “деградации общедоступной социальной инфраструктуры”²⁷.

В 2001-2008гг. Владимир Путин восстановил порядок в делах России и коллективное самоуважение на основе роста благосостояния и отрицания догм Запада. Новый имидж и достижения принесли влияние. Сегодня эти достижения деформированы хищническим государством — от чего пострадали, соответственно, имидж и влияние России.

²³ Медведев сравнил решения ЕС с “действиями слона в посудной лавке”. См.: Еврокомиссары обсуждают судьбу Кипра в Москве. — Русская служба BBC, 21 марта 2013г., www.bbc.co.uk/russian/business/2013/03/130321_eu_russia_moscow_talks.shtml.

²⁴ Более полную дискуссию см.: James Sherr, ‘Gas Power Politics’, pp.18-21.

²⁵ Fuhrmann, *Demographic Crisis*, p.106.

²⁶ *CIA World Factbook*, <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook>

²⁷ Ремизов М. Русский национализм и российская геополитика. — Агентство политических новостей, 18 июля 2012г., www.apn.ru/publications/article26892.html.

Энергетика

С приходом к власти Путин энергетическая политика стала примером способности России действовать стратегически. Проблема стратегии в том, что ее сложнее корректировать. Изменения мировых энергорынков служат тестом способности России к адаптации. Россия преуспевает в том, что ей лучше всего удастся, включая использование проверенных методов в новой ситуации. Она начинает активно реагировать на вызовы, описанные в предыдущей главе. Но реагирует она по-русски (то есть, часто действуя эффективно, но не оптимально); при этом риск, — и для России, и для [Запада], — в том, что эта реакция может оказаться слишком дорогостоящей. Сейчас можно выделить четыре направления стратегической активности России.

Первое — закрепить относительные преимущества и подготовиться к неприятностям. Сначала это сделали в Беларуси, где Кремль в 2011г. перешел от войны на истощение к финальной игре²⁸. В результате, в декабре того же года Лукашенко передал государственный “Белтрансгаз” российскому “Газпрому”. В обмен Беларусь получила цену газа в \$165,6 за 1000 м³ — тогда как Украина, противостоящая сейчас подобному давлению, платит \$430.

На втором фронте, в Юго-Восточной Европе, Москва удвоила усилия по закреплению обязательств в отношении трубопровода “Южный поток” (которые Болгария формализовала в ноябре 2012г. — до вступления в силу всех ограничений Третьего энергетического пакета). Она также воспользовалась кризисом Еврозоны для сбора легкой добычи, хотя на Кипре она пока присматривается, прежде чем включиться в покупку прав на запасы нефти и газа, которые могут оказаться скромнее, чем рекламировалось²⁹. Когда Греция объявила о приватизации своей газовой отрасли, три ранее неизвестных представителя “Газпрома” уже ждали с готовыми предложениями³⁰.

Россия также ведет кампанию — и открытую, и тайную — против добычи сланцевого газа в Европе. В последние годы его разведку

²⁸ ‘Russian parliament ratifies Belarus-Russia gas pricing agreement’, Belarusian Telegraph Agency, 27 December, 2012, <http://news.belta.by/en/news/econom?id=702548>.

²⁹ Ian Bremmer, ‘Why Russia Refused to Bail Out Cyprus’, *Financial Times*, 26 March 2013.

³⁰ Vladimir Socor, ‘Gazprom and its Proxies Bidding for the Gas Sector of Greece’, *Eurasia Daily Monitor*, Vol. 9, issue 74, 13 April 2012 (Washington: Jamestown Foundation).

и добычу запретили Франция, Румыния и Болгария. При этом, болгарские власти назвали масштаб и организацию протестов против сланцевого газа “не характерными для Болгарии”; похожи и оценки протестов в Польше³¹. Заявление Александра Медведева, что перспективность сланцевого газа — “не вопрос ресурсов”, кажется не пустым замечанием³². Экологические движения стали ценным инструментом и объектом, подобно движениям за мир в 1980-х годах. Как бы то ни было, использование Западом “революционных” изменений в технологиях угрожает жизненным интересам и нивелирует долгосрочные преимущества: геостратегические в одном случае, геоэкономические — в другом. Некоторые внутренние источники в “Газпроме” не только не отрицают попыток манипулировать экологическими движениями и саботировать энергетическую политику ЕС, но даже гордятся этим³³.

Но даже если эти усилия увенчаются успехом, их последствия для России могут быть проблемными. Колоссальная газовая субсидия, предоставленная Беларуси, так же оторвана от реалий рынка, как и неконкурентные цены для покупателей в ЕС. Субсидию оплачивает российская экономика, и счет существенно вырастет, если на подобную сделку согласится Украина. Более того, как отмечалось в Главе 4, нет уверенности, что запрет на добычу сланцевого газа в Европе нивелирует эффект сланцевой революции в Северной Америке на европейских рынках. Разница между \$10,61/МБТЕ (британская тепловая единица), которые Германия платила в 2011г. за импортируемый российский газ, и внутренней ценой на газ в США в \$4,01 — один из факторов, меняющих структуру импорта не в пользу России³⁴. Наконец, даже если “Южный поток” будет введен в строй, многие аналитики сомневаются, что он будет экономически выгоден, и есть риск, что к 2017г. поставляемый по нему газ может быть менее конкурентен, чем он был бы сегодня. Возможно, более всего поводов для беспокойства должно быть у инвесторов “Южного потока”. Он мало поможет в решении первоочередных задач российской энергетики — повысить добычу газа и эффективность. Если расчеты “Газпрома”

³¹ Margarita Assenova, ‘Bulgarian Government Withdraw Chevron’s Shale Gas Permit’, *Eurasia Daily Monitor*, Vol. 9, Issue 16, 24 January 2012 (Washington: Jamestown Foundation)

³² Teresa Wojcik, ‘German Environmentalists Paid by Gazprom’, 13 April 2011; ‘Gazprom Lobbyists in Europe’, 5 June 2011 and ‘Russian Assault on Shale’, 8 December 2011, Freepl.info.

³³ Конфиденциальные беседы с консультантами “Газпрома”.

³⁴ BP Statistical Review of World Energy June 2012, p.27.

и Кремля ошибочны, то “Южный поток” может опорочить наследие Путина так же, как целина опорочила наследие Хрущева³⁵.

Второе стратегическое направление — использование результатов революции нетрадиционных источников энергии. До появления возможности добычи нефти плотных пород истощение западносибирских месторождений России было едва ли не единственным фактом в этом неопределенном бизнесе. Сейчас препятствий для планирования вроде бы нет. Некоторые специалисты оценивают запасы Баженовского месторождения в 2 трлн. т — в пять раз больше месторождения Баккен в Северной Дакоте³⁶. Но это не добавляет определенности прогнозам. Объем и доступность нефти плотных пород в России точно не известны, рабочих платформ не хватает, а существующая система налогообложения не обеспечивает нужных объемов инвестиций. Но, по крайней мере, там не будет экологического движения за запрет разведки и добычи. Успешное использование нефти плотных пород в России могло бы быть одним из беспроигрышных вариантов в удручающих энергетических отношениях с Европой. Смягчение за счет этого нефтяной проблемы России пошло бы на пользу российской экономике и странам-потребителям. Но в отличие от трубопроводного газа, это увеличило бы возможности выбора, а не зависимость других стран. Контраст между адресованной Европе анτισланцевой риторикой Путина и его активной поддержкой сланцевого газа в России уж очень напоминает брежневскую одновременную поддержку разоружения НАТО и вооружением России. Но западным политикам еще предстоит разоблачить цинизм современной российской политики и ее аналогии с прошлым.

Третье стратегическое направление — Азия. Планируемый газопровод от нового Чаяндинского месторождения до Владивостока, разработку которого Путин санкционировал в ноябре 2012г., напоминает об угрозе Алексея Миллера 2006г. перенаправить поставки с европейских на дальневосточные рынки³⁷. Пуск ветки Байкал-Козьмино до нефтепровода Восточная Сибирь-Тихий океан (ВСТО) может иметь еще большее значение. ВСТО должен дать России возможность “переключения поставок”, позволив перенаправлять

³⁵ Хрущев сделал ставку на амбициозную программу культивации плодородных земель [в Казахстане] с целью радикального увеличения объемов сельхозпродукции и смягчения проблемы нехватки продовольствия, от которой страдало советское население. [Однако, освоение целинных земель без учета местных климатических и других условий не принесло ожидаемых результатов].

³⁶ Guy Chazan, ‘Russia Gears Up for Shale Boom’, *Financial Times*, 31 March 2013.

³⁷ Chris Noon, ‘Gazprom’s Miller: Don’t Get In Our Way’, *Forbes*, 20 April 2006, www.forbes.com/2006/04/20/gazprom-miller-gas-cx_cn_0420autofacescan03.html.

добычу западносибирских месторождений в Азию. Подчеркивая этот момент, глава “Транснефти” Николай Токарев заявил: “Мы ничего не должны ни одной стране ЕС”³⁸. Последние шаги также усилят переговорную тактику России в Азии, где (как и в случае “Южного потока”) она сталкивает конкурирующих потребителей между собой. Когда в июне 2011г. из-за разницы в цене в \$100 за тысячу кубометров сорвались переговоры о газовом контракте между Россией и Китаем, Россия “немедленно активизировала переговоры о реализации схемы корейского трубопровода” от месторождения “Сахалин I” через Северную Корею. Дополнительным преимуществом корейской схемы был срыв инициативы США и “ExxonMobil” увязать строительство этого трубопровода (от разрабатываемого “Exxon” месторождения “Сахалин I”) с урегулированием корейского ядерного кризиса.

Как отмечено в недавнем исследовании *Chatham House*:

Для России идея трубопровода между Северной и Южной Кореей выполняет ряд функций... Одна из них — получение Россией политического влияния в регионе. Россия усилит свое влияние на Шестисторонних переговорах ... и тем самым частично восстановит в Восточной Азии свой прежний статус сверхдержавы³⁹.

Ключевая роль в стратегии России отводится также Японии (где цены на газ выше, чем в Европе).

Но азиатская стратегия напоминает скорее кубик Рубика, чем простую задачу. Азиатские рынки конкурентны. В 2009г. Россия утратила монопольное положение в Центральной Азии, на рынки которой серьезные планы выхода имеют Канада и Австралия⁴⁰. Но Россия продолжает вести себя как монополист. Китай давно учел это в своей переговорной тактике — после того, как Россия внезапно, как раз накануне дела “Юкоса”, отказалась от почти согласованного проекта нефтепровода. Китай считает, что Россия в большей степени заинтересована в создании дополнительных

³⁸ Agence France-Presse, ‘Russia unveils \$25 billion oil pipeline to the Pacific’, *The Raw Story*, 25 December 2012, www.rawstory.com/rs/2012/12/25/russia-unveils-25-billion-oil-pipeline-to-the-pacific. Токарев добавил, “Если они хотят поддерживать нормальное, соответствующее общение, они должны изменить свой подход к такому диалогу”.

³⁹ Keun-Wook Paik with Glada Lahn and Jens Hein, *Through the Dragon Gate? A Window of Opportunity for Northeast Asian Gas Security*, Chatham House Briefing Paper EER BP 201/05, December 2012, p 8.

⁴⁰ ‘Will America’s zealous pursuit of shale gas derail Australia’s energy ambitions?’, *Herald Sun*, 28 December 2012.

вариантов для себя, чем в том, чтобы стать надежным поставщиком на китайский рынок. Сегодня Китай имеет собственные варианты энергоснабжения, в частности, благодаря СПГ и газопроводу Центральная Азия—Китай. Россия стоит перед большими трудностями. Восточная Сибирь и Дальний восток России — это кошмар для инвестора. Инфраструктура часто или заброшена, или ее нет вовсе. Та же ситуация с коммунальным хозяйством и кадрами. Региональные власти часто неэффективны. Федеральный бюджет деформирован расходами на оборону, безопасность и социальную сферу. Стоимость энергоносителей вздувают рентные платежи и инфляция. Ожидается, что стоимость чаяндинского газа будет около \$15/МБТЕ (против \$3 в США).

Четвертое стратегическое направление России — реструктуризация отрасли — наиболее загадочно. “Газпром” силен, но неповоротлив. Как и его предшественник — Мингазпром СССР, он сосредоточен на выполнении плана и оперативном управлении. Он воспринимает конкуренцию как форму хаоса, а обратную реакцию дочерних компаний — как неподчинение. Он любит мега-проекты. Он глух к слабым рыночным сигналам и любым инициативам снизу. Поэтому он проспал революцию нетрадиционного газа (которая, как и революции микросхем и информационных технологий 1980-х, родилась не в залах заседаний и вне стереотипов). Нельзя сказать, что Путин совсем слеп к этим упущениям; уже несколько лет он не скрывает своего неудовольствия.

Сейчас он, похоже, меняет одного фаворита на другого. “Роснефть” (крупнейшая в мире по добыче котируемая на бирже нефтяная компания) — более проворный мастодонт, чем “Газпром”. Ее глава, Игорь Сечин — весьма прозорлив и его не стоит недооценивать. Но компания ориентирована скорее на прибыли, чем на стоимость, и на стяжательство, чем на инновации. После 2003г. она приобрела активы “Юкоса” — самой эффективной российской энергокомпании — но не приобрела ее эффективности. (Хотя по утверждению Джона Лафа, мотивом приобретения “Роснефтью” компании “ТНК-ВР” и заключения ею стратегического союза с ВР могли быть не только активы, но и эффективность⁴¹). Но это еще раз подтверждает старый российский принцип, о котором

41 “ВР очень преуспела в капитализации ТНК-ВР благодаря дисциплинированному подходу к управлению портфелем и применению лучших мировых технологий и опыта. “Роснефть” имеет сеть производственных компаний, которым нужна интеграция наподобие достигнутой после слияния разнородных активов ВР и ТНК в 2003г.” См.: John Lough, ‘Rosneft Replaces Gazprom as Super Champion’, *Moscow Times*, 25 October 2012.

упоминал Алексей Кудрин: “неэффективная компания поглощает эффективную”⁴². Кроме того, в течение нескольких последних лет монополии “Газпрома” был нанесен удар со стороны крупнейшей российской независимой газодобывающей компании ОАО “Новатек”. Пока рано судить о последствиях таких событий для других традиционных игроков — например, ОАО “Сургутнефтегаз”, имеющего, как и “Новатек”, мощные связи с Кремлем.

Во всем происходящем нет ничего общего со структурной реформой, призванной устранить главную структурную проблему страны: “искажение стоимости” (*value detruction*). Получение ренты политиками, бюрократами и теневыми структурами на каждом этапе цепочки стоимости, по осторожной оценке, увеличивают капитальные затраты “Газпрома” на 70%. Проектная стоимость нефтепровода ВСТО, первоначально оцененная в 2004г. в \$11,2 млрд., выросла до \$40 млрд. и, по некоторым оценкам, достигнет \$65 млрд. В 2008г., когда она составляла всего \$14 млрд., представитель консалтинговой компании “*RusEnergy*” Михаил Крутихин предполагал, что срок окупаемости проекта составит 40 лет⁴³. Таким образом, экономику России разрушает “голландская болезнь”, а не ресурсная зависимость как таковая. Действительно, “система управления рентой является ключом ко всей политэкономии”, почему Клиффорд Гэдди и Барри Икес и называют рентозависимость “наркоманией”⁴⁴.

На фоне этих декораций трудно оценить долгосрочные изменения. Структура “Роснефти” разрослась, но расширились и обязательства “Газпрома”: в дополнение к “Южному потоку” и “Ямалу” — “Чаяндынск” и строительство двух новых ниток “Северного потока”. Эти проекты могут привести “Газпром” к банкротству в результате вынужденного дефолта, или, как предполагает Андерс Ослунд, преднамеренных действий⁴⁵. Но и в этом случае его ликвидация скорее сыграет на руку другим сильным игрокам, чем волеет в отрасль новую кровь. Инновации, более всего необходимые России — продуктивные технологии, интенсивная разработка существующих месторождений и конкурентный рынок, — вряд ли будут востребованы при нынешнем руководстве страны. Вариант, которого многие

⁴² Алексей Кудрин, цит. по: Anders Aslund, ‘How Putin is Turning Russia Into One Big Enron’, *Moscow Times*, 21 November 2012.

⁴³ ‘ESPO Pipeline to be Russia’s Costliest’, RBC, 18 February 2008, <http://rzd-partner.com>.

⁴⁴ Clifford G Gaddy and Barry W Ickes, ‘Russia after the Global Financial Crisis’, *Eurasian Geography and Economics*, 2010, 51 No 3, p.282.

⁴⁵ Там же.

эксперты более всего опасаются — сохранение статус-кво — может быть не худшим. Худшим могло бы быть то, что в лабораторных условиях было бы лучшим — приватизация “Газпрома”. Однако, капитаны российской экономики скорее пойдут на государственный каннибализм, чем на рыночный процесс. Дележ “Юкоса” по сравнению с этим может показаться детским капризом.

Как мы уже отметили, более благоприятный исход для России возможен. Чтобы полностью понять ситуацию, мы должны, по словам Аднана Ватансевера, “вернуть в общую картину политику и стратегию”⁴⁶. На стратегические интересы России серьезно влияют энергетическая политика ЕС и использование на Западе нетрадиционных энергетических технологий. Скепсис должно вызывать не появление в России стратегической реакции, а ее отсутствие. Внесение корректив и адаптация — естественная реакция бизнеса на такие вызовы — может быть лишь частью политической и стратегической реакции, а не ее сутью и тем более — целью. Руководители — Сечин, Токарев, Миллер, Варниг (и, конечно, сам Путин) — доказали свою способность действовать стратегически и оперативно, используя “комплекс средств” для решения многогранных проблем. Эффективность энергетического сектора России — одна из этих проблем, но не вся проблема и тем более не стратегическая цель, каковой остаются власть, влияние государства и благополучие его граждан. В российском контексте нужно различать эффективность и продуктивность. Когда вышеупомянутые господа слышат выражение “затраты-эффективность”, они делают акцент на эффективности.

В развитии энергетики перед Россией и Западом стоит одинаковый набор “известных неизвестных”. Каким будет спрос на нефть и газ в Азии, как он повлияет на европейские рынки? Найдет ли в ближайшем будущем СПГ, поступавший в последние годы в Европу, более выгодный сбыт в Азии? Как экологическое и производственное лобби в США повлияет на разработку нефти плотных пород, сланцевого газа и угля? Продолжится ли рост экспорта, или его принесут в жертву, чтобы максимально сбить цены и оживить отечественную промышленность? Выполнят ли страны ЕС свои обязательства по строительству СПГ-терминалов и газопроводных перемычек или просто будут говорить об их выполнении? Преуспееет ли экологическое движение в борьбе с углем так же, как с ядерной энергией? Имеет ли ядерная энергетика будущее в Европе?

⁴⁶ Там же, с.16.

Преуспее ли “Роснефть” и ее западные партнеры в разработке ресурсов Арктики, или будущие проекты постигнет судьба Штокмановского месторождения? Единственное, что известно, это то, что Россия не будет наблюдателем по отношению к этим “неизвестным”. Она будет главным действующим лицом.

Мягкая сила культуры?

Разные инструменты “гуманитарного аспекта” российской политики, описанные в Главе 4, имеют общую цель: лишить соседей России оснований проведения независимого от России курса. Эти инструменты созданы также для того, чтобы лишить их каких бы то ни было возможностей его реализации. Меры достижения первой цели являются частью мягкой силы — чего нельзя сказать о мерах по достижению второй. Проблема в том, что это часто одни и те же меры, но включающие более жесткие дополнения. Поэтому подход России лучше называть “мягким принуждением”, а не мягкой силой.

Традиционная имперская концепция “что значит быть русским”, возрожденная Путиным, сама по себе есть мощный инструмент влияния. Когда Путин говорит, что Россия — “не этническое государство и не американский “плавильный котел”... [а] многонациональное государство, ... единый народ, ... скрепленный русским культурным ядром”, он описывает не выдумку, а реальность⁴⁷. Но эта реальность породила постоянное противостояние не только требующих самоопределения нерусских, но и русских националистов, отрицающих путинскую космополитическую идею России не менее исступленно, чем чеченские сепаратисты. Когда же Путин говорит, что русские — единственная нация в этом созвездии с “государствообразующими” атрибутами, то это не описание реальности, а политическое заявление. Это заявление, как и общий взгляд Путина на Россию, рассчитано на оказание влияния как за рубежом, так и внутри страны. Слова о том, что “украинец Николай Гоголь — величайший русский писатель” — не абсурд, а выражение настроений, выросших из имперского опыта России⁴⁸. Но эти настроения плохо согласуются с политическим статус-кво. Если России национальный вопрос дает мягкую силу, то новые независимые государства он ставит перед суровой действительностью.

⁴⁷ Путин В. Россия: национальный вопрос. — Независимая газета, 23 января 2012г., www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html.

⁴⁸ Sergey Karaganov, ‘Lucky Russia’.

Культура может быть источником мягкой силы, но ее нельзя превращать в инструмент безопасности, ибо инструментом становятся люди. Это превращает предполагаемых потребителей культурной политики России из ее цели в средство. Так, в Молдове вопрос соотечественников ставился Россией первым пунктом повестки дня каждый раз, когда возникали политические разногласия. Когда же власти Молдовы уступали (например, в Приднестровье), вопрос уходил на второй план. Подобным образом Россия прекратила широко используемые в начале 1990-х публичные выступления по поводу тяжелой жизни русских соотечественников в Средней Азии — после подписания в 1992г. четырьмя из пяти проблемных государств Договора о коллективной безопасности.

Секьюритизация культуры подвергает сомнению прочно установившееся в русском и украинском культурных дискурсах различие между национальным происхождением и чувством принадлежности. Российские власти предпочитают говорить соотечественникам об их принадлежности. По формулировке МИД России: “Российская диаспора за рубежом составляет социально-гуманитарную опору интересов Российской Федерации в государствах постсоветского пространства”⁴⁹.

Так ли это? Политику России в ближнем зарубежье сопровождает уверенность в “однородности всего сообщества соотечественников”⁵⁰. То же касается и ее предполагаемого права решать, кто выступает от его имени. Как беззастенчиво заявил главный редактор журнала “Балтийский мир”: “Россия сама выбирает своих партнеров, и ни одна структура или сила не может оказывать влияние на этот выбор”⁵¹. Это горько-сладкое послание русским за рубежом, главное стремление которых — покончить с социальной и экономической дискриминацией и получить гражданство своих титульных государств. С учетом этого один эстонский обозреватель пришел к выводу: “Цель усилий России по объединению русскоговорящего населения ... — не сделать его частью эстонского общества, а наоборот, отделить его от общества и привести к конфронтации с ним”⁵².

⁴⁹ Чепурин А. Ориентир: конгресс соотечественников. — Международная жизнь, 2009, №6.

⁵⁰ Pelnens, *The ‘Humanitarian Dimension’ of Russian Foreign Policy Toward Georgia, Moldova, Ukraine and the Baltic States*, p.62.

⁵¹ Кондрашов Д. Мифы о соотечественниках и сеансы их разоблачения. Сеанс первый: миф о “назначенцах”. — Балтийский мир, 2009, №3, с.18-20. Сетевой центр русского зарубежья *Russkie.org*, 30 июня 2009г., www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=15935.

⁵² Juhani Kivirahk, ‘How to Address the “Humanitarian Dimension” of Russian Foreign Policy?’, Tallinn: International Centre for Defence Studies, 3 February 2010.

Конфронтация не является формой мягкой силы. Не является ею и культурная дипломатия, антагонистичная большинству населения в соседних странах, даже там, где (как в Украине) такому большинству посчастливилось быть этническими славянами. Распространенное в Украине мнение, что славянская идентичность не противоречит европейской и что, исходя из этого, можно и вступить в ЕС, и сохранить дружественные отношения с Россией, является угрозой всему “гуманитарному” проекту Москвы, главная цель которого — достижение “бинарной Европы и господства евразийской системы ценностей в сфере влияния России”⁵³.

Наконец, суть предполагаемой мягкой силы России — не “заставить других хотеть того, чего хотите вы”, а объяснить им, чего же они хотят, и, словами Богомолова и Литвиненко: “найти и мобилизовать тех, кто уже хочет этого”⁵⁴. Российская культурная политика не просто продвигает русскую культуру. Она оспаривает целостность и “аутентичность” других национальных культур в бывшем СССР и восточнославянском мире. Иногда это делается умышленно (например, объединяя украинское и русское меньшинства в Приднестровье в “русское” большинство)⁵⁵. Но в то же время — это и проявление недопонимания. Декларации о “любви” России к Украине и “общности” двух народов демонстрируют полное непонимание их оскорбительного эффекта⁵⁶. Таким образом, мягкую силу России делает не столь мягкой не только роль государства, но и то, что в силу своей тональности и характера, она действует скорее на разделение, а не на объединение. Она помогает сохранять слабость, плохое управление и зависимость соседей. Поэтому ее успехи могут быть горше ее неудач. Россия может пожалеть об этом и, если со временем удача от нее отвернется, — потерять всё.

“Оперативный” аспект

В традиционно проницательной и провокационной статье глава Совета по внешней и оборонной политике Сергей Караганов оспорил западную критику России как страны, “практикующей дипломатию

⁵³ Greene, *Russia's Responses to NATO and European Union Enlargement and Outreach*. p.18.

⁵⁴ Bogomolov and Lytvynenko, *A Ghost in the Mirror*, p.15.

⁵⁵ Показательно яркий пример имел место на летней Олимпиаде 2012г. В биографиях спортсменов, поданных в оргкомитет Лондонской Олимпиады российской стороной, у родившихся в неславянских частях бывшего СССР данные были представлены точно; у родившихся в Украине, местом рождения была указана “Россия” [частная беседа с автором].

⁵⁶ На круглом столе в Киеве в 2006г., где присутствовал автор, Посол РФ Виктор Черномырдин ударил по столу и заявил, что “только Россия любит Украину” — после чего несколько украинцев, известных своими пророссийскими симпатиями, покраснели от злости.

XIX века и использующей устаревшие идеи и методы”⁵⁷. Мы тоже поспорим с этой карикатурой. В первые годы президентства Путина сила российского “прагматизма” заключалась в его гибкости. Старые методы использовались для достижения новых целей (“гарантированный доступ к рынкам других стран”), а новые методы — для достижения старых целей. Сферы влияния, господство в “пространстве”, увеличение числа союзников-сателлитов и недопущение присутствия “враждебных” (нероссийских) военных блоков вблизи своих границ — классические цели XIX века. Но достижение этих целей посредством: энергоносителей, а не военного преимущества; приобретения местных активов, а не созданием военных баз; проникновения в органы корпоративного управления и экологические движения, а не в профсоюзы и движения за мир; “информационной войны” и лоббистских структур, а также посредством компромата и методов бизнес-разведки — вот что делает политику России инновационной и эффективной в определенных аспектах.

За счет этого Россия также может считаться искусным оперативным игроком. Стратег никогда не будет рассматривать цель, не рассматривая средств. Практик оперативного искусства знает, как сочетать применяемые средства. Применение жестких и мягких методов, поощрений и угроз, страха и надежд — это элементарная ленинская методика. Как говорил сам Ленин: “для достижения революционной цели пригодны любые средства: подкуп, шантаж, кастет, кияток”⁵⁸. Это верно и в случаях, когда цели не революционные, а реакционные или просто меркантильные и корыстные. Такая неразборчивость в средствах значительно усложняет разговор о мягкой силе России, ибо ее всегда сопровождает нечто более жесткое. Стоит отметить, как советскую концепцию “активных мероприятий” переписали для “достижения бизнес-целей”. В отношении “хозяйствующего субъекта” (ХС), это делается, по словам Александра Доронина, через:

формирование благоприятного общественного мнения о ХС, его руководстве и персонале; укрепление авторитета и доверия к ХС среди партнеров и клиентов; стратегическое и тактическое дезинформирование конкурентов и оппонентов; подрыв и ослабление их позиций на рынке и в органах государственной власти⁵⁹.

⁵⁷ Karaganov, ‘Lucky Russia’.

⁵⁸ Leon Trotsky et al., *Their Morals and Ours: The Class Foundations of Moral Practice, A Debate on Ends and Means* (New York: Pathfinder, 5th edn, 1973), pp.48-49.

⁵⁹ Доронин А. Активные мероприятия: информационно-психологическое воздействие. Глава из книги “Бизнес-разведка”, с.1. — www.agentura.ru/equipment/psih/info/activ.

Кристофер Доннелли назвал этот, не обремененный моралью комплексный подход, “гиперконкуренцией”. Партнеры, конкуренты и оппоненты, не готовые к гиперконкуренции, рискуют проиграть — независимо от их богатства, силы или технологий. Те, кто считает, что перед ними стоит выбор “или-или” (например, “партнерство” или “конфронтация”), будут проигрывать всегда.

Но понимать, в чем состоит эффективность на оперативном уровне — не значит обладать ею. Чтобы действовать оперативно, нужно обладать способностью согласования множества различных инструментов. Проще всего сделать вывод о потребности в дирижере, и это будет очень по-русски. *Вертикаль* во главе с Путиным почувствовали в “ближнем зарубежье”, возможно, даже раньше, чем внутри страны. Ранее, если у Киева, Тбилиси или Кишинева возникали проблемы с российскими военными гарнизонами, фирмами и энергокомпаниями, они могли не знать наверняка, какой орган российского государства этим занимается и с кем следует иметь дело. После прихода к власти Путина — уже знали. Новизна не в том, что была восстановлена *вертикаль*, а в том, что это было сделано таким образом, чтобы приватизированный бизнес стал работать сообща с государством.

Но такая культура власти, построенной по принципу “сверху — вниз”, дает собственные дефекты и деформации; и культура, созданная при Путине — не исключение. Ее главный дефект — отсутствие *горизонтальной* интеграции: перекрестных связей и контактов между институтами и должностными лицами, чьи функции пересекаются. Без горизонтальной интеграции невозможно достичь оперативной эффективности. Именно этого качества, присущего демократическим культурам, построенным по принципу “снизу — вверх”, так не хватало во время преступлений в Беслане и в театре на Дубровке в Москве. Принцип “разделяй и властвуй”, свойственный советской/российской культуре власти, вносит недоверие и интриги в эту и без того туманную формулу — вместе со взглядом на информацию как на источник власти, а не общее достояние. Если расширить предыдущую метафору, оркестр незнакомцев не способен показать виртуозную игру даже с наиболее виртуозным дирижером, а хорошо сыгранный камерный оркестр — сможет и без него. Проблема приходящей в упадок путинской России в том, что горизонтальная интеграция среди криминалитета и террористов гораздо лучше, чем во власти.

Оперативный успех России, таким образом, ограничен и относителен. У многих ее соседей нет не только эффективной

вертикали, но и эффективных механизмов горизонтальной интеграции. Беларусь — исключение из первого правила (как и Украина Януковича — по крайней мере, в его чаяниях), а Грузия — частичное исключение из второго. Эти страны по-прежнему противятся схеме “прочного добрососедства” Москвы и с течением времени не стали меньше ценить свой суверенитет.

На оперативном уровне относительная слабость Запада обусловлена скорее его позицией, чем возможностями. Для большинства правительств Запада оперативное мышление относительно России — непозволительная роскошь, а для некоторых — образ мыслей, которого они не понимают. Одним из немногих исключений является Германия, выработавшая целостный и пользующийся приоритетом оперативный подход. Однако, до последнего времени в нем совершенно отсутствовали жесткие элементы.

Тактика или привычка?

В процессе этого исследования были выявлены ряд тактик, играющих определенную роль в политике и поведении России. Большинство из них имеют царистское или ленинское происхождение, но их обновили в целях “экономизации” политики и адаптировали к требованиям менее идеологизированного и более взаимозависимого мира:

- использование разделения (“политики разделения и влияния”);
- использование уязвимости (моральной, финансовой и политической);
- проникновение (к противникам и союзникам);
- вовлечение (“временные и условные союзы”, клиенталистские государства и общества);
- создание фиктивных компаний, “теневых структур”, использование подставных лиц;
- использование “операций агентов влияния” (лоббистов, пиарщиков, консультантов);
- лингвистические манипуляции;
- информационная борьба (“пропаганда”).

Часто возникает скептический вопрос: зачем сохранять эти практики Холодной войны. Лучший ответ — а почему нет? Обращение к ним в этом столетии часто приносило эффективные результаты и лишь иногда сопровождалось незначительными потерями.

Но это только часть ответа. Другая часть — в том, что они сохраняются по привычке. Привычки, не причиняющие серьезного ущерба,

остаются привычками. Падение советской власти положило конец некоторым из них: милитаризации экономики и внешней политики страны, экономической автаркии, командно-административной системе управления экономикой. Другие привычки ослабли, но сохранились в дремлющем состоянии злокачественной опухоли: подход по принципу “нулевой суммы” (развившийся в более современную форму “кто кого”) и “имперский зуд” (еще в 1992г. принявший форму “ответственности” России за лидерство в бывшем СССР). При этом, описанные выше тактики и привычки принципиально не пересматривались. Их использовал даже Горбачев — хоть и в более привлекательных целях. После его ухода 10 лет хаоса (“десятилетие унижения”) возродили многое из того, что недавно пропало из поля зрения.

С тех пор возрождение этих тактик принесло некоторые выгоды России. Но были и потери. Российская “политика разделения и влияния”, стимулирование зависимости и вера ее соседей, что “наши слабости устраивают Россию больше, чем наша сила”, озлобили многих из тех, кто ощущал культурное, религиозное и языковое родство с Россией. На Северном Кавказе подобная тактика, применяемая более жестко, преуспела в искоренении традиционных структур власти, выживших даже в советский период, — но при этом создала вакуум, заполняемый сейчас сектантами и фанатиками, преисполненными решимости уничтожить само российское государство. В Европе методы бизнес-разведки и монополистические повадки превратили взаимозависимость в источник напряженности, а не фундамент дружбы и стабильного благополучия. Все это — ненужные и вредные последствия. Но вряд ли их будут воспринимать именно так, пока политический строй России не будет заменен другим, более достойным возможностей и потенциала этой страны.

6. ВЫВОДЫ

“Раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы должны бы были ... объединить в нашей цивилизации историю всего земного шара”.

(Петр Чаадаев)¹

Большую часть истории России ее политический строй конфликтовал с международным окружением. Независимо от того, кто стоял во главе — консерваторы, реформаторы или революционеры — этот строй должен был служить нуждам многонациональной страны, где трудно было провести границы между нацией, государством и империей, и границы эти никогда не были абсолютны. И сам политический строй большую часть истории России также находился в состоянии внутреннего брожения под давлением не только тех, кого он покорил, но и тех, кого он привлекал, включая класс российских интеллектуалов, и тех, чей кругозор расширили контакты и торговля с внешним миром. Принципы личной свободы, прав собственности и независимости суда никогда не укоренялись глубоко и тем более не торжествовали в России, а короткие периоды их подъема омрачались как компромиссами с нелиберальными политическими силами, так и неудачами. Те, кто выступал против строя во имя справедливости, прогресса или “народа”, обычно апеллировали к иным ценностям. В большинстве случаев российские реформаторы либо изначально придерживались принципа элитарности, либо реставрировали его. Революционеры либо заменяли одну форму патримониальности другой, либо готовили почву для тех, кто это делал.

Значительную часть своей современной истории Россия была частью Европы, но на откровенно противоречивой основе. Она была

¹ Петр Чаадаев, Философические письма, Полное собрание сочинений и избранные письма, Том 1 (Москва, 1991), с.115.

полноправным участником баланса сил XVIII века и Священного союза XIX века, а вне своих имперских границ придерживалась дипломатических конвенций европейских великих держав. Даже ленинизм, объявивший войну этим конвенциям, имел европейские, а не только московские корни, а увлечение ранних большевиков экспортом революции вытекало из убеждения, что Россия неотделима от Европы. Неудача этого проекта привела к резкому разрыву между Россией и Европой, характерному для большей части советского периода. Драконовские меры изоляции страны от “буржуазного влияния” свидетельствовали не только об ее уязвимости перед таким влиянием, но и о неизжитом страхе сталинских приспешников и брежневских идеологов перед опытом России как части европейской цивилизации. Эта изоляция драматически завершилась в 1991г., чего нельзя сказать обо всех приведших к ней опасениях — опасениях, усилившихся с окончанием в середине 1990-х “эпохи романтизма” в отношении Запада. Нынешние власти пытались сгладить эти опасения посредством открытости, диктуемой их собственными геополитическими и геоэкономическими амбициями. Вместо разрыва с Европой им нужна легитимация в Европе (и на Западе) политического и экономического строя, который они хотят сохранить в России и по соседству с ней.

Первой целью этого исследования было прояснить связь между интересами российских властей внутри страны, их международными действиями и их подходом к влиянию на других. Называя разделение внутренней и внешней политики “ошибкой”, Ленин говорил не только как марксист, но и как русский. Методы и стратегемы, призванные в постсоветскую эпоху объединить эти сферы, берут начало в ленинизме, но в “ближнем зарубежье” — как пространстве между Европой и Россией — они имеют также досоветские истоки, базирующиеся на традициях строительства государства и Империи, сформированных после XVI века. Эти традиции укоренились в изменчивой и безжалостной среде, постоянно напоминавшей о татаро-монгольском завоевании и сохранившей первозданный страх потерять всё — независимо от достигнутого. Мощь Империи никогда не предохраняла ее от расколов — национальных или социальных. Ее история не знала ни эпохи Просвещения, ни веры в равенство, ни рационального сочетания личных и общих интересов. XX век трижды становился свидетелем самых горьких уроков этого наследия: в семилетнем периоде, охватившем Первую мировую войну, революцию, гражданскую войну и “военный коммунизм”; во время операции “Барбаросса” и Великой отечественной войны;

и недавно, в период агонии и распада Советского Союза, урезавшего Европейскую Россию до границ середины XVI века и надолго обрекшего население на экономическую анархию, о которых помнит каждый родившийся до 1985г. Старое наследие, возвращенное к жизни новыми событиями — это живое наследие, и предрекать его кончину было бы опрометчиво.

Второй целью исследования было продемонстрировать отличительные признаки методов влияния, сформированных этим опытом. Стратегическая культура России впитала основополагающий принцип “оперативного искусства” задолго до его появления в советских военных уставах: побеждает не та армия, которая имеет лучшие вооружения и технологии, а та, которая способна лучше координировать действия своих сил. В конфликтах имперских времен, как и в современных, ставка делалась на многогранные, асимметричные, коварные и агрессивные средства. Конфликты были затяжными. Перемирие всегда означало переход к другим формам борьбы и после “передышки” — возобновление боев. Сегодня, как и в прошлом, арсенал средств России — явных и тайных, поощрительных и принудительных, “гуманитарных” и разрушительных — обуславливает дезориентацию и разногласия, привносит дух антагонизма во многие совместные мероприятия. Опыт совместных предприятий, договоров о стратегических вооружениях и энергетической дипломатии убедил многих партнеров, что ни один спор по-настоящему не разрешен и завершение их невозможно.

Классификация этих методов как “проблемы наследия” искажена опытом 1990-х годов, который их обновил и усовершенствовал правила деятельности тех, кто управляет российским государством и компаниями, заслуживающими поддержки государства. Как я писал в то время, “редко когда старые, опеределенные на теоретическом уровне демаркационные линии — между внутренним и внешним, экономическим и политическим, военным и гражданским — были более бесполезны” для описания событий в России. Вопреки гоббсовскому понятию хаоса как противоположности целенаправленной деятельности, 1990-е годы возродили принцип Московии, где хаос был лишь средой, используемой для достижения конкретных целей. Эти условия выгодны тем, кто имеет “не отягощенный моралью взгляд на экономические структуры и их использование”². Именно они ничего не потеряли, тогда как многие потеряли всё.

² Sherr, ‘Russia: Geopolitics and Crime’.

Третьей целью было показать, что внутренний строй России остается в международных делах проблемой, пусть и гораздо менее опасной, чем ее советский предшественник. Нынешние различия носят характер не доктринальный, а ценностный — в терминологии Запада, или цивилизационный — в терминологии России. Это — линии трения, а не раздела, причем весьма прозрачные. Даже самый антизападный шовинист в России не мечтает “похоронить” либеральную демократию Запада. Российская модель “суверенной демократии” не предназначена на экспорт вне евразийского пространства, называемого “привилегированным”. Несмотря на упреждающий характер, она подчеркнуто и обидчиво оборонительна.

Внутренний фактор устанавливает пределы достижимого при помощи традиционного “реалистического” подхода. Этот подход, выводящий национальные интересы из “объективных” факторов географии и власти, возник в ответ на мирные подходы к международным делам. Но он не применим в мире, находящемся в спорах о глубоко субъективных вещах, в которых государство — не всегда главный фактор. Сегодня Европа разделена не между враждебными блоками, а между нормативными системами. Это пост-реалистическое разногласие. Его элементы — традиции государственного строительства и управления, закон и право, безопасность и бизнес, интеграция и суверенитет, нация и государство — не являются атрибутами реалистической картины мироустройства³. Эти субъективные факторы глубоко влияют на иерархию предпочтений и угроз как России, так и Запада. Наиболее выразительное согласование этого нормативного разделения — германо-российские отношения — стало продуктом как психо-исторических комплексов, так и “объективных” национальных интересов. Но и эти отношения дали трещину, когда Европа в целом стала уделять больше внимания вопросам энергетики и прав человека.

Конечно, есть и факторы, смягчающие нормативные разногласия: торговые потоки и коммерческие связи, путешествия и иммиграция, знание культуры и социальные сети. Но падение тоталитарных режимов и укрепленных границ обнажило и реальные различия между нациями и народами. Сегодня Европа менее едина в своих устремлениях, чем в 1990г. Различия в интересах и мировоззрении перешли с межгосударственного на корпоративный, гражданский и “гуманитарный” уровни и используются как инструменты бизнеса и политики. Огромные усилия Запада по поддержке гражданского

³ См.: George Friedman, *The Next Hundred Years* (New York/London: Allison & Busby, 2009).

общества в Центральной и Восточной Европе были столь же политическими по своему значению, как и гуманитарная политика России — пусть даже менее политизированными в целях и более прозрачными в методах. С точки зрения Москвы, разницы между ними нет. Она возлагает на Запад вину за “цветные революции” 2003-2005гг. — якобы инспирированные во вред России — и настаивает на том, что Запад и его “агенты” хотят организовать “белую революцию” в самой России. Любые свои действия в ответ на это Москва считает необходимой самообороной.

В то же время Россия считает себя исключительно реалистичной державой. За пределами *Русского мира* она четко разделяет внутренние и внешние дела. Она относится к другим государствам как к сознательным, движимым собственными интересами игрокам, которые будут наращивать силы и пользоваться ее слабостью, если им это позволить. Она больше доверяет интересам, чем принципам, сути договоров, чем их духу. В российской дипломатии — что не оговорено, то не обязывает, и если значения терминов разнятся, то Россия придерживается только своих собственных трактовок. Разрядка, партнерство и даже военный союз не исключают конкуренции в других сферах. Сотрудничество ради сотрудничества бессмысленно, а “отношения” бесполезны, если они не преследуют некую цель. Личные отношения с зарубежными лидерами полезны, если они способствуют ясности и предсказуемости. Часто они этому не способствуют.

Четвертой целью исследования было прояснить следующий парадокс. Многие материальные и нематериальные активы, приобретенные Россией в первом десятилетии этого века, обесцениваются. Ее ведущее положение на мировых энергорынках подвергается испытанием революционными изменениями в энергогенерации, что жутко напоминает об угрозе, которую “революция в военном деле” представляла для советской военной мощи в самый разгар “новой холодной войны”. Путинская “вертикаль власти” гнется, а его модель “суверенной демократии” все чаще рассматривают за рубежом и внутри страны как серьезное структурное препятствие для модернизации — такой желанной для России и достигнутой ее партнерами по БРИК. Ее политика на Северном Кавказе пробила “черную дыру” внутри России, наподобие оставленной войной в Афганистане, которую обнаружил Горбачев, придя к власти. Вопреки ожиданиям России, победа над Грузией ничуть не помогла ей ни восстановить авторитет в южных приграничных территориях,

ни совладать с грузинским вызовом. Ее политика в Украине вызвала страх и сопротивление самого пророссийского за все время независимости правительства страны.

Парадокс состоит в том, что методы России замедляют упадок системы без устранения его причин, а также затягивает осознание происходящего. Путин не забыл о проблемах России. Но он верит, что управляемая государством экономика России справляется с кризисом лучше, чем загнанные в угол демократии ЕС. Эти сомнительные идеи подкрепляются активизацией Евразийского Таможенного союза, слабостью многих новых независимых государств, в которой им некого винить, кроме самих себя, и очевидным, но вводящим в заблуждение фактом, что российская экономика восстановилась после падения 2008-2009гг., а европейская — нет. Неофеодальная система России может поощрять посредственность, разбазаривать капитал и институционализировать воровство, но это не делает ее нестабильной. Есть логика в прогнозе Иноземцева, что “она не рухнет, и не будет радикально эволюционировать. Она просто будет”⁴.

Сейчас, как и во времена Николая I и Брежнева, сила России заключается в продлении существования устаревших практик. Если они не могут обеспечить позитивный результат — новый договор о европейской безопасности, пересмотр Энергетической хартии, “равенство” в НАТО, членство Украины в Евразийском Таможенном союзе и создающемся Евразийском Союзе, — то она довольствуется достижением негативных целей: вето на дальнейшее “гуманитарное вмешательство”, помехи расширению НАТО и ЕС в постсоветском регионе, срыв добычи сланцевого газа, блокирование урегулирования в Приднестровье, предотвращение попадания Украины в объятия ЕС. Если России нет места за столом, то она будет слонем в посудной лавке.

Эффективность этой модели государственного строительства и управления не стоит недооценивать. Советский оборонно-промышленный комплекс с его примитивными станками и убыточной системой производства выпускал высокотехнологические системы вооружений. Держатели российского энергетического сектора, как и Сталин, верят, что “Россия богата” и может позволить себе быть расточительной сегодня ради выигрыша завтра. Было бы в равной степени догматично немедленно отвергнуть или принять это предположение. Не стоит также приуменьшать твердость и хватку руководства страны, когда оно видит перед собой четкую цель.

⁴ Vladislav Inozemtsev, ‘Neo-Feudalism Explained’.

“Евразийский Союз” и энергетическое первенство в Евразии — две цели, от которых оно легко не откажется. Столь же неразумно было бы упускать из виду стратегические последствия тактических и оперативных действий. Если бы Украина сдала газотранспортную систему “Газпрому” или присоединилась к Евразийскому Таможенному союзу, или если бы Сербия отказалась от европейского курса, то последствия могли бы быть не только локальными или кратковременными. Сочетание слабости политической системы России и “крутизны” ее столпов настораживает. Нынешнее руководство России не избегает риска и не боится неприятностей. Оно также склонно к недооценке происходящего. Насколько запрет усыновления российских детей в США компенсировал вред для имиджа России, нанесенный Законом Магнитского (не говоря уже о деле Магнитского)? Как скрытые угрозы для поставок нефти в Европу (наподобие озвученных главой “Транснефти”) ослабляют интерес Европы к диверсификации источников энергии⁵? С усилением руководства России после возвращения Путина на пост Президента и назначения сильных фигур (Дмитрия Рогозина, Игоря Сечина, Сергея Шойгу) на ключевые должности эти диспозиции тоже усилились и создали основу для более жесткой и менее предсказуемой игры.

Задействованные силы и игроки создают для политики Запада проблемы, выходящие за предмет данного исследования. Но, в отсутствие единой и сбалансированной политики по отношению к России в целом, любая попытка отреагировать на менее привлекательные методы ее влияния будет тщетной.

Такая политика должна будет избавиться от иллюзий стратегического партнерства. Как недавно сказал в Египте Барак Обама, Россия — не союзник и не враг. Это важная и самолюбивая держава с собственной системой интересов, а ее властям не нравится многое, что поддерживается Западом. Как и Запад, российские власти опасаются господства “Талибана” в Афганистане, но они не считают постоянное присутствие НАТО там (не говоря уже о Центральной Азии) приемлемой платой за его предотвращение⁶. Они согласились предоставить США базу в Ульяновске для вывода войск, и надеются, что эта уступка будет сдерживать политику США в других сферах. Они не хотят видеть, как Иран становится

⁵ См. Главу 5.

⁶ Или, по словам Постоянного представителя России в Афганистане, “даже если бы оказалось, что длительное присутствие американских сил способствует стабильности на наших южных границах, я бы предпочел, чтобы они ушли”. См.: Blank, ‘The Sacred Monster: Russia as a Foreign Policy Actor’, p.101.

страной-обладателем ядерного оружия, и не особо привязаны к Башару Асаду, но еще больше они не хотят видеть потери своих прибылей и крушения геополитических опорных пунктов на Ближнем и Среднем Востоке. Их участие в Шестисторонних переговорах и трубопроводная политика на Дальнем Востоке направлены на сохранение влияния в обеих Кореях и противодействие китайскому и американскому влиянию в регионе в целом. Они превратили одного из главных архитекторов американско-российской “перезагрузки”, посла Майкла Макфола в объект беспрестанных оскорблений, и подвергли поношениям другого ее архитектора, бывшего Госсекретаря Хиллари Клинтон. Кампания перевыборов Путина подняла антиамериканизм до уровня, невиданного с момента избрания Рональда Рейгана. Крупнейшие после Второй мировой войны военные учения России “Запад-2009” разворачивались на фоне гипотетического нападения НАТО на Беларусь (для защиты польских и литовских “соотечественников”) и завершились имитацией ядерного удара по Варшаве. Реакцией на противоракетную оборону НАТО стали не только угрозы, но и программы модернизации российских ядерных сил и разработки ядерных боеприпасов малой мощности. Оскорбительная реакция Кремля и МИДа на осуждение российского контрабандиста оружия Виктора Бута стоила тысяч заявлений о борьбе с организованной преступностью. Хотя такие примеры — не повод считать Россию “врагом” (при всем уважении к Митту Ромни), партнеры так не поступают.

Западу также нужно отказаться от представлений, будто Россия стоит перед выбором между про- и антизападной альтернативами. В лучшем случае российские политики будут пророссийскими, в худшем — заинтересованными в собственном финансовом и политическом могуществе. Менее авторитарная Россия не обязательно будет более либеральной по отношению к соседям; менее коррумпированная Россия не обязательно будет более демократической. В стране есть разумные и мощные силы, которые ненавидят коррупцию, требуют надлежащего управления, поддерживают верховенство права — и восхищаются идеями Марин Ле Пэн⁷. В российском контексте эти идеи не противоречат друг другу. Так же, как не являются противоречивыми несогласие с путинским видением Евразийского Союза и вера в то, что Россия, Украина

⁷ См.: Ремизов М. Русский национализм и российская геополитика. Пойдет ли Россия путем Турции? — Россия в глобальной политике, 1 июля 2012г., — www.globalaffairs.ru/number/Russkii-natsionalizm-i-rossiiskaya-geopolitika-15596.

и Беларусь должны быть объединены в Славянский союз без кавказских или среднеазиатских обуз и иммигрантов⁸. Термины вроде “либерал”, “демократ” или “националист” способствуют восприятию людей и альтернатив куда проще, чем они есть на самом деле.

Уже поэтому, призывы к “моральному руководству” Запада должны восприниматься критически. Запад имеет собственные принципы и не должен их скрывать. Однако его опыт влияния на внутренние дела России вряд ли был успешным, даже если (как в эпоху Ельцина) это происходило по приглашению. Как ни парадоксально, но некоторые успехи Запада приходятся на время Холодной войны, а не последующий период. В 1970-х годах конкретных результатов (например, смягчения правил выезда евреев) удалось достичь, поскольку Советы ожидали в ответ выгоды для себя и считали своих основных западных партнеров — Администрацию Никсона — прогнозируемыми и серьезными. В начале 1980-х Администрация Рейгана предприняла ряд мер в поддержку противников российского режима в его “мягком подбрюшье” — в центральноевропейских странах социалистического содружества — за которыми последовали отголоски в нерусских республиках СССР. Однако, это была откровенно конфронтационная и очень рискованная политика, проводившаяся на пике Холодной войны. Она бы не достигла успеха без координации на высшем уровне. Эта политика не подвергала заметному риску другие интересы США и не повлекла дополнительных экономических затрат, кроме тех, которые уже накладывались военным противостоянием Востока и Запада. По мере приближения развязки Холодной войны, в политике Запада все больше места отводилось правам человека. Однако, давление Запада имело целью поддержать Горбачева, а не перечить ему в том, что реформам “нет альтернативы”. При этом, во всех этих эпизодах решающим мотивом действий Москвы были советские политические интересы.

Сегодня Запад менее един, чем когда-либо со времен Плана Маршалла. То же касается и российской оппозиции, часть которой презирает Запад так же, как и поносимый ею московский режим. Структура торговли и инвестиций устанавливает отрезвляющие пределы готовности Запада к риску и его возможностей. Влияние первоочередных приоритетов Запада на образ мыслей, бюджеты и

⁸ Paul Goble, ‘Slavic Nations Don’t Want Union with Central Asia, Moscow Researcher Says’, *Window on Eurasia*, 17 December 2012. <http://windowoneurasia2.blogspot.com/2012/12/window-on-eurasia-slavic-nations-dont.html>.

бюрократию не требует подтверждения. В таких условиях политика “морального лидерства” легко скатывается к риторике и символическим шагам, теряя уважение со стороны и тех, кому она противостоит, и тех, кому стремится помочь. Ни одно из этих ограничений не обязывает Запад выдавать визы или предоставлять инвестиционные возможности людям, крадущим чужую собственность или совершающим злодеяния (как убийство Магнитского). Но разумные санкции бывают еще более разумны, когда не рассчитаны на шумный эффект. Они могут успешно работать против небольших сетей, но санкции против политической системы — дело более сложное.

Наконец, Западу нужно прекратить винить себя. Его моральный зуд навредил отношениям не меньше, чем имперский зуд России. Непродуманные программы помощи не были причиной развития в России хищнического капитализма; в то же время другие политические мероприятия, способствовавшие возрождению в России комплексов “осажденной крепости”, помогли найти оправдания происходящим изменениям, а также козлов отпущения, имеющих к ним отношение. Запад также должен быть достаточно зрелым, чтобы согласиться с тем, что некоторые мероприятия, навредившие отношениям с Россией, были обязательны в отношениях с другим странам и полезны для Европы в целом. Разумная политика невозможна без уступок и моральных компромиссов. Двойные стандарты не уменьшают важности стандартов или убежденности тех, кто в них верит. Перефразируя слова, сказанные Фрицем Штерном в его магистерской работе о Бисмарке: “мир — не институт благородных девиц”⁹.

Сегодня перед Западом стоит задача выработать политику, устанавливающую новый баланс в правилах игры и вариантах выбора для России. Для этого следует:

- практиковать демократию, а не проповедовать ее;
- наблюдать, как российские интересы влияют на западные (при всем уважении к Гарольду Макмиллану);
- позволить России пожинать плоды своего выбора;
- настаивать, что и Россия, и Запад заслуживают лучшего.

Во-первых, Западу не следует забывать, что ценности лучше распространяются через практику и институты, а не критику и нотации. Не пристало представителям Госдепартамента США и

⁹ Fritz Stern, *Gold and Iron: Bismarck, Bleichröder and the Building of the German Empire* (Vintage, 1979), p.vi.

еврокомиссарам давать текущие комментарии о внутренних делах России. Тех, кто “призывает” Россию проводить честные выборы или бороться с коррупцией, следует спросить, кому в России помогли такие призывы. Когда такие заявления адресуют только России, они порождают цинизм; когда они оторваны от действий, они смешны. Сегодня Кремль считает, что Запад использует ценности как инструмент геополитики. Оппозиционные ему силы считают, что Запад смешивает добропорядочность с политикой.

Тем не менее, бывают времена, когда ценности, не говоря уже о практике, требуют откровенного общественного обсуждения. Россия — участник международных конвенций и взяла на себя общие и конкретные обязательства как член ОБСЕ и Совета Европы. В частности, в отношении ОБСЕ она проводит политику, ограничивающую автономию ее специализированных институтов и миссий, а также полномочия Бюро по демократическим институтам и правам человека. Как заметил Дов Линч, Организация “является одновременно *театром*, в котором Россия обыгрывает многие из своих тревог, ... и *объектом* специфических требований Москвы”¹⁰. Запад не может позволить себе действовать так, будто эти организации не очень важны, или допустить ослабление их единства. Но он не должен и позволять им вырождаться в антироссийские форумы. Стандарты ОБСЕ должны применяться к членам ОБСЕ без предпочтений и дискриминации.

Второй принцип касается прав и юрисдикции. Он подтверждает, что даже “родственные народы” являются гражданами суверенных государств и членами европейского сообщества. Он также требует решительных мер для того, чтобы российские субъекты в ЕС и Северной Америке действовали в соответствии с местными законами и правилами поведения. Такие меры должны восприниматься не как карательные санкции, а как эффективное исполнение закона. Третий энергетический пакет ЕС — это модель того, что нужно делать. Его полное выполнение повлияет на Россию больше, чем любое количество Законов Магнитского.

Третий принцип подводит черту под попытками России усидеть на двух стульях. Россия имеет полное право противостоять “диктату Брюсселя”. Но она не может на этом основании требовать привилегированных отношений с Брюсселем, не говоря уже о праве вето на политику ЕС или НАТО. Россия, выступающая против интересов и

¹⁰ Dov Lynch, seminar presentation in St Antony’s College, Oxford, 27 October 2008 [курсив оригинала].

ценностей институтов, созданных на базе этих интересов и ценностей, имеет право на деловые отношения в соответствии с ее статусом и значением. Но она не имеет права на большее. В отношении Евразийского Таможенного союза и ОДКБ — это всё, что требуют ЕС и НАТО, и России следует об этом напомнить. Если Россия намерена изолировать себя — это ее решение. Если она намерена блокировать соглашения — Запад должен найти разумные и конструктивные способы действовать далее без нее.

Четвертый принцип обязывает Запад обратить больше внимания на страну, а не на российский режим. Возможно, сейчас Россия не является зарождающейся демократией, но она не обречена оставаться такой всегда, и как долго удержится ее нынешнее политическое руководство — неизвестно. Что придет на смену — сегодня можно только догадываться, но когда-то может быть принята модель, на которую западная политика сможет влиять — в лучшую или худшую сторону. Для этого Запад должен помнить, что цель его политики — не наказать Россию, а защитить интересы и стандарты, которые завтра Россия может воспринять более позитивно, чем сегодня. По этой же причине Западу следует не только переосмыслить визовую политику, но и изменить ее (не забыв провести соответствующие изменения с Беларусью, Молдовой и Украиной). Как и три эти страны, Россия является частью Европы, и, как Турция, имеет право согласно Римскому договору претендовать на членство в ЕС (в отличие от участников Средиземноморского диалога). Быть может, пора шенгенским и нешенгенским членам ЕС распрощаться со своими запретами и дискриминацией в пользу Европы. Наконец, Западу необходимо вспомнить, что ряд российских компаний соответствуют установленным стандартам, еще больше — приближаются к ним и вправе рассчитывать не только на предоставление им возможностей для инвестиций и роста, но и на всяческую рекламу этих фактов.

Что касается методов влияния, рассмотренных в данном исследовании, то Запад нуждается в политике, отвечающей главным преимуществам России: асимметричный подход, “оперативное искусство” (“сочетание средств”) и упорство. Как минимум, это предполагает три направления деятельности Запада:

Обновление знаний о России во всех причастных органах власти (которые сегодня должны охватывать финансовое регулирование, экологическую политику и обеспечение правопорядка).

К сожалению, в верхах слишком мало профессионализма. Эксперты не имеют права формировать политику, но политики должны прислушиваться к ним перед принятием решений.

Публичная дипломатия. Запад не может позволить России вести монолог о планах Запада в ее “ближнем зарубежье” или в самой России. Однако, новостная, информационная политика и публичная дипломатия — недостаточны по охвату, недофинансируются и часто не согласуются с местными проблемами и потребностями. Результаты ЕС и НАТО в разъяснении их политики и потенциальных выгод от улучшения отношений с ними — весьма скромны.

Совершенствование институтов. В принципе, основное бремя соблюдения норм и стандартов ЕС в своей юрисдикции несут национальные органы власти. Но для новых стран-членов, испытывающих сильное влияние, проникновение и давление России, это бремя непомерно. Механизмы консультаций, координации и поддержки требуют замены.

Трудности воплощения этих принципов в эффективной политике Запада существенны, но имеют скорее интеллектуальный, нежели финансовый характер. Такая политика не будет угрожать нынешней схеме внутренних и глобальных приоритетов Запада, и правительства, готовые к этому, вполне смогут ее проводить. Если кому-то не хватит воли, это не должно помешать действовать другим — самостоятельно или вместе.

Облик России и далее будут определять ее противоречия. Это касается и ее международных отношений. Методы влияния России продлили жизнь социально-политической модели, являющейся наибольшим препятствием для прочного и эффективного влияния России. Разрешит ли Россия этот парадокс в нынешнем или даже следующем десятилетии — неизвестно. Если нет, то источники ее могущества и богатства могут иссякнуть. Следствием этого может стать ужесточение, а не смягчение политики. Логично предположить, что с течением времени все больше россиян будут задавать вопрос — служит ли нынешняя модель развития национальным интересам? Адресуют ли они свой вопрос внешней политике страны — будет видно. Отчасти, ответ на него будет зависеть и от Запада. Запад может существенно помочь России, помогая себе. Сегодня многое зависит от понимания, как это сделать.

Список использованной литературы

Валдайский клуб, РИА “Новости”, Совет по внешней и оборонной политике. Россия: не упустить удачу. Сценарии развития: Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба “Валдай”. — РИА “Новости”, Совет по внешней и оборонной политике, Москва, ноябрь 2011г., http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Scenarios%202011_RUS.pdf.

Гаджиев К.С. Введение в геополитику. Москва, 1994. Второе издание, дополненное: Москва, 1998г.

Горбачев М. Ради сохранения человеческой цивилизации. — Новости, 16 февраля 1987г.

Долгополова Н., Кокошин А. Уроки судеб великих держав. — Коммунист, 1988, №2.

Ельцин Б. Новогоднее обращение к народу. — Телеканал “Россия”, 30 декабря 1992г., SWB SU/1576 C1/1, 1 января 1993г.

Ельцин Б. Интервью газете “Аргументы и факты”, № 42, октябрь 1992г.

Ельцин Б. Выступление Б.Н.Ельцина в Федеральной службе контрразведки, 26 мая 1994г.

Ельцин Б. Обращение Б.Н.Ельцина к Федеральному Собранию, 24 февраля 1994г.

Закон Российской Федерации “Об органах Федеральной службы безопасности”, 12 апреля 1995г.

Институт современного развития. Россия XXI века: образ желаемого завтра. — ИНСОР, январь 2010г., www.insor-russia.ru/files/Obraz_gel_zavtra_0.pdf.

Караганов С. России везет. — Россия в глобальной политике, 7 марта 2011г., <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Rossii-vezet-15132>.

Караганов С. Революционный хаос нового мира. — Российская газета, 21 декабря 2011г., www.rg.ru/2011/12/21/karaganov.html.

Косачев К. За тремя зайцами? — Россия в глобальной политике, 14 февраля 2011г., <http://www.globalaffairs.ru/number/Za-tremya-zaitcami-15105>.

Лавров С. Сдерживание России: назад в будущее. — Россия в глобальной политике, 22 августа 2007г., www.mid.ru/brp_4.nsf/0/F5FF1E479C529D21C32573380029A6F1.

Лавров С. Дипломатия и бизнес, Международная жизнь, 4 сентября 2009г., <http://interaffairs.ru/read.php?item=253>.

Ленин В.И. Внешняя политика русской революции. — Полное собрание сочинений, т.32, Москва, Издательство политической литературы, 1974г.

Ленин В.И. Детская болезнь “левизны” в коммунизме. (Апрель-май 1920г.), т.41.

Ленин В.И. Государство и революция, т.33.

Медведев Д. Послание Президенту Украины Виктору Ющенко, 11 августа 2009г., www.kremlin.ru/news/5158.

Медведев Д. Послание Президента Федеральному Собранию 30 ноября 2010г., <http://kremlin.ru/transcripts/9637>.

Медведев Д. Выступление на Конференции по мировой политике, Эвиан, 8 октября 2008г., http://archive.kremlin.ru/appears/2008/10/08/1619_type63374type63377type82634_207422.shtml.

Обзор внешней политики Российской Федерации, 27 марта 2007г., www.mid.ru/brp_4.nsf/0/3647DA97748A106BC32572AB002AC4DD.

Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации, апрель 1993г.

Пастухов В. Реставрация вместо реформации: Двадцать лет, которые потрясли Россию. — Москва, 2012, с.104-105.

Петров Н. Россия-2010: меньше стабильности, больше публичной политики, Московский Центр Карнеги, Брифинг (том 13, выпуск 1), март 2011г., http://carnegieendowment.org/files/Petrov_Briefing_2011_March_rus.pdf.

Примаков Е. “Органическая связь между внутренней и внешней политикой никогда не была так очевидна, как сегодня”. — Правда, 10 июля 1988г.

Примаков Е. Запись пресс-конференции Министра иностранных дел России Е.М. Примакова, 12 января 1996г.

Проект Договора о европейской безопасности от 29 ноября 2009г., <http://kremlin.ru/news/6152>.

Проект программы эффективного использования на системной основе внешнеполитических факторов в целях долгосрочного развития Российской Федерации, 10 февраля 2010г., МИД России. Цит. по: *Russian Newsweek*, 11 мая 2010г., <http://perevodika.ru/articles/13590.html>.

Путин В. Россия: национальный вопрос. — Независимая газета, 23 января 2012г., www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html.

Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. — Известия, 3 октября 2011г., <http://izvestia.ru/news/502761>.

Путин В. Выступление В.В.Путина на открытии Конгресса соотечественников, 11 октября 2001г., <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2001/10/28660.shtml>.

Путин В. Россия на рубеже тысячелетий. — Независимая газета, 30 декабря 1999г., www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html?print=Y.

Ремизов М. Русский национализм и российская геополитика. — Агентство политических новостей, 18 июля 2012г., www.apn.ru/publications/article26892.html.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. 12 мая 2009г., www.scrf.gov.ru/documents/99.html.

Фролов В. Новое управление: Принципы мягкой силы. Как России работать в СНГ. — Ведомости, 8 апреля 2005г.

Чепурин А. Ориентир: конгресс соотечественников. — Международная жизнь, 2009г., №6.

Шелов-Коведяев Ф. Стратегия и тактика внешней политики России в новом зарубежье. сентябрь 1992г.

Шевцова Л. Одинокая держава: почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом. — Москва, Московский центр Карнеги, 2010, с.101, http://carnegieendowment.org/files/shevzova_power.pdf.

Энергетическая стратегия России на период до 2020г. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации №1234 от 28 августа 2003г., www.energoinform.org/normatives/powerstrategy.aspx.

Ambrosio, Thomas, *Authoritarian Backlash: Russian Resistance to Democratization in the Former Soviet Union* (Farnham: Ashgate, 2009).

Anderson, M.S., *The Eastern Question 1774–1923: A Study in International Relations* (London: Macmillan, 1966).

Assenova, Margarita, 'Bulgarian Government Withdraw Chevron's Shale Gas Permit', *Eurasia Daily Monitor*, Vol. 9, Issue 16, 24 January 2012 (Washington, DC: Jamestown Foundation).

Berg, E. and Ehin, P. (eds), *Identity and Foreign Policy: Baltic–Russian Relations and European Integration* (Farnham: Ashgate, 2009).

Blank, Stephen J., 'The Sacred Monster: Russia as a Foreign Policy Actor', in Stephen J. Blank (ed.), *Perspectives on Russian Foreign Policy* (Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, US Army War College, 2012).

Blank, Stephen J., *Towards the Failing State: The Structure of Russian Security Policy* (Camberley: Conflict Studies Research Centre, F56, November 1996).

Bogomolov, Alexander and Lytvynenko, Oleksandr, *A Ghost in the Mirror: Russian Soft Power in Ukraine*, Chatham House Briefing Paper, REP RSP BP 2012/01, January 2012.

BP Statistical Review of World Energy, June 2012.

Brzezinski, Zbigniew and Sullivan, Paige (eds), *Russia and the Commonwealth of Independent States: Documents, Data and Analysis* (Washington, DC: CSIS, 1997).

Carothers, Thomas, 'The Backlash Against Democracy Promotion', *Foreign Affairs*, Vol. 85, No. 2, March–April 2006.

Chyong, Chi-Kong, 'Economics of the South Stream Pipeline in the Context of Russian-Ukrainian Gas Bargaining', [www.usaee.org/usaee2011/best/chyong.pdf](http://usaee.org/usaee2011/best/chyong.pdf).

Crow, Suzanne, 'Russia Debates its National Interests', *RFE/RL Research Report*, 10 July 1992.

Dahrendorf, Ellen and Willets, Harry (eds), *Leonard Schapiro: Russian Studies* (London: Collins Harvill, 1986).

Dallin, David, *Soviet Foreign Policy After Stalin* (London: Methuen, 1961/1975).

Dick, C.J., 'Initial Thoughts on Russia's Draft Military Doctrine', CSRC Occasional Brief, No. 12, 14 July 1992.

Dick, C.J., 'The Military Doctrine of the Russian Federation', Occasional Brief 25 (Camberley: Conflict Studies Research Centre, RMA Sandhurst, 1993).

Dick, C.J., *Russian Views on Future War* (Camberley: Conflict Studies Research Centre, AA26, June 1993).

Doronin, Aleksandr, 'Aktivniye meropriatiya: informatsionno-psikhologicheskoe vosdeiystie' ['Active Measures: Informational-Psychological Influence'], from his book *Biznes-razvedka* [Business Intelligence], reprinted in *Agentura*, August 2009.

Dziak, John J., *Chekisty: A History of the KGB* (Lexington, MA: Lexington Books, 1988).

European Commission, *Communication from the Commission to the European Council and the European Parliament: An Energy Policy for Europe* {SEC(2007) 12} (Brussels, 10 January 2007 COM(2007) 1 final).

Friedman, George, *The Next Hundred Years* (New York/London: Allison & Busby, 2009).

Fuhrmann, Johann C., *Demographic Crisis: Russia's Migration Debate*, KAS International Reports, 1/2012.

Gaddy, Clifford G. and Ickes, Barry W., 'Russia after the Global Financial Crisis', *Eurasian Geography and Economics*, 2010, Vol. 51, No. 3.

Giles, Keir, *The Military Doctrine of the Russian Federation 2010* (Rome: NATO Defence Review, NATO Defence College, February 2010).

Gomart, Thomas, 'Politique étrangère russe: l'étrange inconstance', *Politique étrangère* Vol. 1, 2006.

Greene, James, *Russia's Responses to NATO and European Union Enlargement and Outreach*, Chatham House Briefing Paper, REP RSP BP 2012/02, June 2012.

Grigas, Agnia, *Legacies, Coercion and Soft Power: Russian Influence in the Baltic States*, Chatham House Briefing Paper, REP RSP BP 2012/04, August 2012.

Gvosdev, Nikolas (ed.), *The Strange Death of Soviet Communism* (Special Issue of *The National Interest*), No. 31, Spring 1993.

Hanson, Philip, Nixey, James, Shevtsova, Lilia and Wood, Andrew, *Putin Again: Implications for Russia and the West* (London: Chatham House, February 2012).

Hedenskog, Jakob and Larsson, Robert L., *Russian Leverage on the CIS and Baltic States* (Stockholm: Swedish Defence Research Agency (FOI), 2007).

Holbraad, Carsten, *The Concert of Europe: A Study in German and British International Theory, 1815–1914* (London: Longman, 1970).

Inozemtsev, Vladislav, 'Neo-feudalism Explained', February 2011, <http://postindustrial.net/2011/02/neo-feudalism-explained/>.

International Energy Agency (IEA), *World Energy Outlook 2011*, Paris.

Kivirähk, Juhan, 'How to Address the "Humanitarian Dimension" of Russian Foreign Policy?' (Tallinn: International Centre for Defence Studies, 3 February 2010).

Kolsto, Pal, *An Appeal to the People: Glasnost — Aims and Means* (Oslo: Institute for Defence Studies), 1988.

Kolsto, Pal, *Russians in the Former Soviet Republics* (London: Hurst, 1995).

Kononenko, Vadim and Moshes, Arkady, *Russia as a Network State: What Works in Russia When State Institutions Do Not* (London: Palgrave, 2011).

Kozyrev, Andrey, 'Russia: A Chance for Survival', *Foreign Affairs*, Vol. 71, No. 2, June 1992.

Krastev, Ivan, *Shifting Obsessions: Three Essays on the Politics of Anticorruption* (New York: Central European University Press, 2004).

Krivitsky, W.G., *I Was Stalin's Agent* (1939) (ed. Mark Almond) (Cambridge: Ian Faulkner, 1992).

Kryuchkov, Vladimir, *Deyatel'nost' organov gosudarstvennoy bezopasnosti na sovremennom etape* [Activities of the Organs of State Security at the Present Stage] (Moscow, 1988). From KGB documents released by the Gayauskas Commission (Lithuania).

Kupchinsky, Roman, *Gazprom's European Web* (Jamestown Foundation, February 2009).

Kupchinsky, Roman, 'Nord Stream, Matthias Warnig (codename "Arthur") and the Gazprom Lobby', *Eurasia Daily Monitor*, Vol. 6, Issue 114, 15 June 2009.

Kuzio, T., 'History, Memory and Nation-building in the Post-Soviet Colonial Space', *Nationality Papers*, Vol. 30, No. 2, 2002.

Latynina, Yulia, 'The Economy: New Actors, Old Legacies', in Isham, Heyward (ed.), *Reconstructing Russia: Perspectives from Within* (New York: Institute for East–West Studies, 1996).

Ledeneva, Alena, 'Cronies, Economic Crime and Capitalism in Putin's Sistema' (review article), *International Affairs*, Vol. 88, No. 1, 2012.

Ledeneva, Alena, *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchanges* (Cambridge University Press, 1998).

LeDonne, John, *The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831* (Oxford University Press, 2004).

Leggett, George, *The Cheka: Lenin's Political Police* (Oxford University Press, 1981).

Lieven, Dominic, 'Dilemmas of Empire 1850–1918. Power, Territory, Identity', *Journal of Contemporary History*, Vol. 34, Issue 2, April 1999.

Lo, Bobo, *Axis of Convenience: Moscow, Beijing and the New Geopolitics* (Washington, DC: Brookings/Chatham House, 2008).

Lough, John, *The Place of Russia's 'Near Abroad'* (Camberley: Conflict Studies Research Centre, F32, January 1993).

Lough, John, *Russia's Energy Diplomacy*, Chatham House Briefing Paper, REP RSP BP 2011/01, May 2011.

Lucas, Edward, *The New Cold War: How the Kremlin Menaces both Russia and the West* (London: Bloomsbury, 2008).

Lynch, Dov, 'Russia and the OSCE: Contours of European Security', Lecture at St Antony's College, Oxford, 27 October 2008.

Medvedev, Zhores, *Gorbachev* (Oxford: Blackwell, 1987).

Mlynář, Zdeněk, *Night Frost in Prague* (London: Hurst, 1980).

Monaghan, Andrew, 'An Enemy the Gates: Russian Foreign Policy', *International Affairs*, Vol. 84, No. 4, 2008.

Monaghan, Andrew, *From Lisbon to Munich: Russian Views of NATO—Russian Relations*, Research Division, NATO Defence College, Rome, February 2011.

Monaghan, Andrew (ed.), *The Indivisibility of Security: Russia and Euro-Atlantic Security*, Research Division, NATO Defence College, Rome, December 2009.

Monaghan, Andrew, *Stakhanov to the Rescue? Russian Coal and the Troubled Emergence of an Energy Strategy* (Shrivenham: Advanced Research & Assessment Group, 07/34, November 2007).

Moshes, Arkady, 'Russia's European Policy Under Medvedev: How Sustainable is a New Compromise?', *International Affairs*, Vol. 88, No. 1, 2012.

Nicolson, Harold, *Diplomacy* (London: Oxford University Press, 1963).

Nixey, James, *The Long Goodbye: Waning Russian Influence in the South Caucasus and Central Asia*, Chatham House Briefing Paper, REP RSP BP 2012/03, June 2012.

Nowak, Andrzej, *Imperiological Studies: A Polish Perspective* (Cracow: Jagiellonian University, 2011).

Nye, Joseph S. Jr, *Soft Power: The Means to Success in World Politics* (New York: PublicAffairs, 2004).

Odom, William, 'How Far Can Soviet Reform Go?', *Problems of Communism*, November/December 1987.

Paik, Keun-Wook with Lahn, Glada and Hein, Jens, *Through the Dragon Gate? A Window of Opportunity for Northeast Asian Gas Security*, Chatham House Briefing Paper EER BP 201/05, December 2012.

Pearnton, Maurice, *The Knowledgeable State: Diplomacy, War and Technology since 1830* (London: Burnett Books, 1982).

Pelnens, Gatis (ed.), *The 'Humanitarian Dimension' of Russian Foreign Policy Toward Georgia, Moldova, Ukraine and the Baltic States* (Riga: Centre for East European Policy Studies, Konrad Adenauer Stiftung, Soros Foundation Latvia, 2nd supplementary edn, 2010).

Pipes, Richard, *Russia Under the Bolshevik Regime, 1919–1924* (London: Harvill, 1994).

Plekhanov, G.V., *Socialism and the Political Struggle* (1883), <http://www.marxists.org/archive/plekhanov/1883/struggle/index.htm>.

Popescu, Nicu and Litra, Leonid, *Transnistria: A Bottom-up Solution* (European Council on Foreign Relations, ECFR/63, September 2012).

Potekhin, Oleksandr, 'Russian Foreign Policy Trends under President Putin', *Monitoring* (Kyiv: Centre for Peace, Conversion and Foreign Policy of Ukraine), 30 May 2000.

Riley, Alan, 'Commission v. Gazprom: The Antitrust Clash of the Decade?', CEPS, No. 285, 31 October, <http://www.ceps.eu>, pp. 4ff.

Romerstein, Herbert and Levchenko, Stanislav, *The KGB Against the 'Main Enemy'* (Lexington, MA: Lexington Books, 1989).

Romerstein, Herbert, *Soviet Active Measures and Propaganda: 'New Thinking' and Influence Activities in the Gorbachev Era* (Toronto: Mackenzie Institute for the Study of Terrorism, Revolution and Propaganda, 1989).

Schultz, Richard and Godson, Roy, *Dezinformatsia: Active Measures in Soviet Strategy* (Oxford: Pergamon-Brassey's, 1984).

Sherr, James, *Living with Russia in the Post-Soviet Era* (Camberley: Soviet Studies Research Centre, F31, July 1992).

Sherr, James, *The Mortgaging of Ukraine's Independence*, Chatham House Briefing Paper REP BP 2010/01, August 2010, pp. 6–10.

Sherr, James, *Russia and the West: A Reassessment*, The Shrivenham Papers, No.6, Defence Academy of the United Kingdom, January 2008.

Sherr, James, 'Russia: Geopolitics and Crime', *The World Today*, Vol. 51, No. 2, February 1995.

Sherr, James, 'The Russia–EU Energy Relationship: Getting It Right', *The International Spectator*, Vol. 45, Rome.

Sherr, James and Main, Steven, *Russian and Ukrainian Perceptions of Events in Yugoslavia* (Camberley: Conflict Studies Research Centre, May 1999).

Smith, Mark, *Russia and the Far Abroad: Aspects of Foreign Policy* (Camberley: Conflict Studies Research Centre, F39, May 1994).

Smith, Mark, *Russia and the Transformation of NATO*, UK Defence Academy, 11 January 2011.

Snyder, Jack, *The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations* (Santa Monica, CA: Rand Corporation, 1977).

Socor, Vladimir, 'Implications of Ukraine's Gas Imports from Europe', *Eurasia Daily Monitor*, Vol. 10, Issue 60, 1 April 2013.

Stone, Norman, *World War One: A Short History* (London: Penguin, 2008).

Strang, Lord, 'The Moscow Negotiations, 1939', in Dilks, David (ed.), *Retreat from Power: Studies in Britain's Foreign Policy of the Twentieth Century*, Vol. I 1906–1939 (London: Macmillan, 1981).

Sutela, Pekka, 'How Strong is Russia's Economic Foundation?', Policy Brief, Centre for European Reform, London, October 2009.

Thom, Françoise, *Les Fins du Communisme* (Paris: Criterion, 1994).

Thom, Françoise, 'La politique étrangère de la Russie' ['Russia's Foreign Policy'], *Commentaire*, No. 139, Autumn 2012.

Trenin, Dmitri, *Post-Imperium* (Washington, DC: Carnegie Endowment, 2011).

Tretyakov, Sergey and Earley, Pete, *Comrade J: The Untold Secrets of Russia's Master Spy in America After the End of the Cold War* (New York, Berkley Books, 2007).

Troitsky, Mikhail, 'Containment Must be Overcome', *Russia in Global Affairs Online*, 25 December 2010.

Tsygankov, Andrey, *What is China to Us? Westernizers and Sinophiles in Russian Foreign Policy*, *Russie.Nei.Visions*, No. 45 (Paris: IFRI, December 2009).

Vatansever, Adnan, *Russia's Oil Exports: Economic Rationale Versus Strategic Gains* (Carnegie Papers, No. 116, December 2010).

Vigor, Peter, *The Soviet View of War, Peace and Neutrality* (London: Routledge & Kegan Paul, 1975).

de Waal, Thomas, 'Spring for the Patriarchs', *The National Interest*, 27 January 2011.

Wojcik, Teresa, 'German Environmentalists Paid by Gazprom', 13 April 2011; 'Gazprom Lobbyists in Europe', 5 June 2011, and 'Russian Assault on Shale', 8 December 2011, Freepl.info.

Wood, Andrew, *Russia's Business Diplomacy*, Chatham House Briefing Paper, REP RSP BP 2011/02, May 2011.

Публикация этой книги завершает проект *Chatham House* под названием “Цели и средства влияния России за рубежом”. В 2009-2012гг. состоялись три семинара: два по общей теме — в *Chatham House* и один по мягкой силе — в Варшаве, в сотрудничестве с Центром польско-российского диалога и согласия. В 2011-2012гг. ключевые участники проекта издали шесть справочных публикаций *Chatham House*:

Alexander Bogomolov and Oleksandr Lytvynenko, *A Ghost in the Mirror: Russian Soft Power in Ukraine*

James Greene, *Russian Responses to NATO and EU Enlargement and Outreach*

Agnia Grigas, *Legacies, Coercion and Soft Power: Russian Influence in the Baltic States*

John Lough, *Russia's Energy Diplomacy*

James Nixey, *The Long Goodbye: Waning Russian Influence in the South Caucasus and Central Asia*

Andrew Wood, *Russia's Business Diplomacy*

Программа России и Евразии

Программа России и Евразии Королевского института международных отношений Великобритании (*Chatham House*) призвана объединить наилучшие исследования динамичных процессов, происходящих в странах бывшего Советского Союза, а также последствий этих процессов для Запада и всего мира. В рамках Программы работают лучшие специалисты в этой области — как штатные сотрудники, так и широкая международная сеть внештатных исследователей, что обеспечивает максимально возможный географический и тематический охват региона.

Больше информации на сайте:

www.chathamhouse.org/research/russia-eurasia